PG2947
.B5
I 9

Книгоиздательство „Сотрудничество“.

Ивановъ-Разумникъ.

В. Г. Бѣлинскій.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG2947
.B5
I 9

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00022048605

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513

ИВАНОВЪ-РАЗ

PG2947
.B5
C I9
3

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.

V. G. Bielinskii

ПЕТРОГРАДЪ.
Четвертая Государственная Типографія.
1918.

I.

Дѣтство и юность (1811—1829 гг.).

Въ послѣдней четверти XVIII вѣка въ селѣ Бѣлыни, Пензенской губ. былъ священникомъ нѣкій о. Никифоръ, по позднѣйшимъ семейнымъ преданіямъ — праведникъ, аскетъ, подвижникъ. Сынъ его, Григорій Никифоровичъ, получилъ въ семинаріи фамилію Бѣлынскій; окончивъ впослѣдствіи петербургскую медицинскую академію, онъ служилъ (съ 1809 по 1816 годъ) въ Балтійскомъ флотѣ врачемъ. Онъ женился тамъ на дочери флотскаго офицера; въ Свеаборгѣ у нихъ родился сынъ — Виссаріонъ. Черезъ три съ половиною десятка лѣтъ послѣ этого событія, В. Г. Бѣлинскій писалъ своему другу Боткину въ мартѣ мѣсяцѣ 1846 г.: „Мая 30-го стукнетъ мнѣ тридцать шесть лѣтъ"; такимъ образомъ, самъ Бѣлинскій считалъ днемъ своего рожденія 30-е мая 1810 года. Онъ ошибался и въ днѣ и въ годѣ своего рожденія: въ настоящее время документально установлено, что Бѣлинскій родился 1-го іюня 1811 года [1]).

Когда маленькому Виссаріону минуло пять лѣтъ, отецъ его перешелъ на службу въ свои родные края — въ захолустный (хотя и уѣздный) городъ Пензенской губерніи Чембаръ. Здѣсь Виссаріонъ Бѣлинскій провелъ свои дѣтскіе годы; здѣсь, въ 1820 году, онъ поступилъ въ Чембарское уѣздное училище и пробылъ въ немъ до 1825 года, когда его отправили въ Пензенскую гимназію. Не радостнымъ было дѣтство Бѣлинскаго, и оно во многихъ отношеніяхъ

---

[1]) См. письмо Д. П. Иванова къ А. Н. Пыпину отъ 16 іюня 1876 г. (помѣщено въ книгѣ Пыпина «Бѣлинскій и его жизнь и переписка», изд. 2-ое, 1908 г., стр. 640—1, см. также «Русскую Старину» 1899 г., № 4, стр. 200—1. Всѣ эти свидѣтельства устанавливаютъ годъ рожденія Бѣлинскаго; день установленъ недавно изысканіями г. Рудакова, вызвавшими однако рядъ возраженій.

наложило свою печать на нѣкоторыя черты его характера. Тридцать лѣтъ спустя самъ онъ объяснялъ свою робость, свою конфузливость и свою боязнь людей — впечатлѣніями ранняго дѣтства. „Вспомнилъ я разсказъ матери моей,— писалъ Бѣлинскій Боткину 16 апр. 1840 года:—она была охотница рыскать по кумушкамъ, чтобы чесать язычекъ; а я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькой, нанятою дѣвкою; чтобы я не безпокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била. Впрочемъ, я не былъ грудным: родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея. Потомъ: отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и площадно—вѣчная ему память. Я въ семействѣ былъ чужой". Въ юности Бѣлинскій платилъ за это отцу ненавистью и, будучи уже гимназистомъ „декламировалъ свою ненависть къ отцу отчаянно-восторженными возгласами героевъ Шиллера [1]).

Врядъ ли эта ненависть была вполнѣ заслужена: отецъ Бѣлинскаго былъ, повидимому, незаурядный человѣкъ, стоявшій значительно выше окружавшей его уѣздной среды. Въ этой средѣ его не любили за рѣзкость и прямоту, за его „вольтеріанскія" мнѣнія и сужденія; позднѣе, въ 1834 году, одинъ изъ молодыхъ родственниковъ Виссаріона писалъ ему изъ Чембара объ его отцѣ: „человѣкъ благороднѣйшій въ высшей степени, съ чувствами высокими, рожденный съ отличными способностями, но убитый мелочною жизнью въ Чембарѣ, заброшенный въ дикій бурьянъ, въ кругъ людей, между которыми тщетно ты будешь искать слѣдовъ истиннаго человѣчества. Я часто былъ свидѣтелемъ благороднѣйшихъ поступковъ его, которые восхищали меня и въ минуту разсѣивали всѣ мои предубѣжденія". Эти же родственники указываютъ, что тяжелую семейную обстановку семьи Бѣлинскихъ во многомъ усложнялъ характеръ матери Виссаріона; она отличалась „неистово-бѣшенымъ нравомъ", „своенравною независимостью" и вообще „неумѣреннымъ темпераментомъ". Мы не останавливались бы на всѣхъ этихъ частностяхъ, если бы онѣ не были такъ важны для пониманія характера «неистоваго Виссаріона». Дѣйствительно, темпераментъ матери, рѣзкость и прямота отца и, наконецъ, религіозный экстазъ подвижника-дѣда—все это

---

[1]) Воспоминанія о Бѣлинскомъ родственницы его, г-жи Ш., помѣщены въ „Дорожныхъ Запискахъ" М. Погодина въ газетѣ „Русскій" 1868 г., № 15.

въ новыхъ формахъ и съ новой силой воскресло въ „не истовомъ“, прямодушномъ, вѣчномъ подвижникѣ, вѣчномъ искателѣ истинной религіи Виссаріонѣ Бѣлинскомъ.

Въ одной изъ статеекъ Бѣлинскаго 1839 года (о „Милордѣ Англинскомъ“) мы встрѣчаемъ интересное автобіографическое отступленіе, яко-бы заимствованное изъ «рукописныхъ мемуаровъ» нѣкоего «добраго пріятеля»; этотъ alter ego Бѣлинскаго вспоминаетъ „золотые годы своего дѣтства“; „я снова—пишетъ онъ—становлюсь ребенкомъ, и вотъ уже съ бьющимся сердцемъ бѣгу по пыльнымъ улицамъ моего родного городка, вотъ вхожу на дворъ родимаго дома съ тесовою кровлею, окруженнаго бревенчатымъ заборомъ... Вотъ отъ воротъ до крыльца треугольный палисадникъ, съ акаціями, черемуховымъ деревомъ и купою розановъ... Вотъ и огородъ, которому со двора служатъ оградою погребъ и другія службы, съ небольшими промежутками частокола, а съ остальныхъ трехъ сторонъ — плетень... Вотъ и маленькая баня при входѣ въ огородъ, даже и среди бѣлаго дня пугавшая мое дѣтское воображеніе своею таинственною пустотою... А вотъ, возлѣ нея и стогъ сѣна, на которомъ я часто воображалъ себя то Александромъ Македонскимъ, то Еруслановъ Лазаревичемъ... А въ домѣ — тамъ нѣтъ ни комнаты, ни мѣста на чердакѣ, гдѣ бы я ни читалъ, или ни мечталъ, или позднѣе ни сочинялъ“... Читать и мечтать — вотъ въ чемъ, очевидно, находилъ спасеніе отъ семейной обстановки не по возрасту задумчивый и (по впечатлѣнію Лажечникова) не по лѣтамъ умный ребенокъ. Изъ той же автобіографической статейки видно, какія книги прежде другихъ попались подъ руку маленькому Виссаріону, когда онъ „уже бойко читалъ по толкамъ, хотя еще и не умѣлъ писать“: это были „Бова“ и „Еруслань“ гражданскою печатью, „Зеркало Добродѣтели“ съ раскрашенными картинками, „Повѣсти и романа господина Вóлтера“, и, наконецъ, неизбѣжный „Милордъ Англинскій“, жадно прочитанный въ огородѣ, между грядками бобовъ и гороха.

Но вотъ начинается періодъ школьнаго ученія—въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ: девятилѣтнимъ ребенкомъ поступилъ туда Виссаріонъ Бѣлинскій и четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ окончилъ въ немъ «курсъ наукъ». Каковы были въ это время литературные вкусы мальчика, что онъ читалъ, чѣмъ увлекался? Отвѣтъ на это опять-таки даютъ слова самого Бѣлинскаго въ одной изъ рецензій 1835 года (о стихотвореніяхъ нѣкоего Коптева): Бѣлинскій снова вспо-

инаетъ въ ней „золотое время дѣтства, когда — пишетъ онъ — еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбора, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ, когда я плакалъ, читая Бѣдную Лизу и Марьину рощу, и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при темномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ, à la Эрастъ Чертополоховъ". Этотъ же періодъ «неутомимаго» чтенія, и списыванія прочитаннаго „въ огромныя кипы тетрадей" продолжался и въ 1825—1828 году, когда юноша Бѣлинскій продолжалъ свое ученіе въ пензенской гимназіи; до насъ дошла одна изъ такихъ тетрадокъ даже временъ студенчества Бѣлинскаго (1831 г.). Въ гимназическую эпоху своей жизни Бѣлинскій, ему было тогда 14—17 лѣтъ,— продолжалъ восхищаться старой русской литературой; самъ онъ впослѣдствіи вспоминалъ, что въ это время зналъ наизустъ «Димитрія Самозванца» Сумарокова и вообще восхищался русской литературой XVIII вѣка [1]).

Какимъ образомъ отъ этой литературы онъ перешелъ къ восторженному преклоненію предъ Пушкинымъ — объ этомъ самъ онъ подробно разсказалъ въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ: переходъ этотъ былъ эволюціей отъ Державина къ Пушкину черезъ Жуковскаго. (Замѣтимъ въ скобкахъ, что къ этому же времени относится сильное вліяніе на юношу Бѣлинскаго сочиненій кн. В. Одоевскаго: чтеніе ихъ было для Бѣлинскаго «нравственнымъ ударомъ», оставившимъ въ его душѣ «самыя благодатныя слѣдствія»... «Я въ дѣтствѣ зналъ Державина наизустъ,— вспоминаетъ Бѣлинскій,—и мнѣ трудно было изъ міра его напряженно-торжественной поэзіи, бѣдной содержаніемъ, лишенной всякой художественности, всякой виртуозности, перейти въ міръ поэзіи Пушкина. Для моего дѣтскаго воображенія, поставленнаго державинскою поэзіею на ходули, поэзія Пушкина казалась слишкомъ простою, слишкомъ кроткою и лишенною всякаго полета, всякой возвышенности. Пере-

[1]) Однако, уже въ 1829 году, только что пріѣхавшій въ Москву Бѣлинскій, описывая отцу университетскую библіотеку и стоящіе въ ней бюсты „великихъ геніевъ" — Ломоносова, Державина, Карамзина, замѣчаетъ тутъ же: „жалко, что между помянутыми бюстами великихъ писателей стоятъ бюсты площаднаго Сумарокова, холоднаго, напыщеннаго и сухого Хераскова".

ходъ отъ Державина къ Жуковскому для меня былъ очень легокъ: я тотчасъ же очаровался этимъ мистическимъ міромъ внутренней, задушевной поэзіи, любилъ ее исключительно; но Державинъ всетаки оставался, въ моемъ понятіи, идеаломъ истиннаго поэта. Только постепенное духовное развитіе въ лонѣ пушкинской поэзіи могло оторвать меня отъ глубоко вкоренившихся впечатлѣній дѣтства и довести до сознанія тайны, сущности и значеніи истинной поэзіи». И разумѣется, въ пушкинской поэзіи на юношу-Бѣлинскаго наиболѣе сильное впечатлѣніе должны были произвести его первыя поэмы и стихотворенія; когда въ 1827 году появилась въ печати сцена изъ „Бориса Годунова“ (Пименъ и Григорій), то Бѣлинскій встрѣтилъ ее „непривѣтно“, по воспоминанію тогдашняго наставника Бѣлинскаго, М. Попова, одного изъ учителей пензенской гимназіи. Этотъ же учитель (впослѣдствіи видный чиновникъ знаменитаго III отдѣленія), разсказываетъ, что Бѣлинскій и въ то время не поддавался на чужія мнѣнія; не соглашаясь съ какимъ-либо изъ критическихъ мнѣній, онъ или отмалчивался, или говорилъ: „дайте, подумаю; дайте, еще прочту“; если же соглашался, то отвѣчалъ со страшной увѣренностью: «совершенно справедливо». Съ страшной увѣренностью— это удивительно мѣткое опредѣленіе остается всецѣло примѣнимымъ рѣшительно ко всѣмъ критическимъ сужденіямъ всей дѣятельности великаго критика.

Такъ развивались литературные взгляды, вкусы и мнѣнія юноши-Бѣлинскаго. Само собою разумѣется, что въ это же время онъ пробовалъ свои силы и въ различныхъ «сочиненіяхъ», прежде всего—въ стихотворныхъ опытахъ. «Еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго», вспоминалъ впослѣдствіи Бѣлинскій въ цитированной выше рецензіи 1835 года, но и значительно раньше, въ письмѣ къ извѣстному намъ М. Попову (отъ 30 апрѣля 1830 года) студентъ Бѣлинскій говоритъ, какъ о давно прошедшемъ, о томъ времени, когда онъ, бывши во второмъ классѣ гимназіи (это было въ 1826—1827 г.г.), писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго»... Къ сожалѣнію, изъ этихъ раннихъ опытовъ Бѣлинскаго до насъ не дошло ни одного [1]), изъ позднѣйшей эпохи его студенчества

[1]) Въ интересной статьѣ Н. Рыбкина. «Матеріалы къ біографіи Лермонтова и Бѣлинскаго («Ист. Вѣстн.», 1881 г., № 10) приводится одно

сохранилось одно очень слабое стихотвореніе, напечатанное въ 1831 году („Русская быль"). Бѣлинскій пробовалъ перейти къ „смиренной прозѣ", сталъ писать повѣсти, тоже не дошедшія до насъ; но все это у него «не клеилось», „шло туго", по выраженію его учителя М. Попова. И Бѣлинскій, вѣроятно, вскорѣ самъ созналъ безплодность этихъ своихъ юношескихъ попытокъ; онъ сознал, что ему прежде всего нужно „ученье, ученье и ученье"... И вотъ онъ бросаетъ въ концѣ 1828 г. пензенскую гимназію и ѣдетъ въ Чембаръ, чтобы тамъ на свободѣ подготовиться къ вступительному университетскому экзамену. А тѣмъ временемъ его уже оффиціально исключаютъ въ мартѣ 1829 г. изъ гимназіи «за нехожденіе въ классъ»...

Не легко было Бѣлинскому осуществить эту свою мечту о поѣздкѣ въ Москву и поступленіи въ университетъ: «съ большимъ грѣхомъ удалось мнѣ съѣхать»,—говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ родителямъ (отъ начала сентября 1829 г.).Наибольшимъ препятствіемъ было, разумѣется, отсутствіе денежныхъ средствъ у родителей Бѣлинскаго; обращаясь нѣсколько позднѣе къ отцу съ просьбой о высылкѣ 12—13 руб. (54 р. ассигн.), Бѣлинскій пишетъ: „конечно, (эта) сумма для васъ немаловажная" (письмо отъ 2 октября 1829 г.).—При такихъ условіяхъ много трудностей надо было преодолѣть юношѣ-Бѣлинскому, много униженій испытать; и самъ онъ говоритъ, что часто въ его умѣ „невольнымъ образомъ вертѣлся стихъ Долгорукова: о, бѣдность, горько жить съ тобой"!

Но какъ бы то ни было, всѣ препятствія были, наконецъ, преодолѣны и Бѣлинскому удалось выѣхать въ Москву въ серединѣ августа 1829 г., вмѣстѣ со своимъ богатымъ родственникомъ Владыкинымъ. за лакея котораго Бѣлинскому разъ пришлось себя выдавать... Памятникомъ этого путешествія остался веденный Бѣлинскимъ „журналъ моей поѣздки въ Москву и пребываніе въ оной [1]); въ немъ Бѣлинскій разсказываетъ, между прочимъ, что по пути ему встрѣтилась цыганка, предложившая «поворожить», на что онъ

стихотвореніе якобы Бѣлинскаго изъ его «Записной книжки» на 1828 г., содержащей въ себѣ рядъ произведеній Батюшкова, Пушкина, Языкова и др.; но это стихотвореніе («Выдь, дохни насъ упоеньемъ», подписанное въ книжкѣ Б-ій, принадлежитъ вовсе не Бѣлинскому, а Баратынскому.

[1]) Впервые напечатанъ въ «Живописномъ Обозрѣніи» 1898 г., № 22, въ статьѣ П. Шугаева «Изъ колыбели замѣчательныхъ людей».

отъ скуки и для смѣха согласился; „между многими глупостями, которыя обыкновенно врутъ сіи пророчицы,—пишетъ Бѣлинскій,—меня чрезвычайно удивили слѣдующія слова: *люди почитаютъ и уважаютъ тебя за разумъ, только языкомъ не ошибайся. Ты пойдешь получить и получишь, хотя и сверхъ чаянія*»... И если Бѣлинскій ѣхалъ за славой,—а кто изъ юношей не ѣдетъ за ней?—то онъ дѣйствительно получилъ ее, «хотя и сверхъ чаянія», такъ какъ Бѣлинскому тогда, вѣроятно, и въ голову не приходила ожидающая его дорога.

II.

Университетъ. «Дмитрій Калининъ» (1829—1832 г. г.),

Послѣ разныхъ огорченій и недоразумѣній Бѣлинскій, наконецъ, сталъ студентомъ московскаго университета. „Я теперь студентъ,—съ восторгомъ сообщаетъ Бѣлинскій своимъ родителямъ въ сентябрѣ 1829 г.,—«состою въ XIV классѣ, имѣю право носить шпагу и треугольную шляпу!“ Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бѣлинскому удалось попасть въ число «казеннокоштныхъ» студентовъ и помѣститься въ общежитіи; первое время онъ былъ въ восторгѣ отъ этого обстоятельства, обезпечивавшаго ему жизнь въ Москвѣ. Онъ начинаетъ усердно посѣщать театръ, восторгается Мочаловымъ и въ роли Отелло и Карла Моора, восхищается Щепкинымъ; въ отвѣтъ на увѣщевательныя письма родителей—не ходить въ театръ, а обойти всѣ церкви Москвы—онъ пишетъ (въ январѣ 1830 г.), что во-первыхъ „шататься по церквамъ“ ему некогда, такъ какъ у него «чрезвычайно много другихъ, гораздо важнѣйшихъ дѣлъ, которыми должно заниматься“, и что во вторыхъ, театръ ему необходимъ: „я пошелъ по такому отдѣленію, которое требуетъ, чтобы имѣть познаніе и толкъ во всѣхъ изящныхъ искусствахъ“... Врядъ ли онъ думалъ при этомъ о критической дѣятельности; вѣроятнѣе, что онъ мечталъ о лаврахъ автора, произведенія котораго, быть можетъ, будутъ исполняться на подмосткахъ того же театра... И дѣйствительно, въ концѣ этого же 1830 г. Бѣлинскій, подъ обаяніемъ „лестной и сладостной мечты о пріобрѣтеніи извѣстности“, пишетъ „драматическую повѣсть“ въ пяти дѣйствіяхъ—„Дмитрій Калининъ“...

Не одно „стремленіе къ славѣ“ побудило Бѣлинскаго взяться за перо драматическаго писателя; онъ питалъ на-

деньги „разжиться казною“ черезъ эту свою трагедію и благодаря этому „сорваться съ казеннаго кошта“, который уже къ концу 1830 года сталъ ненавистенъ Бѣлинскому. «Ежели моя трагедія будетъ имѣть успѣхъ—писалъ Бѣлинскій въ началѣ января 1831 г.,—то вырученныя за оную деньги употреблю на освобожденіе себя отъ проклятаго, адскаго казеннаго кошта... Ежели первая моя надежда не сбудется, то я погибъ безъ возврата!.. Лучше соглашусь живой провалиться въ адъ и достаться на завтракъ чертямъ, нежели страдать на казенномъ коштѣ“... И вотъ въ концѣ 1830 г. Бѣлинскій заканчиваетъ свою трагедію, начатую, повидимому, значительно раньше. Въ это время въ Москвѣ свирѣпствовала холера, университетъ былъ закрытъ и „казеннокоштные были заперты въ немъ съ сентября по декабрь въ строгомъ карантинѣ. «Для разсѣянія отъ скуки—разсказываетъ въ томъ же письмѣ Бѣлинскій,—я и еще человѣкъ съ пять затворниковъ составили маленькое литературное общество.—Еженедѣльно было у насъ собраніе, въ которомъ каждый изъ членовъ читалъ свое сочиненіе. Это общество, кончившееся седьмымъ засѣданіемъ, принесло мнѣ ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедію, которая безъ этого едва ли бы когда нибудь была написана“... Но теперь Бѣлинскій ее закончилъ, прочелъ своимъ товарищамъ; съ ихъ помощью трагедія была переписана на-чисто и представлена авторомъ въ цензуру. Съ самыми радужными надеждами ожидалъ Бѣлинскій цензурнаго разрѣшенія, чтобы немедленно напечатать эту пьесу; онъ разсчитывалъ, что публика «расхватаетъ въ мѣсяцъ» его трагедію, что это дастъ ему «тысячъ шесть» денегъ, что произведеніе его «надѣлаетъ шуму». Его тѣшила «лестная, сладостная мечта о пріобрѣтеніи извѣстности»... Дѣйствительно, трагедія была напечатана, но не въ 1831 году, а ровно черезъ шестьдесятъ лѣтъ, въ „Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности“ 1891 года.

Причина этого—въ совершенной «нецензурности» пьесы по николаевскимъ временамъ. Въ этомъ сочиненіи—говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ отцу (отъ 17 февраля 1831 г.),—со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовію къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ, довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ»..... Но этого мало: вся пьеса испещрена самыми безнравствен-

ными (съ точки зрѣнія николаевской цензуры) сентенціями, въ родѣ того, что «права происхожденія, предки суть не что иное, какъ предразсудки, постыдные для человѣчества», что церковный бракъ есть «ничтожное условіе, изобрѣтенное людьми для собственнаго своего мученія», что любовь пренебрегаетъ «пустыми обрядами», что «когда законы противны правамъ природы и человѣчества, правамъ самого разсудка, то человѣкъ можетъ и долженъ нарушать ихъ».... Чего стоило, по николаевскимъ временамъ, хотя бы одно послѣднее оправданіе всякой «революціи». Все второе дѣйствіе посвящено довольно яркому изображенію помѣщичьяго «тиранства»; на сцену выведена помѣшица Лѣсинская, которая говоритъ сама о себѣ: «не больно люблю баловать проклятое хамово поколѣніе; у меня всякая вина виновата»; стоя въ церкви, она озабочена «житейскими мыслями: то нужно достать хорошую плетку для дѣвокъ, то надо отпороть кого нибудь изъ лакеевъ» [1])... Она нехотя оказываетъ скудную помощь бѣдной «благородной и достойной лучшаго пріема женщинѣ», и тутъ же щедро одаряетъ и оставляетъ гостить у себя двухъ монахинь. Она твердо убѣждена, что «богатые князья не могутъ быть низкими людьми» и что съ хамами надо «тиранствовать», а не то они «на шею сядутъ, да поѣдутъ»... Ея «тиранства», подробно описываемыя въ пьесѣ, вызываютъ гнѣвный монологъ героя драмы, Дмитрія Калинина: «кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!... Милосердный Боже, Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?...

Достаточно этихъ немногихъ цитатъ, чтобы убѣдиться, что не только эта пьеса не могла въ свое время попасть

---

[1]) Въ обрисовкѣ типа Лѣсинской замѣтно вліяніе Фонвизина (Простакова) и Екатерины II («О, время»—Ханжахина).

въ печать, но даже должна была такъ или иначе повредить молодому автору: вѣдь нѣсколькими годами ранѣе отдали же въ солдаты Полежаева за его «безнравственную» поэму «Сашка». Въ драмѣ Бѣлинскаго мы тоже находимъ достаточное количество «безнравственныхъ» (хотя и въ другомъ смыслѣ) сентенцій и положеній, а рѣзкое обличеніе крѣпостного права, «тиранства» господъ и вообще все «протестующее настроеніе этой драмы дѣлали ее совершенно «нецензурной» въ 1831 году. Но этого мало: «Дмитрій Калининъ» имѣетъ не одно только общественное значеніе; его замыселъ гораздо глубже.—Дѣло въ томъ, что «протестъ» этой пьесы шелъ значительно дальше обличенія «тиранства» помѣщиковъ или отрицанія внѣшнихъ формъ и обрядовъ, стоящихъ на пути свободному чувству человѣка. Смыслъ драмы неизмѣримо шире, неизмѣримо глубже—онъ заключается въ тяжкой распрѣ человѣка съ Богомъ, въ «преніи живота со смертью», какъ гласитъ заглавіе извѣстнаго апокрифа. Это настолько характерно для всего дальнѣйшаго хода развитія Бѣлинскаго, что намъ необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться на этой сторонѣ его драмы.

Содержаніе этой драмы очень несложно и въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ. Дмитрій Калининъ—пылкій и «неистовый» юноша, съ душею «возвышенною, со страстями благородными», какъ говоритъ онъ самъ о себѣ, «человѣкъ пылкій со страстями дикими и необузданными»—какъ рекомендуетъ его самъ Бѣлинскій въ цитированномъ выше письмѣ къ отцу. Этотъ Дмитрій—сынъ дворовыхъ людей, но съ дѣтства воспитывавшійся въ семьѣ своего «владѣльца», помѣщика Лѣсинскаго, и пользующійся за это ненавистью всѣхъ другихъ членовъ семьи, жены Лѣсинскаго и двухъ его сыновей,—этотъ Дмитрій любитъ дочь своего пріемнаго отца Лѣсинскаго, Софью, и любимъ ею. «Воспламененные любовью», они не думали о «пустыхъ обрядахъ» и отдались другъ другу; осталось соединиться въ глазахъ свѣта путемъ «пустыхъ обрядовъ». Дмитрій собирается «упасть къ ногамъ» отца Софьи и своего пріемнаго отца: «я упаду къ его ногамъ, признаюсь ему въ моей винѣ, и онъ, тронутый моимъ раскаяніемъ, моими просьбами, соединитъ мою руку съ рукой дочери»; но эти его мечтанія прерываются извѣстіемъ о смерти его пріемнаго отца, объ уничтоженіи «отпускной» Дмитрія семьей умершаго и о приказаніи Дмитрію вернуться изъ Москвы въ деревню Лѣсин-

скихъ, такъ какъ Софья будто бы выходитъ замужъ за князя «и такъ какъ... недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ». Дмитрій въ отчаяніи и бѣшенствѣ появляется на балу у Лѣсинскихъ и въ происшедшей ссорѣ убиваетъ за оскорбленіе—за слово «рабъ»—одного изъ братьевъ Софьи, жестокаго и злого мучителя крѣпостныхъ.—Заключенный въ тюрьму, Дмитрій бѣжитъ, чтобы еще разъ повидаться съ Софьей; она уговариваетъ его умереть вмѣстѣ съ нею. Послѣ колебанія онъ закалываетъ ее; но передъ тѣмъ, какъ убить себя, онъ узнаетъ изъ оставленнаго ему пріемнымъ отцомъ письма, что этотъ «пріемный отецъ» былъ его роднымъ отцомъ, что онъ, Дмитрій,—побочный сынъ Лѣсинскаго. И вотъ Дмитрій Калининъ, кровосмѣситель, братоубійца и убійца своей сестры-супруги—проклинаетъ память своего отца, проклинаетъ весь міръ и закалывается.

Уже изъ этого краткаго изложенія драмы ясно, что сущность ея—вовсе не въ обличеніи „тиранства“, что драма эта ставитъ не столько соціальный, сколько этическій, философскій и религіозный вопросъ. Этотъ вѣчный вопросъ к т о в и н о в а т ъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти намѣчается Бѣлинскимъ уже въ эпиграфѣ ко всей драмѣ: о т ъ с у д е б ъ з а щ и т ы н ѣ т ъ. Но, разумѣется, это не отвѣтъ, это не рѣшеніе: пусть отъ судебъ защиты нѣтъ, это оправдываетъ человѣка; но оправдываетъ ли это Бога? И вотъ мы видимъ, какъ въ душѣ юноши - Бѣлинскаго борются два рѣшенія, двѣ мысли, двѣ вѣры: вѣра въ правосуднаго Бога и мысль, что „милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу“, какъ говоритъ герой драмы, Дмитрій Калининъ. Вотъ два отвѣта на вопросъ: „кто виноватъ“? два рѣшенія, которыя проходятъ черезъ всю драму. Первое рѣшеніе: преступленія Дмитрія Калинина объясняются „злонравіемъ“ самихъ людей. Ударъ судьбы падаетъ на семью отца Дмитрія—и этотъ отецъ первый, хотя и невольный виновникъ всѣхъ преступленій сына „Я проклинаю тебя, низкій сластолюбецъ—восклицаетъ Дмитрій по адресу давно умершаго отца:—проклинаю тебя и этотъ бѣдственный даръ, эту преступную жизнь, которою тебѣ обязанъ. Я убійца, я кровосмѣситель. Я осужденъ на позорную казнь—и всѣмъ этимъ одолженъ тебѣ, мой отецъ! И онъ спрашиваетъ себя: „Неужели я былъ орудіемъ Божьяго мщенія отцу моему?“ Итакъ, вотъ первый виновникъ всего—отецъ Дмитрія; второй виновникъ—самъ Дмитрій, „человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными“; его мысли

вольны, поступки бѣшены и слѣдствіемъ ихъ была его гибель (изъ письма Бѣлинскаго къ отцу отъ 17 февр. 1831 г.). Вотъ первый отвѣтъ, первое рѣшеніе: кто виноватъ? виноватъ человѣкъ, а, слѣдовательно, Богъ оправданъ. Вторая вѣра, второе рѣшеніе: виноватъ Богъ, и слѣдовательно, оправданъ человѣкъ. Виноватъ Богъ, ибо онъ есть рокъ, судьба, а «отъ судебъ защиты нѣтъ». И Дмитрій Калининъ готовъ проклясть за это Бога: „Существо Всевышнее, скажи мнѣ — насытилось ли моими страданіями, натѣшилось ли моими муками, навеселилось ли моими воплями, упилось ли моими кровавыми слезами? Кто сдѣлалъ меня преступникомъ? Можетъ ли слабый смертный избѣжать опредѣленной ему участи? А кѣмъ опредѣляется эта участь? О, я понимаю эту загадку!»

Что же понимаетъ Дмитрій Калининъ? Мы уже знаемъ это: онъ думаетъ, что міромъ правитъ не Богъ, а дьяволъ. «Вотъ какъ играетъ безпощадная судьба слабыми смертными!—восклицаетъ Дмитрій: нѣтъ, видно, милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу, который и распоряжается ею истинно подьявольски!» Значительная часть третьей картины драмы посвящена столкновенію этихъ двухъ точекъ зрѣнія на Бога, на міръ и на жизнь; Сурскій, резонеръ драмы, добродѣтельный товарищъ Дмитрія, доказываетъ, что „хотя земля и есть поприще страданій большей части людей, однако, въ этомъ виноватъ не Богъ, а сами люди“, что «ежели они (люди) претерпѣваютъ горести, то для того, чтобы живѣе ощущать радости», и что, наконецъ, истинно благородные и великодушные люди должны «терпѣть здѣсь, чтобы вѣчно наслаждаться тамъ». Въ отвѣтъ на все это Дмитрій, предвосхищая мысли и слова Ивана Карамазова «съ бѣшенствомъ» восклицаетъ: «терпѣть... терпѣть здѣсь, чтобы вѣчно наслаждаться тамъ! Вотъ истинно превосходная и вмѣстѣ преутѣшительная философія! Какъ! Неужели вѣчное блаженство непремѣнно покупается цѣною ужаснѣйшихъ страданій! Дорого же оно приходитъ!» («Слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ!» восклицалъ черезъ полвѣка Иванъ Карамазовъ). И въ отвѣтъ на всѣ другіе доводы Сурскаго Дмитрій упорно отвѣчаетъ отрицаніемъ «довѣренности къ промыслу» и даже «хулою на Бога, какъ на тирана, который утѣшается воплями своихъ жертвъ, который упивается ихъ слезами». Но такой Богъ, очевидно, уже не Богъ, а дьяволъ, которому міръ отданъ на откупъ Богомъ.

Но какъ же рѣшаетъ эту вѣчную тяжбу между человѣкомъ и Богомъ самъ юноша-Бѣлинскій? Кто онъ—Сурскій или Калининъ? И кто же виноватъ—Богъ или человѣкъ? Калининъ такъ и не рѣшилъ этого вопроса; онъ идетъ съ этимъ вопросомъ о винѣ Бога на судъ къ самому Богу. Но Калининъ—не Бѣлинскій, хотя Бѣлинскій и придалъ своему неистовому герою цѣлый рядъ чертъ своего характера; Бѣлинскаго, очевидно, тоже мучили «мрачныя сомнѣнія», но все же, повидимому, онъ еще склонялся оправдать Бога и обвинить человѣка въ вѣчной тяжбѣ между ними. Къ проклятіямъ Богу въ «революціонныхъ» монологахъ Калинина Бѣлинскій дѣлаетъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе: «такъ говоритъ дерзкое безуміе, неистовое отчаяніе человѣка, не упитаннаго чистыми струями религіи и нравственности». Эту простодушную оговорку вызвали, разумѣется, цензурныя соображенія, но не они одни: Бѣлинскій дѣйствительно, какъ мы уже сказали, склонялся къ „оправданію Бога", т. е. къ признанію въ мірѣ вѣчной истины, вѣчной правды, вѣчной справедливости. Онъ съ чистымъ сердцемъ могъ заявить (въ цитированномъ письмѣ къ отцу), что это его сочиненіе «не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и что цѣль его есть самая нравственная»; Бѣлинскій не сказалъ бы этого, если бы считалъ „дерзкое безуміе" своего героя непобѣжденнымъ въ самой драмѣ. И въ предисловіи къ драмѣ Бѣлинскій прямо говоритъ читателямъ, что авторъ взялся за перо только «изъ чистаго, безкорыстнаго побужденія выразить этотъ внутренній міръ самого себя, этотъ міръ собственныхъ мыслей и чувствованій, возбуждаемыхъ въ немъ созерцаніемъ этой чудесной, гармонической, безпредѣльной вселенной, въ которой онъ обитаетъ, назначеніемъ, судьбою человѣка; сознаніемъ его нравственнаго величія»... А если такъ, то ясно, к т о такой самъ Бѣлинскій въ этой драмѣ: по характеру, по темпераменту онъ — Калининъ, по взглядамъ на жизнь и на міръ онъ — Сурскій, или хочетъ быть имъ... Но не менѣе ясно, что и «дерзкое безуміе» и «мрачное отчаяніе» и «преступныя сомнѣнія» Калинина были порою очень и очень знакомы Бѣлинскому.

Мы такъ подробно остановились на юношеской драмѣ Бѣлинскаго потому, что видимъ въ ней удивительно яркое и полное предвосхищеніе всѣхъ трехъ основныхъ взглядовъ Бѣлинскаго тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ на міръ, на жизнь, на человѣка. Мы увидимъ еще, что въ первомъ періодѣ своей критической дѣятельности, въ „московскомъ

періодѣ“ (1834—1840 г.г.)—Бѣлинскій все болѣе и болѣе, все ревностнѣе и горячѣе отстаивалъ вѣру въ благость Промысла, вѣру въ гармоничность міра и жизни и тѣмъ самымъ „оправдывалъ Бога“, признавая разумнымъ все существующее. Но затѣмъ, въ началѣ „петербургскаго періода“ своей жизни и дѣятельности (1840—1842 г.г.) Бѣлинскій потерялъ эту свою вѣру, впалъ въ „мрачное отчаяніе“ и сталъ повторять съ гораздо бо́льшей силой то, что нѣкогда вложилъ въ уста Дмитрія Калинина. И если въ 1830—1831 г. Бѣлинскій заставлялъ этого своего героя утверждать, что «міръ на откупу у дьявола», то десять лѣтъ спустя, въ знаменитомъ письмѣ къ Боткину отъ 1-го марта 1841 г., Бѣлинскій заявляетъ почти дословно это же самое уже отъ своего имени: „я изъ числа людей, которые на всѣхъ вещахъ видятъ хвостъ дьявола — и это, кажется, мое послѣднее міросозерцаніе, съ которымъ я и умру“... Въ послѣднемъ Бѣлинскій не ошибся: еще долго продолжалъ онъ на многомъ видѣть «хвостъ дьявола», хотя вмѣстѣ съ этимъ въ душѣ его скоро зародилась новая вѣра въ новаго Бога—въ „соціальность“, въ новыя свободныя формы общественнаго устройства; эта новая вѣра была только широкимъ развитіемъ тѣхъ соціальныхъ мотивовъ, которые впервые прозвучали у Бѣлинскаго въ его юношеской драмѣ. И, какъ видимъ, соціальные, философскіе и религіозные мотивы этой драмы являются по-истинѣ „лейтъ-мотивами“ драмы всей жизни Бѣлинскаго; удивительно, что до сихъ поръ на это не обращали достаточнаго вниманія и не видѣли, что «Дмитрій Калининъ» является тѣмъ зерномъ, въ которомъ in potentia заключено все дальнѣйшее міровоззрѣніе Бѣлинскаго.

III.

Первые шаги въ литературѣ (1832—1834 гг).

Возвращаемся, однако, къ юношѣ-Бѣлинскому и къ судьбѣ этой его драмы, отправленной въ началѣ января 1831 г. въ московскій цензурный комитетъ. О послѣдовавшемъ надо разсказать словами самого Бѣлинскаго изъ цитированнаго выше письма къ отцу: «что-же вышло? Прихожу черезъ недѣлю въ Цензурный Комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензуровалъ Л. А. Цвѣтаевъ, заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ. Прошу секретаря, чтобы

онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: *Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!* Не буду много распространяться, скажу только, что... мое сочиненіе... признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ это дѣло уничтожено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ подаваться особенныя донесенія»... И, разумѣется, это было еще сравнительно благополучнымъ окончаніемъ наивной юношеской затѣи и надежды провести черезъ николаевскую цензуру такую пьесу, какъ «Дмитрій Калининъ», пьесу, насквозь пропитанную „революціоннымъ“, протестующимъ настроеніемъ ея главнаго героя. Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что профессора-цензоры порядкомъ распекли Бѣлинскаго и пригрозили ему лишеніемъ правъ состоянія, ссылкой въ Сибирь, а можетъ быть, даже каторгой или солдатчиной [1]); это такъ потрясло Бѣлинскаго, что онъ въ тотъ же день слегъ въ университетскую больницу.

Черезъ немного лѣтъ Бѣлинскій самъ радовался, что его юношеская драма не увидѣла свѣта; въ 1836 году въ рецензіи на сочиненіе С. Темнаго („Ночь“) Бѣлинскій выразился такъ: „замѣтно, что эта Н о ч ь есть произведеніе молодого человѣка съ душою, съ пыломъ, но еще не созрѣвшаго для мысли, еще не умѣющаго отдавать самому себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, а уже сгорающаго желаніемъ написать и издать въ свѣтъ что-нибудь, непремѣнно написать и издать... О, если-бы каждый молодой человѣкъ, не лишенный чувства и сгорающій желаніемъ печататься, издавалъ всѣ плоды своей фантазіи, сколько бы дурныхъ книгъ бросилъ онъ въ свѣтъ и сколько бы раскаянія приготовилъ себѣ въ будущемъ!.. Мы говоримъ это отъ чистаго сердца, говоримъ даже по собственному опыту, потому что имѣемъ причины благодарить обстоятельства, которыя помѣшали намъ пріобрѣсть жалкую, эфемерную, извѣстность мнимыми произведеніями искусства и занять мѣсто въ забавномъ ряду литературныхъ рыцарей печальнаго образа“... И разумѣется, говоря такъ, Бѣлинскій былъ правъ; драма его имѣетъ теперь для насъ громадное значеніе для пониманія внутренней борьбы міровоззрѣній, происходившей въ юношѣ Бѣлинскомъ, но какъ литературное произведеніе эта „драматическая повѣсть“

[1]) «Русск. Старина», 1880 г., № 5, воспоминанья Н. Аргилландера.

крайне слаба. Написана она въ приподнятомъ стилѣ псевдоромантическихъ произведеній Марлинскаго, переполнена трескучими монологами героя, патетическими діалогами; художественное творчество не было доступно Бѣлинскому. Восемь лѣтъ спустя онъ еще разъ попытался написать пьесу для театра—на этотъ разъ попавшую на театральные подмостки, дважды исполнявшуюся въ московскомъ театрѣ и напечатанную въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1839 года; пьеса эта — пятиактная драма „Пятидесятилѣтній дядюшка или странная болѣзнь“—окончательно убѣдила Бѣлинскаго въ томъ, что художественное творчество—не его область.

Дѣло «Дмитрія Калинина» кончилось для Бѣлинскаго сперва сравнительно благополучно; „невзгода на меня, кажется, проходитъ и я начинаю дышать свободнѣе, — сообщалъ Бѣлинскій родителямъ въ письмѣ отъ 24 мая 1831 года: начальство обо мнѣ забыло и думать“... Но тутъ же онъ прибавлялъ: «правда, при первомъ случаѣ оно не умедлитъ напомнить мнѣ, что знаетъ меня». Говоря такъ, Бѣлинскій оказался пророкомъ; дѣйствительно, университетское начальство «не умедлило напомнить» Бѣлинскому о себѣ: полтора года спустя, воспользовавшись первымъ удобнымъ предлогомъ — долговременной болѣзнью Бѣлинскаго и пропускомъ экзаменовъ,—начальство это въ сентябрѣ 1832 года исключило Бѣлинскаго изъ университета „по слабому здоровью и при томъ по ограниченности способностей“... Могъ ли университетскій инспекторъ Щепкинъ, обезсмертившій свое имя этой характеристикой, могъ ли онъ предполагать, какъ ядовито посмѣется надъ нимъ будущее?

Исключенный „по ограниченности способностей“ изъ университета, въ тискахъ нужды, безъ поддержки и опоры, Бѣлинскій всетаки не палъ духомъ. Сообщая отцу объ этомъ исключеніи, Бѣлинскій просилъ отца не торопиться судить и осудить своего сына: «конецъ вѣнчаетъ дѣло, говорятъ умные люди,—писалъ Бѣлинскій—только тогда при плескахъ вызываютъ или освистываютъ актера, когда совсѣмъ разыграетъ онъ свою роль; только тогда можно произнести судъ человѣку, когда онъ совсѣмъ окончилъ свое поприще» (письмо отъ 21-го мая 1833 г.). „Я нигдѣ и никогда не пропаду“,—пишетъ Бѣлинскій отцу четырьмя мѣсяцами позднѣе; и онъ имѣлъ право на всѣ эти дышащія силою и увѣренностью заявленія. Немедленно послѣ исключенія изъ университета Бѣлинскій лихорадочно началъ искать занятій, работы; съ сентября по декабрь 1832 года онъ, не „слѣзая

съ мѣста" переводилъ съ французскаго романъ, надѣясь продать свой переводъ рублей за триста, но удалось ему продать его только за 25 руб. серебромъ—три мѣсяца усидчивой работы! По этому примѣру можно видѣть, какъ нуждался Бѣлинскій и какъ онъ работалъ. Весною 1833 г. Бѣлинскому удалось познакомиться съ издателемъ «Телескопа» и «Молвы» — извѣстнымъ Надеждинымъ; въ этихъ журналахъ Бѣлинскій сталъ помѣщать сперва свои переводы съ французскаго, а затѣмъ, вѣроятно, и небольшія рецензіи. Въ 1834 году, благодаря этимъ переводамъ и полученнымъ частнымъ урокамъ (между прочимъ, одинъ изъ этихъ уроковъ—Кавелину), дѣла Бѣлинскаго уже настолько поправляются, что онъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ около 15—20 руб. на наши деньги (64 руб. ассигн.) и сумма эта кажется ему громадной... Наконецъ, осенью 1834 года онъ печатаетъ въ «Молвѣ» свои знаменитыя «Литературныя Мечтанія», составившія эпоху въ русской критикѣ — и послѣ этого становится главнымъ критикомъ и рецензентомъ «Телескопа» и «Молвы», получая за это отъ Надеждина по 60 руб. въ мѣсяцъ (3000 руб. ассигн. въ годъ): это уже цѣлое богатство! „И на моей улицѣ насталъ праздникъ; терпѣлъ, терпѣлъ, да и вытерпѣлъ" — восклицаетъ Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ 1834 года.

Какимъ образомъ, однако, совершилось это чудесное превращеніе: „недоучившійся студентъ", исключенный въ 1832 году „по ограниченности способностей" изъ университета, сразу становится въ 1834 году самымъ выдающимся русскимъ критикомъ своего времени — и не только своего времени?—Университетъ ничего не могъ дать Бѣлинскому. Объ анекдотической профессурѣ той эпохи не зачѣмъ много говорить: стоитъ вспомнить яркую главу изъ «Былого и Думъ» Герцена. Изъ многочисленныхъ профессоровъ только Каченовскій и Надеждинъ могли оказать нѣкоторое вліяніе на Бѣлинскаго; но Каченовскій преподавалъ исторію, которою студентъ Бѣлинскій не очень интересовался, а Надеждинъ читалъ „теорію изящныхъ искусствъ и археологію" только начиная съ 1831—2 г., когда Бѣлинскій кончалъ свое пребываніе въ университетѣ. Однако, онъ несомнѣнно былъ сторонникомъ „скептической школы" Каченовскаго, боровшагося съ теоріей „норманнства", доказывавшаго южноазіатское происхожденіе Руси и баснословность лѣтописныхъ извѣстій до XIII—XIV вв. Эти взгляды Каченовскаго и его школы отразились въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ": Бѣлин-

скій говоритъ тамъ объ Азіатцѣ-Руссѣ и въ обширномъ примѣчаніи присоединяется къ историческимъ мнѣніямъ Каченовскаго. Что же касается Надеждина, то его вліяніе на Бѣлинскаго было несомнѣннымъ—но это было не вліяніе лекцій профессора Надеждина, а вліяніе критическихъ статей журналиста Надеждина, „эксъ-студента Никодима Надоумко"—таковъ былъ его псевдонимъ. Впрочемъ, вопросъ о степени вліянія Надеждина на Бѣлинскаго—вопросъ до сихъ поръ спорный; всѣ доводы противъ этого вліянія сконцентрированы С. Венгеровымъ въ I томѣ его изданія сочиненій Бѣлинскаго (тамъ же и краткая литература этого вопроса); возраженія на эти доводы высказаны П. Милюковымъ въ его статьѣ „Надеждинъ и первыя критическія статьи Бѣлинскаго" (въ книгѣ „Изъ исторіи русской интеллигенціи"). Мы стоимъ ближе къ послѣднему мнѣнію и полагаемъ, что въ статьѣ П. Милюкова вполнѣ доказана идеологическая связь эстетическихъ воззрѣній Надеждина и Бѣлинскаго. Отсутствіе этой зависимости было бы непонятно, если имѣть въ виду, что Бѣлинскій не только слушалъ лекціи Надеждина въ 1831—2 г., но и сотрудничалъ въ его журналѣ, начиная съ 1833 года, близко сошелся съ нимъ и даже одно время жилъ въ его квартирѣ и пользовался его библіотекой.—Бѣлинскій былъ тогда еще слишкомъ юнымъ, начинающимъ литераторомъ, а Надеждинъ—уже опытнымъ и достаточно авторитетнымъ журналистомъ и, безспорно умнымъ человѣкомъ, чтобы можно было à priori предполагать несомнѣнное вліяніе его на Бѣлинскаго.

IV.

Кружокъ Станкевича. „Шеллингіанство". (1834—1836 гг.).

Но все-таки не этимъ вліяніемъ объясняются „Литературныя Мечтанія" Бѣлинскаго; все-таки не Надеждинъ былъ для Бѣлинскаго тѣмъ „университетомъ", въ которомъ будущій великій критикъ сформировалъ свое міровоззрѣніе. Этимъ университетомъ для Бѣлинскаго былъ, какъ извѣстно, кружокъ Станкевича, хотя нельзя не замѣтить, что очень часто вліяніе на Бѣлинскаго этого кружка настолько же преувеличиваютъ, насколько преуменьшаютъ вліяніе Надеждина. Въ 1829—1832 годы—годы пребыванія Бѣлинскаго въ университетѣ—вмѣстѣ съ нимъ тамъ начинали или кончали

курсъ ученія будущіе друзья по кружку: Станкевичъ, Константинъ Аксаковъ, поэты Клюшниковъ и Красовъ, Ефремовъ, Петровъ, Невѣровъ и др.; въ это же время въ университетѣ былъ и Герценъ, вокругъ котораго группировался другой кружокъ, вскорѣ подвергшійся преслѣдованію правительства. Ближе всего Бѣлинскій сошелся съ К. Аксаковымъ и со Станкевичемъ; нѣсколько позднѣе, въ 1835—1836 г. въ кружокъ вошли В. Боткинъ, впослѣдствіи близкій другъ Бѣлинскаго и М. Бакунинъ, ставшій въ 1837—1840 г.г. главою кружка, вмѣсто уѣхавшаго заграницу и вскорѣ умершаго Станкевича. Бакунинъ внесъ въ этотъ дружескій кружокъ нѣкоторыя черты специфической „кружковщины“, о чемъ мы еще скажемъ ниже; что же касается до кружка Станкевича первой половины тридцатыхъ годовъ, то это былъ просто дружескій кружокъ молодежи, объединенной страстной любовью къ искусству, къ поэзіи, музыкѣ, театру и совокупными силами вырабатывавшей себѣ міровоззрѣнія. Сущность этого міровоззрѣнія была заранѣе предопредѣлена: Станкевичъ находился въ близкомъ знакомствѣ съ профессоромъ Павловымъ, у котораго онъ жилъ; а Павловъ былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей русскихъ „любомудровъ“ двадцатыхъ годовъ, сторонниковъ нѣмецкой натурфилософіи вообще и ученія Шеллинга въ частности. Напомнимъ также, что выше мы уже указывали на сильное вліяніе произведеній кн. В. Одоевскаго на юношу-Бѣлинскаго; а кн. Одоевскій былъ единомышленникомъ Павлова и вѣрнымъ ученикомъ Шеллинга.

Такимъ образомъ, почва была уже подготовлена. Станкевичъ тоже сдѣлался шеллингистомъ; въ письмахъ 1833 года онъ излагаетъ свой взглядъ на жизнь и на міръ („Моя философія“), и взглядъ этотъ является варіаціями на шеллингистскія темы. Нѣсколько позднѣе, въ 1836 году, Станкевичъ перешелъ къ Фихте и увлекъ его ученіемъ Бакунина; а еще черезъ годъ Бакунинъ перешелъ къ Гегелю и нашелъ союзника въ Катковѣ, въ то время студентѣ, и другихъ членахъ кружка [1]).

Какое положеніе занималъ въ этомъ кружкѣ Бѣлинскій?— Кружокъ этотъ несомнѣнно сыгралъ для него роль университета, ввелъ Бѣлинскаго въ кругъ философской мысли Запада, далъ фундаментъ его эстетическимъ построеніямъ;

---

[1]) Подробнѣе обо всемъ этомъ см. въ нашей «Исторіи русской общественной мысли», въ главѣ о тридцатыхъ годахъ.

Бѣлинскій не зналъ нѣмецкаго языка и воспринималъ философію Шеллинга, Фихте и Гегеля только отъ Станкевича, позднѣе — отъ Бакунина, еще позднѣе — отъ Каткова. Въ кружкѣ онъ былъ ученикомъ, другіе были учителями; поэтому и отношеніе къ Бѣлинскому было хотя и дружелюбное, но покровительственное, что не одинъ разъ прорывается въ письмахъ даже мягкаго Станкевича, не говоря уже о Бакунинѣ. Но кромѣ того, равенства отношеній не могло быть еще и потому, что Бѣлинскій былъ единственнымъ бѣднякомъ-разночинцемъ въ кругу обезпеченныхъ дворянъ-помѣщиковъ; въ трудныя минуты ему приходилось обращаться къ нимъ за денежной поддержкой, какъ это ни было для него мучительно. Къ тому же Станкевичъ довольно пренебрежительно относился къ журналистикѣ, считая себя стоящимъ выше этого поля дѣятельности; и это снисходительно-пренебрежительное отношеніе впослѣдствіи передалось даже мягкосердечному Грановскому, который уже въ 1842 году пишетъ Бѣлинскому покровительственное письмо съ заключеніемъ: „читай, Виссаріонъ, а не то черезъ годъ тебѣ трудно будетъ писать“... Извѣстенъ также фактъ, что въ 1838 г. Бакунинъ, К. Аксаковъ и Боткинъ заявили Бѣлинскому, что онъ не имѣетъ права писать и печататься — по недостатку „объективнаго наполненія“... Извѣстно также, что уже много времени спустя послѣ смерти Бѣлинскаго его другъ и товарищъ Боткинъ заявлялъ, что каждый изъ членовъ кружка „клалъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу, которою была критика Бѣлинскаго“.

Цѣлый рядъ подобныхъ фактовъ далъ возможность нѣкоторымъ историкамъ литературы переоцѣнить вліяніе кружка Станкевича на Бѣлинскаго, въ которой главной стороной имъ кажется «великое сердце», а не пытливыя исканія разума (С. Венгеровъ). Такое мнѣніе намъ представляется крайне одностороннимъ, такъ какъ сильное вліяніе кружка замѣтно только въ одномъ, очень непродолжительномъ періодѣ жизни и критической дѣятельности Бѣлинскаго; «великое сердце» остается при Бѣлинскомъ, но не въ этомъ главное значеніе дѣятельности великаго критика. Необходимо отмѣтить прежде всего упорную самостоятельность юноши — Бѣлинскаго при выработкѣ своего міровоззрѣнія. Еще въ университетѣ онъ сошелся съ кружкомъ Станкевича, въ 1833 году онъ уже былъ близокъ со всѣми его членами, что видно изъ переписки Станкевича; осенью 1833 года Бѣлинскій пишетъ брату о своей дружбѣ и связи со многими

«отборными по уму, образованности, талантамъ и благородству чувствъ молодыми людьми»; и, однако, Бѣлинскій не спѣшилъ примкнуть къ основной вѣрѣ Станкевича и его друзей—къ шеллингизму. Мы уже приводили мѣткое наблюденіе его гимназическаго учителя Попова, что Бѣлинскій, вообще говоря, «не скоро подавался на чужое мнѣніе», но за-то если съ чѣмъ соглашался, то выражалъ свое убѣжденіе «со страшною увѣренностью». Такъ было и теперь.—Уже три или четыре года Бѣлинскій былъ знакомъ со Станкевичемъ, который несомнѣнно проповѣдывалъ и ему свою философію—шеллингіанство; но Бѣлинскій не принималъ этой новой вѣры, не подавался на доводы Станкевича. Въ чемъ была тогда вѣра Бѣлинскаго—мы теперь не знаемъ съ достаточной опредѣленностью: быть можетъ, этой вѣрой была философія экциклопедистовъ XVIII вѣка, быть можетъ, это были отзвуки ученія Руссо, какъ можно заключить по нѣкоторымъ мѣстамъ изъ «Дмитрія Калинина». Какъ бы то ни было, но до середины 1834 г. Бѣлинскій не раздѣлялъ философской вѣры Станкевича; какъ онъ пришелъ къ ней—намъ тоже неизвѣстно; быть можетъ, этому способствовало близкое знакомство въ 1833—4 г. съ такимъ сильнымъ умомъ, какъ Надеждинъ, который выросъ на системахъ нѣмецкой философіи. Такъ или иначе, но фактъ тотъ, что только передъ самыми «Литературными Мечтаніями» Бѣлинскій обратился въ новую вѣру и сталъ исповѣдывать ее, какъ всегда, «со страшною увѣренностью». Онъ сообщилъ о своемъ переходѣ Станкевичу, и тотъ отвѣчалъ ему въ октябрѣ 1834 г.: «не знаю, радоваться ли твоему обращенію. Новая система, вѣроятно, удовлетворитъ тебя не болѣе старой».... Мы видимъ, какъ все это непохоже на обычное толкованіе идейной зависимости Бѣлинскаго отъ кружка Станкевича.—

Но вотъ Бѣлинскій обращается въ 1834 г. въ эту новую вѣру, въ «шеллингіанство» и начинаетъ «со страшной увѣренностью» исповѣдывать и проповѣдывать его въ своихъ статьяхъ.—Съ этого времени, дѣйствительно, начинается для Бѣлинскаго періодъ невольной идейной зависимости отъ членовъ кружка Станкевича: онъ не зналъ нѣмецкаго языка и долженъ былъ отъ своихъ друзей узнавать о тѣхъ или иныхъ частностяхъ философскихъ системъ. Но и тутъ Бѣлинскій обладавшій (по извѣстному отзыву кн. В. Одоевскаго) «философской организаціей», преломлялъ получаемыя свѣдѣнія и своеобразно отражалъ ихъ въ своихъ статьяхъ.

Такъ совершилъ онъ, подъ руководствомъ друзей, свое философское развитіе отъ шеллингіанства черезъ фихтіанство къ гегеліанству; но тутъ, съ 1838 года, онъ рѣшительно пошелъ по своему пути, далъ свою интерпретацію гегеліанства, вынесъ на этой почвѣ борьбу съ Бакунинымъ, отстаивалъ свои взгляды въ письмахъ къ Станкевичу, жестоко поссорился съ Герценомъ: много ли во всей русской литературѣ примѣровъ такой духовной самостоятельности? Одинокимъ переѣхалъ Бѣлинскій въ концѣ 1839 г. въ Петербургъ; здѣсь, годъ спустя, онъ перенесъ жестокій идейный и религіозный кризисъ, пришелъ къ новой вѣрѣ, къ вѣрѣ въ «соціальность , и быстро подчинилъ новымъ своимъ взглядамъ почти всѣхъ окружающихъ, а въ томъ числѣ и того самаго Боткина, который позднѣе желалъ представить критику Бѣлинскаго какимъ-то общимъ складочнымъ мѣстомъ мнѣній всѣхъ друзей.—Лучшимъ доказательствомъ фанатичности этой мысли Боткина является переписка между нимъ и Бѣлинскимъ въ 1840—1843 г.г.: слишкомъ чувствуется въ ней превосходство Бѣлинскаго надъ Боткинымъ. Если въ рѣдкихъ случаяхъ Бѣлинскій и бралъ какую нибудь мысль Боткина въ свою статью, то почти всегда это была мысль самого Бѣлинскаго—быть можетъ, только лучше выраженная. Но гораздо чаще Бѣлинскій отвѣчалъ своему другу: а о такомъ то предметѣ ты врешь, хотя и мило врешь.—

Все предыдущее—не защита самостоятельности Бѣлинскаго (въ такой защитѣ онъ не нуждается), а просто установленіе факта, что періодъ вліянія кружка Станкевича на Бѣлинскаго былъ весьма непродолжителенъ и длился только съ 1835 по 1838 годъ; но и въ этотъ періодъ такое вліяніе относилось, главнымъ образомъ, къ области философіи и теоріи эстетики. Часто указываютъ на вліяніе Станкевича и въ области чисто литературно-критической. Станкевичъ отрицательно относился къ Бенедиктову, къ Кукольнику, къ Ершову («Конекъ-Горбунокъ») — и Бѣлинскій «раздѣлялъ» эти мнѣнія. Не вѣроятнѣе ли предположить, что въ той области, которая была главной спеціальностью Бѣлинскаго, въ области критики и исторіи литературы не на него оказывали вліяніе, а самъ онъ могъ оказать вліяніе на на своихъ друзей?—И уже въ крайнемъ случаѣ такое вліяніе могло быть только взаимнымъ, обоюднымъ. Да наконецъ и самъ Станкевичъ съ удивленіемъ отвергалъ слухи, будто Бѣлинскій находится подъ его литературнымъ вліяніемъ; въ

этой области — прибавлялъ Станкевичъ — я самъ радъ у Бѣлинскаго поучиться. (См. ниже въ примѣчаніи подлинныя слова Станкевича).—И если Бѣлинскій вносилъ что нибудь «свое» въ кружокъ Станкевича и его друзей, то эти могли быть именно историко-литературныя и критическія сужденія. — Часто указываютъ, что многія изъ этихъ сужденій были высказаны въ печати еще задолго до «Литературныхъ Мечтаній» Бѣлинскаго; но дѣло не въ этихъ отдѣльныхъ сужденіяхъ, а въ той общей широкой картинѣ, которую Бѣлинскій сдѣлалъ изъ исторіи русской литературы XVIII и начала XIX вѣка. Бѣлинскій въ сущности былъ Колумбомъ этой области, былъ первымъ историкомъ этой эпохи русской литературы.—

«Литературными Мечтаніями» началась въ концѣ 1834 года серьезная критическая дѣятельность Бѣлинскаго въ журналахъ Надеждина «Телескопѣ» и «Молвѣ»; закончилась она къ концу 1836 года статьей Бѣлинскаго о книжкѣ «Опытъ системы нравственной философіи». Мы не будемъ останавливаться на взглядахъ Бѣлинскаго этихъ двухъ лѣтъ его развитія, на этомъ «телескопскомъ» періодѣ. Впослѣдствіи, уже на исходѣ «московскаго» періода своей жизни, въ концѣ 1839 года,— Бѣлинскій, самъ указывая въ письмѣ къ Станкевичу на «смѣшныя стороны своего телескопскаго ратованія», все-же подчеркивалъ, что эти смѣшныя и слабыя стороны (главнымъ образомъ приподнятость и гиперболичность) не могутъ заслонить собою тѣхъ истинъ, которыя находились въ этихъ статьяхъ. «Мнѣ сладко думать,—пишетъ Бѣлинскій,—что я, лишенный не только наукообразнаго, но и всякаго образованія, сказалъ п е р в ы й нѣсколько истинъ, тогда какъ премудрый университетскій синедріонъ поролъ дичь» [1]). Бѣлинскій съ жаромъ отдался журнальной дѣятельности, особенно усилившейся съ середины 1835 года, когда Надеждинъ уѣхалъ заграницу и передалъ на время своего отсутствія веденіе своихъ журналовъ Бѣлинскому.—Станкевичъ въ письмѣ къ Невѣрову сообщалъ, что Надеждинъ «отдаетъ н а м ъ Телескопъ»; но вскорѣ Станкевичъ сознался, что это подчеркнутое «намъ» слишкомъ напоминаетъ извѣстное «мы

[1]) Въ этихъ словахъ —лишнее доказательство полной идейной самостоятельности Бѣлинскаго той эпохи: онъ не подчеркивалъ бы въ письмѣ къ Станкевичу свой пріоритетъ, если бы считалъ себя обязаннымъ за эти истины Станкевичу. Да и самъ Станкевичъ,—повторяемъ это еще разъ—писалъ, что въ мнѣніяхъ всегда готовъ съ нимъ (Бѣлинскимъ) посовѣтоваться и очень часто послѣдовать его совѣтамъ».

пахали», и въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ сообщилъ, что «Надеждинъ передаетъ свой Телескопъ Бѣлинскому», и что остальные друзья будутъ только «помогать» ему. И тутъ же Станкевичъ прибавлялъ: «разумѣется, что я не стану тратить времени на Телескопъ». Такимъ образомъ Бѣлинскій сталъ полноправнымъ редакторомъ «Телескопа» и почти цѣлый годъ посвящалъ ему всѣ свои силы. Вернувшійся къ 1836 году изъ-за границы Надеждинъ остался, повидимому, доволенъ веденіемъ дѣла въ его отсутствіе, далъ возможность Бѣлинскому отдохнуть въ теченіе осени,—которую Бѣлинскій провелъ въ деревнѣ Бакуниныхъ,—и вообще собирался еще энергичнѣе приступить съ помощью Бѣлинскаго къ изданію своихъ журналовъ. Но какъ разъ осенью этого года Надеждинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева, за которое журналъ подвергся полному разгрому, а самъ Надеждинъ—ссылкѣ (въ февралѣ 1837 г.). Бѣлинскій, возвращавшійся изъ Прямухина, деревни Бакуниныхъ, въ Москву (15 ноября 1836 года), былъ арестованъ на заставѣ, «представленъ» въ полицію и подвергнутъ обыску, при чемъ, однако, въ его бумагахъ «ничего сумнительнаго не оказалось», и онъ былъ освобожденъ. Видѣлся ли онъ послѣ этого съ Надеждинымъ—намъ неизвѣстно, но извѣстно зато, что на прощаніе Надеждинъ совершилъ противъ Бѣлинскаго какой то неблаговидный поступокъ (см. письмо Бѣлинскаго къ К. Аксакову отъ 21-іюня 1837 г.). Впрочемъ, къ этому времени, Бѣлинскій и безъ того совершенно разочаровался въ Надеждинѣ, увидѣвъ въ немъ только безпринципнаго карьериста, хотя и умнаго человѣка.—

Такъ закончился „телескопскій“ періодъ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго, періодъ, характеризуемый шеллингіанствомъ; начиналась новая полоса развитія Бѣлинскаго, характеризуемая его «фихтіанствомъ», проявленіе котораго мы видимъ уже въ послѣдней статьѣ Бѣлинскаго, напечатанной въ «Телескопѣ» (объ «Опытѣ системы нравственной философіи»). Но немедленно вслѣдъ за этой статьей литературная дѣятельность Бѣлинскаго прервалась на полтора года и возобновилась тогда, когда Бѣлинскій сталъ уже послѣдователемъ «гегеліанства»; такимъ образомъ, „фихтіанскій“ періодъ развитія Бѣлинскаго почти совсѣмъ не отразился въ его статьяхъ. Этотъ пробѣлъ необходимо восполнить, и потому мы подробнѣе остановимся здѣсь на этомъ вообще малоизвѣстномъ періодѣ жизни Бѣлинскаго.

V.

Кружокъ Бакунина. «Фихтіанство» (1836—1837 г.г.).

Въ шеллингіанствѣ Бѣлинскій и его друзья нашли отвѣтъ на нравственные, эстетическіе и отчасти соціологическіе запросы; въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» и послѣдующихъ статьяхъ Бѣлинскаго 1834—6 г.г. мы имѣемъ шеллингіанское обоснованіе и развитіе мысли о свободномъ творчествѣ поэта, объ эстетическомъ чувствѣ, какъ основѣ добра, о внутренней связи свободно-творящаго поэта съ народомъ. Сразу бросается въ глаза почти полное отсутствіе во всемъ этомъ вопросовъ теоретико-познавательныхъ, гносеологическихъ; а между тѣмъ миновать ихъ при знакомствѣ съ послѣ-кантовской философіей было невозможно. Знакомство съ философіей Фихте принудило Станкевича и его друзей вплотную подойти къ постановкѣ этихъ вопросовъ и заимствовать отъ Фихте не только его этическій пантеизмъ, но и его субъективный идеализмъ. Послѣднее сперва было наиболѣе труднымъ; Станкевичъ, начавшій читать Фихте (Vorlesungen über die Bestimmung des Menschen) весною 1836 г. сознается, что чтеніе это сперва произвело въ его головѣ такой сумбуръ, возможности котораго онъ и не подозрѣвалъ.

Нравственный законъ—утверждаетъ Фихте—только тогда является реальнымъ, если внѣшній міръ не есть «вещь въ себѣ», если между Я и не Я существуетъ взаимодѣйствіе (а не одностороннее дѣйствіе объекта на субъектъ). Реальность нравственнаго закона отрицаетъ, такимъ образомъ, точку зрѣнія наивнаго реализма; болѣе того, она заставляетъ насъ въ концѣ концовъ придти къ заключенію, что внѣшній міръ есть лишь продуктъ нашего ощущенія и мышленія, есть только наше представленіе. Нѣтъ „вещи въ себѣ“, есть только „образы“, отображенія нашего сознанія, объективируемыя во-внѣ; внѣшній міръ призраченъ, реальное есть лишь самоосуществленіе Я. Эти разлагающія міръ и личность умозаключенія приводятъ къ понятію вѣры, безъ которой не можетъ быть построена философская система.

Все это мы беремъ изъ той самой книги Фихте, которая произвела такую путаницу въ мысляхъ Станкевича: [1]) доводы

---

[1]) Въ настоящее время книга эта («Die Bestim. des Menschen») переведена подъ редакц. Н. Лосскаго на русскій языкъ: «Назначеніе человѣка». СПБ. 1905.

и выводы субъективнаго идеализма не могли не поразить реалистически настроенныхъ друзей кружка Станкевича. Но среди этого кружка появилось въ 1835—6 г. новое лицо—М. Бакунинъ, сильно философскій умъ, легко усваивавшій себѣ всѣ тѣ „философскія отвлеченности“, которыя смутили даже Станкевича и были совершенно чужды такому типичному реалисту, какъ Бѣлинскій.—Съ 1836 года начинается близкая дружба Бѣлинскаго съ М. Бакунинымъ, этимъ будущимъ родоначальникомъ русскаго анархизма, а пока—ревностнымъ неофитомъ фихтіанства; время съ августа по ноябрь 1836 г. Бѣлинскій, какъ мы уже знаемъ, проводитъ въ Прямухинѣ, деревнѣ Бакуниныхъ, и понемногу самъ втягивается въ «фихтіанскую отвлеченность». Въ статьѣ о книгѣ „Опытъ системы нравственной философіи“ Бѣлинскій уже примѣнилъ эту новую точку зрѣнія и новую терминологію; до этого времени онъ былъ знакомъ только съ общимъ шеллингіанскимъ воззрѣніемъ на міръ и на жизнь. «Есть два способа изслѣдованія истины: à priori и à posteriori т. е. изъ чистаго разума и изъ опыта», пишетъ Бѣлинскій въ этой своей статьѣ; а изъ письма Бѣлинскаго къ М. Бакунину (отъ 21 ноября 1837 г.) мы узнаемъ, что даже эти подчеркнутыя выраженія были новостью для Бѣлинскаго: «я написалъ нѣсколько статей, обратившихъ на меня вниманіе, и никакъ не подозрѣвалъ, чтобы развитыя въ нихъ идеи были идеями à priori». И вотъ теперь Бѣлинскій сталъ проповѣдывать этическія идеи Фихте, обосновывая ихъ на идеалистической теоріи познанія. Характерны въ этомъ отношеніи начальныя страницы все той же статьи, гдѣ Бѣлинскій заявляетъ, что «факты и идеи не существуютъ сами по себѣ: они всѣ заключаются въ насъ», что «внѣшніе предметы только даютъ толчекъ нашему Я и возбуждаютъ въ немъ понятія, которыя оно придаетъ имъ». Эти два положенія взаимно исключаютъ другъ друга (такъ какъ первое построено на отрицаніи, а второе на признаніи „вещи въ себѣ“): если же прибавить къ этому, что два эти положенія раздѣлены третьимъ, въ которомъ проводится вовсе не фихтіанство, а обычное платоновское ученіе объ идеѣ, то станетъ яснымъ, насколько своеобразно преломлялась фихтіанская теорія познанія въ понятіи Бѣлинскаго и его «философскаго друга» и учителя Бакунина.

Итакъ, несомнѣнно, что фихтіанство Бѣлинскаго и друзей было сильно «руссифицированнымъ». Особенно это сказалось въ той терминологіи, которая подъ именемъ «фихтіанской»

создалась въ кружкѣ друзей и, главнымъ авторомъ которой несомнѣнно былъ Бакунинъ. «Конкретная жизнь», «абстрактная жизнь», „внѣшняя жизнь", «призрачность», „полная жизнь духа", „объективное наполненіе", «благодать», «нравственная точка зрѣнія толпы», „добрые малые", «прекраснодушіе» и т. п.—вотъ термины, которыми переполнена переписка Бѣлинскаго, начиная съ 1836 года. Нѣкоторые изъ этихъ терминовъ дѣйствительно можно встрѣтить у Фихте—напримѣръ, «призрачность», „блаженная жизнь" и т. п.; но большая часть ихъ несомнѣнно «московскаго» происхоженія. Иной разъ заимствованный терминъ получалъ совершенно своеобразное значеніе: изъ извѣстнаго выраженія Гете (а впослѣдствіи и Гегеля)—«Schöne Seele», Станкевичъ и Бакунинъ съ друзьями сдѣлали чуть не цѣлую философскую категорію. Подъ «прекраснодушіемъ» понималось у нихъ состояніе среднее между низменной «нравственной точкой зрѣнія» толпы и состояніемъ «благодати» немногихъ избранныхъ. (Нѣсколько позднѣе, уже въ эпоху гегеліанства, Бѣлинскій сталъ называть «прекраснодушіемъ» всѣ безпочвенные идеалистическіе порывы, всякій безсильный протестъ противъ дѣйствительности). Весь внѣшній міръ былъ объявленъ «призрачнымъ», а дѣйствительною считалась только «жизнь въ духѣ», только высшія переживанія, этическія и эстетическія.

Бѣлинскій добросовѣстно старался убѣдить себя въ истинности этой новой фихтіанско-бакунинской вѣры. Одно время онъ былъ просто подавленъ авторитетомъ своего «философскаго друга» и покорился ему; это совпало съ періодомъ самобичеванія Бѣлинскаго, его признанія своей недостойности для состоянія «благодати»; въ то же время Бѣлинскій, живя въ Прямухинѣ, влюбился въ одну изъ сестеръ своего друга, А. А. Бакунину, но не только не встрѣтилъ взаимности, а наоборотъ, увидѣлъ, что на него смотрятъ «сверху внизъ». Все это очень повліяло на впечатлительнаго Бѣлинскаго, и онъ то падалъ духомъ, то воскресалъ, стремился къ самосовершенствованію, искалъ спасенія въ «объективномъ наполненіи», въ области чистой мысли, знанія; онъ продолжалъ, съ рѣдкими вспышками протеста, покоряться авторитету Бакунина; онъ убѣдилъ себя, что окружающая «дѣйствительность» есть «призрачность» и что истинная дѣйствительность заключена только въ узкомъ кружкѣ избранныхъ, къ которымъ онъ не всегда смѣлъ причислить себя. Дорого стоила Бѣлинскому эта борьба съ самимъ собою; «результатомъ этой борьбы--вспоминалъ позднѣе (1838 г.) Бѣлинскій—

должно было быть отчаяніе, оскудѣніе жизни, судорожное проявленіе жизни, въ проблескахъ, восторгахъ мгновенныхъ и дняхъ, недѣляхъ апатіи смертельной. Я лицомъ къ лицу въ первый разъ столкнулся съ мыслью—и ужаснулся своей пустоты». Спасеніе онъ думалъ найти, слѣпо увѣровавъ въ «фихтіанство». «Ты первый—писалъ Бѣлинскій Бакунину—уничтожилъ въ моемъ понятіи цѣну опыта и дѣйствительности, втащивъ меня въ фихтіанскую отвлеченность», «я уцѣпился за фихтіанскій взглядъ съ энергіею, съ фанатизмомъ». Крайнее презрѣніе къ мѣщанской толпѣ, „къ добрымъ малымъ", крайнее возвеличеніе личности немногихъ избранныхъ; принятіе идеалистической, фихтіанской теоріи познанія—вотъ взгляды, которые съ „фанатизмомъ" исповѣдывалъ въ это время Бѣлинскій. „Прямухинская гармонія и знакомство съ идеями Фихте, благодаря тебѣ,—писалъ Бѣлинскій 16 авг. 1837 г. Бакунину,—въ первый разъ убѣдили меня, что идеальная-то жизнь есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота".

Но Бѣлинскій не могъ долго оставаться на высотахъ отвлеченной философской мысли; онъ былъ „весь земной", онъ былъ въ душѣ глубочайшій реалистъ,—какъ ни старался увѣровать въ гносеологическіе выводы фихтіанства. Характернымъ признакомъ наступающей перемѣны философскихъ воззрѣній было измѣненіе соціально-политическихъ мнѣній Бѣлинскаго въ 1836—7 г. Въ начальную эпоху своего фихтіанства Бѣлинскій продолжалъ держаться „либеральныхъ" и „радикальныхъ" соціально-политическихъ убѣжденій, слегка отразившихся уже въ „Дмитріи Калининѣ"; этотъ радикализмъ, повидимому, еще болѣе развился къ 1836 году. Мы знаемъ, что Бѣлинскій враждебно относился къ крѣпостному праву, вскрывалъ темныя стороны дворянскаго сословія; еще болѣе ненавистно было ему духовное сословіе, на что̀ въ свое время Пыпинъ имѣлъ «положительныя указанія» [1]). Такія же указанія дошли до насъ и относительно политическаго радикализма Бѣлинскаго, особенно въ періодѣ его фихтіанства: по собственному его признанію (въ письмѣ къ Бакунину отъ 12 окт. 1838 г.) онъ понялъ фихтіанство въ радикальномъ политическомъ значеніи. Гостя въ деревнѣ Бакуниныхъ, Бѣлинскій однажды за обѣдомъ, въ присутствіи большого общества, высказалъ рѣзкое сужденіе о событіяхъ великой

[1]) Op. cit., стр. 94—95.

французской революціи—повидимому, о казни Людовика XVI, относясь къ этому факту вполнѣ одобрительно. „Ты помнишь,— писалъ онъ впослѣдствіи М. Бакунину,—какую фразу отпустилъ я за столомъ и какъ подѣйствовала она на Александра Михайловича“ [1]). И такое сужденіе было, конечно, не единичнымъ, по крайней мѣрѣ, Бѣлинскій впослѣдствіи очень часто вспоминалъ объ «абстрактномъ героизмѣ» этого періода своей жизни, о своемъ увлеченіи свободолюбивыми монологами героевъ Шиллера, о своей «прекраснодушной» борьбѣ съ окружающей дѣйствительностью.

Но именно въ этой области прежде всего и произошелъ духовный переломъ въ Бѣлинскомъ. Какъ это случилось— это пока недостаточно ясно, такъ какъ жизнь Бѣлинскаго въ первой половинѣ 1837 года является менѣе всего извѣстной. Мы знаемъ, что Бѣлинскій очень бѣдствовалъ въ это время, жилъ займами у друзей (Боткина, Аксакова, Ефремова), страдалъ отъ своей нераздѣленной любви къ А. Бакуниной, и чтобы заглушить нераздѣленное чувство, предавался чувственности: „во мнѣ умеръ человѣкъ, остался самецъ“—говорилъ о себѣ самомъ Бѣлинскій. Такая жизнь довела его до болѣзни, и весною 1837 года ему пришлось ѣхать лѣчиться на Кавказъ, въ Пятигорскъ—разумѣется, на средства друзей. Вотъ почти все, что извѣстно о жизни Бѣлинскаго зимою 1836—7 г. Правда, извѣстно еще, что въ это время Бѣлинскій закончилъ и издалъ свои „Основанія русской грамматики“, надѣясь поправить этой книгой свои денежныя обстоятельства—и еще болѣе ухудшилъ ихъ этимъ, такъ какъ изданная въ долгъ грамматика эта туго расходилась; извѣстно также, что въ началѣ 1837 года Бѣлинскій велъ переговоры съ петербургскими издателями, Краевскимъ и Плюшаромъ, о сотрудничествѣ въ ихъ изданіяхъ («Литературн. Прибавл. къ Русскому Инвалиду», и «Энциклопедич. Словарѣ») и одно время собирался даже переѣзжать въ Петербургъ; планъ этотъ не состоялся, такъ какъ Бѣлинскій увидѣлъ, что эти издатели «требуютъ невозможнаго»...

Можно было бы указать еще на нѣсколько фактовъ изъ той эпохи жизни Бѣлинскаго, но всѣ они не могутъ объяснить намъ причинъ рѣзкой перемѣны взглядовъ Бѣлинскаго въ 1837 году. Однако, передъ нами фактъ, который мы должны принять: къ серединѣ 1837 года Бѣлинскій совершенно отказался отъ своего былого политическаго ради-

[1]) Хозяина дома, отца М. Бакунина.

кализма и этимъ самымъ началъ свое отторженіе вообще отъ „фихтіанства“. Въ громадномъ письмѣ изъ Пятигорска (отъ 7 авг. 1837 г.) къ другу дѣтства Д. П. Иванову Бѣлинскій, между прочимъ, въ рѣзкихъ словахъ осуждаетъ всякую „политику“, восхваляетъ самодержавіе, называетъ „превосходной и похвальной“ мѣрой строгую цензуру свободнаго слова, восклицаетъ «къ черту французовъ!», вліяніе которыхъ ему представляется гибельнымъ. Уже въ это время, какъ видно изъ письма, Бѣлинскій былъ знакомъ съ философіей Гегеля.

Это было началомъ окончательнаго разрыва Бѣлинскаго съ кратковременнымъ «фихтіанствомъ»; вскорѣ Бѣлинскій отвергъ не только политическій радикализмъ фихтіанства, но и фихтіанскую теорію познанія: типичный реалистъ въ душѣ, Бѣлинскій насиловалъ себя, исповѣдуя «фихтіанскую отвлеченность». Мало-по-малу въ его душѣ назрѣвалъ протестъ противъ этой несвойственной ему „отвлеченной мысли“; нуженъ былъ только послѣдній толчекъ, чтобы разрывъ совершился. Этимъ толчкомъ и было болѣе близкое знакомство съ Гегелемъ. „Пріѣзжаю въ Москву съ Кавказа—вспоминалъ впослѣдствіи въ письмѣ конца 1839 г. къ Станкевичу Бѣлинскій,—пріѣзжаетъ Бакунинъ, мы живемъ вмѣстѣ. Лѣтомъ просмотрѣлъ онъ философію религіи и права Гегеля. Новый міръ намъ открылся...—это было освобожденіе... Слово дѣйствительность сдѣлалось для меня равнозначительно слову Богъ“. Это было прежде всего реакціей субъективно-идеалистической философіи Фихте; гегеліанство было понято Бѣлинскимъ въ смыслѣ философскаго реализма. Бѣлинскій впослѣдствіи говорилъ, что къ концу 1837 г. онъ „утомился отвлеченностью“ и „жаждалъ сближенія съ дѣйствительностью“. „Моя природа враждебна (отвлеченному) мышленію“,—говорилъ о себѣ Бѣлинскій; „я ненавижу мысль, какъ отвлеченіе“... Я уважаю мысль,—снова говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Бакунину,—и знаю ей цѣну, но только отвлеченная мысль въ моихъ глазахъ ниже, безполезнѣе, дряннѣе эмпирическаго опыта. Такой «отвлеченной мыслью» было теперь для Бѣлинскаго мнѣніе о «призрачности» внѣшне-дѣйствительнаго и о «дѣйствительности» внутренне-идеальнаго: теперь Бѣлинскій призналъ «дѣйствительнымъ» весь окружающій міръ, призналъ внутреннюю „разумность“ этого міра.—«Я гляжу на дѣйствительность, столь презираемую прежде мною,—пишетъ Бѣлинскій Бакунину 10-го сентября

1838 года,—и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея нельзя ничего выкинуть и въ ней ничего нельзя похулить и отвергнуть... Дѣйствительность!—твержу я, вставая и ложась спать, днемъ и ночью—и дѣйствительность окружаетъ меня, я чувствую ее вездѣ и во всемъ»...

Такъ пришелъ Бѣлинскій къ знаменитой теоріи разумной дѣйствительности, увидя въ ней реалистическій оплотъ противъ идеалистическихъ отвлеченностей фихтіанства: «ты первый—писалъ Бѣлинскій Бакунину,—уничтожилъ въ моемъ понятіи цѣну опыта и дѣйствительности, втащивъ меня въ фихтіанскую отвлеченность, и ты же первый былъ для меня благовѣстникомъ этихъ двухъ великихъ словъ". Гегеліанскій періодъ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго очень полно представленъ въ его статьяхъ 1838—1840 г. г.; изъ этихъ статей видно, въ чемъ заключалась существенная ошибка взглядовъ Бѣлинскаго, отождествившаго «разумную дѣйствительность» съ окружающей реальной дѣйствительностью, съ обыденностью и затѣмъ съ исторической необходимостью. Такое реалистическое пониманіе „разумной дѣйствительности" вызвало протестъ со стороны Бакунина, но Бѣлинскій скоро уже пересталъ подчиняться его авторитету. Переживъ фихтіанство, Бѣлинскій пережилъ, по его выраженію, католическій періодъ своей жизни, когда онъ всецѣло былъ подъ нравственнымъ гнетомъ Бакунина, когда онъ „былъ убѣжденъ отъ всей души,—говоритъ онъ о себѣ,—что у меня нѣтъ ни чувства, ни ума, ни таланта, никакой и ни къ чему способности, ни жизни, ни огня, ни горячей крови, ни благородства, ни чести, что хуже меня не было никого у Бога, что я пошлѣйшее и ничтожнѣйшее созданіе въ мірѣ"... Теперь, увѣровавъ въ «разумную дѣйствительность» всего сущаго, Бѣлинскій увѣровалъ и въ себя, въ свои силы, въ свое значеніе. «Съ весны (1838 года)—писалъ онъ годомъ позднѣе Станкевичу—я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я самъ по себѣ»... И «разумную дѣйствительность» Бѣлинскій поэтому понялъ „по-своему", что крайне не понравилось привыкшему властвовать Бакунину. «Ему это крайне не понравилось,—продолжаетъ разсказывать Бѣлинскій—онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ есть самостоятельность, сила и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно—сшибу, да еще копытомъ лягну»... Вскорѣ между недавними друзьями произошелъ разрывъ, и Бѣлинскій навсегда освободился отъ двух-

лѣтней опеки своего «философскаго друга». Такимъ образомъ Бѣлинскій находился подъ его вліяніемъ съ 1836 по 1838 годъ—т. е. именно въ тотъ промежутокъ времени, когда Бѣлинскій не могъ напечатать ни одной статьи, за неимѣніемъ журнала. По этой причинѣ мы должны были подробнѣе остановиться здѣсь на этомъ періодѣ развитія Бѣлинскаго.

VI.

Кружокъ Бакунина. «Гегельянство» (1838—1839 гг.).

Мы уже сказали, что Бѣлинскій понялъ „разумную дѣйствительность“ сперва въ смыслѣ окружающей дѣйствительности, а затѣмъ и въ смыслѣ исторической необходимости. «...Воля Божія, — говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Бакунину, — есть предопредѣленіе Востока, fatum древнихъ, провидѣніе христіанства, необходимость философіи, наконецъ, дѣйствительность». Но необходимость, разсматриваемая какъ разумная „дѣйствительность“, есть не что иное, какъ цѣлесообразность, и именно этимъ послѣднимъ словомъ должно быть охарактеризовано все міровоззрѣніе Бѣлинскаго этой эпохи. Вѣра въ объективную цѣлесообразность бытія, вѣра въ объективную осмысленность міра составляла теперь для Бѣлинскаго святое святыхъ его міровоззрѣнія. Мятущееся отчаяніе Дмитрія Калинина исчезло — и какъ будто безъ слѣда; его мѣсто заступила радостная вѣра въ благую цѣлесообразность міра, въ благое высшее Провидѣніе, царящее надъ міромъ. Вѣра эта стала удѣломъ Бѣлинскаго еще съ начала его шеллингіанства, съ выраженіемъ ея мы встрѣчаемся и въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» и въ другихъ статьяхъ начала тридцатыхъ годовъ, и въ письмахъ Бѣлинскаго той эпохи.—„Все къ лучшему“! „И все то благо, все добро!“—восклицаетъ Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ и письмахъ. И эту мысль онъ повторяетъ даже въ то время, когда самъ находится въ невыносимомъ положеніи, когда самъ „пьетъ горькую чашу, которая съ каждымъ днемъ переполняется черезъ края новыми ядовитѣйшими зельями“; даже въ это время Бѣлинскій утѣшаетъ себя мыслью, что быть можетъ, „всѣ настоящія несчастья суть не что иное, какъ зерна, изъ коихъ должны нѣкогда вырасти и расцвѣсти

благоухающіе цвѣты счастья... Все къ лучшему" (изъ письма къ брату Константину отъ 19 іюля 1833 г.).

Развитіе этихъ же мыслей о вѣрѣ въ жизнь и въ цѣлесообразность сущаго мы найдемъ и въ фихтіанскомъ періодѣ жизни Бѣлинскаго; но только въ гегеліанствѣ эта вѣра получила для Бѣлинскаго твердое обоснованіе, только въ ученіи о „разумной дѣйствительности" увидѣлъ Бѣлинскій твердую точку опоры, понявъ „разумную дѣйствительность", какъ объективную цѣлесообразность всего сущаго, т. е., говоря иными словами, придя къ „полному принятію міра". Невѣріе и отчаяніе Дмитрія Калинина, повидимому, окончательно побѣждено; надъ всей жизнью Бѣлинскаго теперь царитъ радостная вѣра въ объективную разумность міра и жизни. Страданія и муки отдѣльныхъ личностей, частныхъ индивидуальностей тонутъ въ этомъ абсолютно цѣлесообразномъ развитіи міра — саморазвитіи и самопознаніи Абсолютнаго Духа. «Es herrschet eine Allweise Güte über die Welt» — надъ міромъ царитъ Премудрая Благость: недаромъ это было любимой фразой еще Станкевича. И когда тотъ же Станкевичъ первый изъ друзей перешелъ къ изученію философіи Гегеля, то въ ней и онъ нашелъ прочную опору для подобнаго «принятія міра». Передъ мыслью о развитіи Общаго, о самопознаніи Абсолютнаго Духа — стушевывались всѣ вопросы о мукахъ и страданіяхъ живой человѣческой личности: „я никогда почти не дѣлаю себѣ такихъ вопросовъ, — пишетъ Станкевичъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ. — Въ мірѣ господствуетъ Духъ, Разумъ: это успокаиваетъ меня насчетъ всего"... Именно такую вѣру и высказывалъ Бѣлинскій въ своихъ гегеліанскихъ статьяхъ 1838-го и слѣдующихъ годовъ.

И однако, въ то же самое время Бѣлинскому жилось далеко не сладко. Не говоря уже о томъ, что денежныя его обстоятельства продолжали и послѣ 1837 года оставаться крайне печальными, еще тяжелѣе, быть можетъ, отражались на немъ тѣ недоразумѣнія съ друзьями, которыя всегда неизбѣжны во всякомъ замкнутомъ кружкѣ. Впослѣдствіи Бѣлинскій жестоко бичевалъ эту кружковщину, въ которой друзья замкнулись, особенно въ эпоху фихтіанства, послѣ знакомства съ Бакунинымъ и подъ его непосредственнымъ вліяніемъ; особенно обрушился онъ на нее въ самой послѣдней своей статьѣ 1848 года. Говоря тамъ о молодомъ Адуевѣ изъ «Обыкновенной исторіи» Гончарова, Бѣлинскій пользуется случаемъ свести послѣдніе

счеты съ „романтизмомъ“ своей молодости и даже съ терминологіей „кружковщины“ тридцатыхъ годовъ. Бѣлинскій говоритъ тамъ о юныхъ романтикахъ, которые съ избыткомъ надѣлены „нервическою чувствительностью“, а потому любятъ копаться въ собственныхъ ощущеніяхъ и называютъ это—„наслаждаться внутренней жизнью“ въ кругу избранныхъ друзей. «Это они называютъ — иронизируетъ Бѣлинскій — жить высшею жизнью, не доступною для презрѣнной толпы, парить горѣ, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долу“... „Люди эти — продолжаетъ Бѣлинскій — бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ: это—слава, дружба и любовь“; но и то, и другое, и третье очень дорого имъ обходится. Слава требуетъ упорнаго труда — но къ нему они неспособны. Дружба никогда не бываетъ у нихъ естественной и простой, а всегда напряженной и восторженной; они изливаютъ другъ передъ другомъ свои души, требуютъ другъ отъ друга отчета во всѣхъ дѣлахъ и помышленіяхъ; такая дружба скоро превращается во взаимное мученіе. Любовь обходится имъ еще дороже, такъ какъ они сперва составляютъ программу любви, а затѣмъ уже примѣняютъ эту теоретическую схему къ женщинѣ; „имъ любовь нужна не для счастья, не для наслажденія, а для оправданія на дѣлѣ своей высокой теоріи любви“; разумѣется, въ результатѣ снова взаимное мученіе. Вообще же люди эти „не хотятъ знать законовъ сердца, природы, дѣйствительности, они сочиняютъ для нихъ свои собственные, они гордо признаютъ существующій міръ призракомъ, а созданный своей фантазіей призракъ—дѣйствительно существующимъ міромъ“... [1])

До сихъ поръ не обращали достаточнаго вниманія на эти замѣчательныя страницы изъ послѣдней статьи Бѣлинскаго, направленныя не столько противъ молодого Адуева, сколько pro domo sua, противъ самого себя второй половины тридцатыхъ годовъ. А въ томъ, что эта жестокая характеристика относится именно къ знакомой Бѣлинскому былой „кружковщинѣ — сомнѣваться невозможно; слишкомъ часто Бѣлинскій въ интимныхъ письмахъ выражалъ эти же мысли, эти же чувства. Укажемъ на статью П. Милюкова «Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ», въ которой, на осно-

---

[1]) Ср. также рецензію Бѣлинскаго о «Переводахъ» Струговщиковымъ статей Гете («Отеч. зап.», 1846 г.); въ ней Бѣлинскимъ высказываются эти же мысли о «кружковщинѣ».

ваніи переписки Бѣлинскаго, Станкевича, Бакунина ясно обрисованы всѣ мученія „идеалистовъ“ отъ столкновенія съ жизнью ихъ романтической теоріи любви. И самъ Бѣлинскій уже начиналъ смутно сознавать слабыя стороны этой теоріи любви, возвышенной, программной и головной; впослѣдствіи въ письмѣ къ Боткину отъ 13 марта 1841 года вотъ какъ вспоминалъ Бѣлинскій объ этой кружковой теоріи любви, любви экстатической и мистической: „понимаешь ли ты теперь, что такая любовь нисколько не риѳмовала съ браком ъ и вообще съ дѣйствительностью жизни... [1]) Отсюда выходили... экзажерованныя понятія о брачныхъ отношеніяхъ, гдѣ каждый поцѣлуй долженъ былъ выходить изъ полноты жизни, а не изъ рефлексіи и проч. Признаюсь, это мнѣ всегда казалось страшною дичью, и я потому казался тебѣ и Мишелю (Бакунину) страшною дичью. Но я былъ правъ. Я понималъ, что въ жизни не разъ придется спросить жену, принимала ли она слабительное и хорошо ли ее слабило, и не лучше ли вмѣсто слабительнаго поставить клистиръ. Эта противоположность поэзіи и прозы жизни ужасала меня, но я не могъ закрыть на нее глаза, не могъ не видѣть, что она есть. Тебя это часто оскорбляло, и я внутренно презиралъ себя, видя, что ты, по крайней мѣрѣ, не уважаешь меня. Что дѣлать! — тогда ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ быть собою, ибо каждый хотѣлъ быть абсолютнымъ, т. е. безцвѣтнымъ и абстрактнымъ совершенствомъ (подчеркнуто Бѣлинскимъ).

То-же самое было и въ дружбѣ: тѣ же мученія при столкновеніи романтической теоріи дружбы съ дѣйствительностью, и та-же узкая нетерпимость по отношенію къ людямъ инакомыслящимъ, инакочувствующимъ. Еще въ своей „фихтіанской“ статьѣ 1836 года Бѣлинскій говорилъ, что любовь и дружба возможны только при общемъ уровнѣ сознанія между людьми, такъ что, наоборотъ, къ людямъ низшаго уровня сознанія чувствуешь родъ ненависти: „несносенъ ихъ видъ, тяжела ихъ бесѣда, словомъ, мучительно всякое соприкосновеніе съ ними“. И такими „низшими“ людьми для Бѣлинскаго и его друзей несомнѣнно были

---

[1]) Наглядным ъ доказательствомъ этого можетъ служить поразительный контрастъ между нѣжной поэзіей „любовной“ переписки Герцена съ Наташей и суровой прозой ихъ брака... См. эту переписку и „Былое“ и „Думы“ Герцена; это лучшая иллюстрація столкновенія съ жизнью романтической теоріи любви.

почти всѣ люди, стоящіе внѣ ихъ узкаго кружка; самъ Бѣлинскій черезъ немного лѣтъ съ негодованіемъ вспоминалъ про это. Въ письмѣ отъ 9 декабря 1841 г. къ младшему брату М. Бакунина, Н. А. Бакунину, Бѣлинскій говоритъ: „всякій кружокъ ведетъ къ исключительности и какой-то странной оригинальности: рождаются свои манеры, свои привычки, свои слова, любезныя для кружка, странныя, непонятныя и непріятныя для другихъ. Но это бы еще ничего: хуже всего то, что люди кружка дѣлаются чужды для всего, что внѣ ихъ кружка, а все это—имъ. Я сужу по собственному опыту... Боже мой! грустно вспомнить объ этой ограниченной исключительности, съ какой мы смотрѣли на весь міръ...“ Но внутри этого кружка избранныхъ самъ Бѣлинскій вскрываетъ напряженную, восторженную, взвинченную дружбу. „Мы любили другъ друга—пишетъ Бѣлинскій 27 іюня 1841 г. Боткину о всѣхъ членахъ бывшаго кружка,—любили горячо и глубоко... Но какъ-же проявлялась наша дружба? Мы приходили другъ отъ друга въ восторгъ и экстазъ, мы ненавидѣли другъ друга, мы удивлялись другъ другу, мы презирали другъ друга, мы предавали другъ друга, мы съ ненавистью и бѣшеною злобою смотрѣли на всякаго, кто не отдавалъ должной справедливости кому-нибудь изъ нашихъ, и мы поносили и злословили другъ друга за глаза передъ другими, мы ссорились и мирились, мирились и ссорились; во время долгой разлуки мы рыдали и молились при одной мысли о свиданіи, истаивали и исходили любовью другъ къ другу, а сходились и видѣлись холодно, тяжело чувствовали взаимное присутствіе и разставались безъ сожалѣнія. Какъ хочешь, а это такъ. Пора намъ перестать обманывать самихъ себя, пора смотрѣть на дѣйствительность прямо, въ оба глаза, не щурясь и не кривя душою. Я чувствую, что я правъ, ибо въ этой картинѣ нашей дружбы я не затемнилъ и ея истинной и прекрасной стороны...“

Факты подтверждаютъ эту характеристику „кружковщины“ Бѣлинскимъ; нельзя при этомъ не указать, что почти все отрицательное въ этой характеристикѣ было внесено въ жизнь кружка едва ли не исключительно М. Бакунинымъ. Властный и требующій подчиненія („Мишель, кромѣ глубокой натуры и генія требовалъ еще отъ удостаиваемыхъ его дружбы одинаковаго взгляда даже на погоду и одинаковаго вкуса даже въ гречневой кашѣ,—условіе sine qua non“—писалъ впослѣдствіи Бѣлинскій) Бакунинъ не могъ

однако подчинить себѣ надолго такую сильную индивидуальность, какъ Бѣлинскаго; борьбу между ними мы уже прослѣдили выше. Вообще „кружковщина“ эта царила среди друзей 1836—1839 г.г.; журналъ друзей „Московскій Наблюдатель“ былъ, въ сущности, яркимъ проявленіемъ этой „кружковщины“. Страницею выше мы привели слова Бѣлинскаго (изъ его письма къ Н. А. Бакунину) о томъ, что во всякомъ кружкѣ неизбѣжны свои манеры и свои слова, „любезныя для кружка, странныя, непонятныя, непріятныя для другихъ“. Именно это и отразилось на «Московскомъ Наблюдателѣ», что вскорѣ призналъ и самъ Бѣлинскій. Въ письмѣ къ Станкевичу отъ конца 1839 года Бѣлинскій заявляетъ, что уже «давно видитъ» слабыя и смѣшныя стороны этого журнала: „я довольно непосидѣнъ и недолго сижу на одномъ мѣстѣ, и потому я давно уже дальше наблюдателя. Смѣшная и дѣтская сторона его... Въ этомъ обиліи философскихъ терминовъ (очень поверхностно понятыхъ), которые и въ самой Германіи, въ популярныхъ сочиненіяхъ употребляются съ большою экономіею. Мы забыли, что русская публика не нѣмецкая и, нападая на прекраснодушіе, сами служили самымъ забавнымъ примѣромъ его...» Полугодомъ позже, въ одной изъ рецензій въ „Отеч. Запискахъ“ по поводу изданія «Репертуаръ русскаго театра», Бѣлинскій такъ вспоминалъ о „Московскомъ Наблюдателѣ“: «Наблюдатель» весною 1838 года вздумалъ ожить,—и вотъ поюнѣлъ, и позеленѣлъ, и заговорилъ живымъ языкомъ, восторженною рѣчью, словомъ, расходился, какъ рьяный нѣмецкій студентъ... Съ первой же книжки началъ онъ сыпать новыми идеями и новыми словами... Тщетно представлялъ онъ и изящную прозу, и изящныя стихотворенія, и новыя идеи; публика видѣла одни новыя, непонятныя для нея слова, да неаккуратность въ выходѣ книжекъ, и бѣдный юноша не хотѣлъ умирать медленною смертью, по филистерски, но скоропостижно исчезъ и пропалъ безъ вѣсти»... Бѣлинскій былъ правъ: «Московскій Наблюдатель» былъ характернымъ проявленіемъ „кружковщины“; и если бы этотъ кружокъ Бѣлинскаго и его друзей былъ явленіемъ частнымъ, не связаннымъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ развитіемъ русской общественной мысли, то и журналъ кружка не имѣлъ бы никакого историческаго значенія. Въ дѣйствительности было иначе: кружокъ Бѣлинскаго и его друзей былъ важнымъ звеномъ въ развитіи русской мысли, былъ тѣмъ горниломъ, гдѣ плавилось и отливалось въ новыя

формы общественное сознаніе. И каковы бы ни были отрицательныя проявленія кружковщины, но въ кружкѣ этомъ собралось въ 1836—1839 г.г. все, что было тогда выдающагося въ молодомъ поколѣніи—если не считать разосланнаго и разбросаннаго по Россіи кружка Герцена и немногихъ отдѣльныхъ, одинокихъ личностей, въ родѣ, напр., В. Печорина. Самъ Бѣлинскій, такъ сурово осудившій кружковщину, въ то же время ясно видѣлъ и признавалъ, что въ кружкѣ его друзей соединилось все лучшее, молодое, полное вѣры въ жизнь и стоящее на много выше окружающихъ. „Есть люди,—писалъ Бѣлинскій Боткину 8 сент. 1841 г.,—которыхъ жизнь не можетъ проявиться ни въ какую форму, потому что лишена всякаго содержанія; мы же люди для необъятнаго содержанія жизни, для которыхъ ни у общества, ни у времени нѣтъ готовыхъ формъ. Я встрѣчалъ и внѣ нашего кружка людей прекрасныхъ, которые дѣйствительнѣе насъ, но нигдѣ не встрѣчалъ людей съ такой ненасытимою жаждою, съ такими огромными требованіями на жизнь, съ такою способностью самоотреченія въ пользу идеи, какъ мы. Вотъ отчего все къ намъ льнетъ, все подлѣ насъ измѣняется...» Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» (глава XXV) съ еще большей силой высказалъ это же мнѣніе о кружкѣ Станкевича, Бакунина и Бѣлинскаго.

Однако, Бѣлинскій уже въ началѣ своего гегеліанства стремился отрѣшиться отъ кружковой исключительности и узости, стремился войти въ „дѣйствительную“ жизнь—и это было очевиднымъ слѣдствіемъ проповѣдывавшейся имъ теоріи „разумной дѣйствительности“. Въ цитированномъ выше письмѣ 1841-го года къ Н. Бакунину, онъ говоритъ: «у всякаго человѣка долженъ быть свой уголокъ, куда бы онъ могъ укрываться отъ ненастья жизни... но уголокъ и долженъ быть уголкомъ, а не міромъ, жизнь же должна быть въ мірѣ»... Но еще гораздо раньше, въ письмѣ къ М. Бакунину отъ 10 сент. 1838 г., Бѣлинскій отказывался отъ кружковой исключительности, разрывалъ съ нею: «нѣтъ ничего идеальнѣе, т. е. пошлѣе—пишетъ Бѣлинскій (характерное „то есть“, выпадъ противъ «прекраснодушія»)—какъ сосредоточеніе въ какомъ то кругѣ, похожемъ на тайное общество и не похожемъ ни на что остальное и враждебное всему остальному». И тутъ Бѣлинскій, какъ „человѣкъ экстремы» (по слову Герцена) переходитъ въ другую крайность: не желая быть «какъ никто», онъ хочетъ теперь быть, „какъ всѣ“, разумную дѣйствительность Бѣлин-

скій понялъ здѣсь, какъ обыденность. Свое письмо къ М. Бакунину онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „всякая форма, поражающая людей своею рѣзкостью и странностью и пробуждающая о себѣ толки и пересуды,—пошла, т. е. идеальна. Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ... Теперь единственное мое стараніе, чтобы всякій, знающій меня по литературѣ и увидѣвшій въ первый и во сто первый разъ сказалъ: «это-то Бѣлинскій? да онъ, „какъ всѣ“». Разумѣется, Бѣлинскій не могъ осуществить такого своего стремленія, но оно является характернымъ показателемъ того, какъ стремился Бѣлинскій выйти изъ замкнутаго кружка на поле „дѣйствительной“ жизни.

VII.

Петербургъ и „дѣйствительность“. (1839—1840 г.г.).

Вскорѣ сама жизнь заставила его покинуть кружокъ московскихъ друзей: „Московскій Наблюдатель“ прекратился, и Бѣлинскій, въ серединѣ 1839 года, опять остался не у дѣлъ, обремененный долгами, безъ журнала, безъ работы. А между тѣмъ въ Петербургѣ Краевскій уже второй годъ издавалъ „Отечественныя Записки“, не имѣя никого для веденія критическаго и библіографическаго отдѣла. Несмотря на это, онъ не приглашалъ Бѣлинскаго въ свой журналъ и пробовалъ обойтись „своими средствами“, предоставивъ мѣсто перваго критика въ „Отеч. Запискахъ“ бездарному Межевичу, впослѣдствіи сотруднику „Сѣверной Пчелы“. Еще въ 1838 году Краевскій говорилъ Кольцову про Бѣлинскаго, что это „большой негодяй“, „пишетъ чертъ знаетъ что“... „Онъ мнѣ прислалъ двѣ статьи,- передаетъ слова Краевскаго Кольцовъ,—просилъ помѣстить въ журналъ, и чтобы участвовать сотрудникомъ. Но его статьи никуда негодны. Человѣкъ началъ писать о томъ, повелъ рѣчь вовсе о постороннемъ, потомъ завлекся, что и не поймешь. Сдѣлалъ мнѣ предложеніе, чтобы въ журналѣ быть въ родѣ панибрата. Я ему пишу, что въ этомъ журналѣ хозяинъ я,—а другого нипочему не надобно и я, братъ, въ тебѣ не нуждаюсь... „(Письмо Кольцова къ Бѣлинскому отъ 21 февр. 1838 года). Вскорѣ, однако, Краевскій увидѣлъ, что дальше дѣло не можетъ такъ идти. На журналѣ его уже было около десяти тысячъ рублей долгу (39.000 р. ассигнаціями);

и если что могло поднять „Отеч. Записки“ надъ конкурирующей съ ними „Библіотекой для Чтенія“ Сенковскаго, то это только выдержанный, цѣльный и серьезный критическій отдѣлъ. Умный, ловкій и оборотливый Краевскій понялъ, наконецъ, что все спасоніе и вся надежда его журнала—въ «негодяѣ» Бѣлинскомъ. Но и для Бѣлинскаго все спасеніе было въ „Отеч. Запискахъ“, иначе грозила либо жизнь на хлѣбахъ у друзей, либо сотрудничество у Сенковскаго и Булгарина, либо голодная смерть; разумѣется, Бѣлинскій выбралъ бы послѣднее. „Отеч. Записки“ были выходомъ, спасеніемъ; и какъ ни хотѣлось Бѣлинскому остаться въ Москвѣ, какъ ни угнетала его мысль о переѣздѣ въ чуждый Петербургъ, однако, избѣжать этого было невозможно. Напечатавъ въ «Отеч. Запискахъ» нѣсколько небольшихъ рецензій и статей, начиная съ августа 1839 г., Бѣлинскій получилъ отъ Краевскаго предложеніе постояннаго сотрудничества—и сталъ собираться въ Петербургъ. Въ началѣ октября 1839 года Бѣлинскій писалъ Станкевичу: „недѣли черезъ двѣ послѣ отправленія этого письма ѣду въ Питеръ на житье. Зачѣмъ?

Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться.

....Знаю, что только теперь наступила пора полнаго развитія (духовныхъ силъ) и что еще долго онѣ будутъ идти возростая... Чтобы привести въ исполненіе (намѣренія) мнѣ надо оторваться отъ своего родного круга, мнѣ—робкой, запертой въ самой себѣ натурѣ—надо перенестись въ сферу чуждую, враждебную; страшно подумать, а время близко... Москва погубила меня, въ ней нечѣмъ жить и нечего дѣлать, а разстаться съ нею—тяжелый опытъ“... И вотъ въ концѣ октября Бѣлинскій уже въ Петербургѣ. Краевскій встрѣтилъ его, какъ избавителя: свидѣтель первой ихъ встрѣчи, Изм. Срезневскій (впослѣдствіи извѣстный профессоръ), разсказываетъ, что еще до пріѣзда Бѣлинскаго Краевскій говорилъ, что «вся его надежда на Бѣлинскомъ». „Бѣлинскій пріѣхалъ изъ Москвы и явился къ Краевскому при Срезневскомъ—записалъ со словъ послѣдняго впослѣдствіи Добролюбовъ, въ своемъ дневникѣ отъ 7 янв. 1857 г.—Краевскій побѣжалъ къ нему на встрѣчу, съ восклицаніемъ: наконецъ-то, спаситель! и при немъ опять повторилъ, что только Бѣлинскій можетъ поднять и поддержать его журналъ“ [1])... Началась

[1]) „Юбилейный Сборникъ Литературнаго Фонда“, 1909 г., стр. 292.

работа Бѣлинскаго въ журналѣ Краевскаго; не прошло и двухъ-трехъ лѣтъ, какъ „Отеч. Записки“ стали первымъ по распространенности русскимъ журналомъ. Работа эта продолжалась болѣе шести лѣтъ, за это время Краевскій сталъ богатымъ издателемъ, а Бѣлинскій надорвалъ и окончательно погубилъ свое здоровье „каторжнымъ“ трудомъ подневольнаго журналиста...

Начался „петербургскій“ періодъ жизни Бѣлинскаго—й начался окончательнымъ сведеніемъ счетовъ съ былымъ „москводушіемъ“, съ былой „кружковщиной“; для того, чтобы войти въ „дѣйствительность“, нужно было отказаться отъ многихъ былыхъ грезъ и мечтаній. Бѣлинскаго радушно встрѣтили въ Петербургѣ новые друзья—Панаевъ и его знакомые; его „обласкалъ“ кн. В. Одоевскій, радостно встрѣтилъ Краевскій— и все же Петербургъ произвелъ на Бѣлинскаго самое тяжелое впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что Бѣлинскій слишкомъ сжился съ кружкомъ своихъ московскихъ друзей и въ новой обстановкѣ чувствовалъ себя, какъ рыба, вынутая изъ воды; кромѣ того, житейская „обыденность“ предстала теперь передъ нимъ во образѣ Греча, Булгарина и К°, предстала съ такой стороны, которую Бѣлинскій уже не въ силахъ былъ отождествить съ „разумной дѣйствительностью“. Цѣлый рядъ писемъ Бѣлинскаго конца 1839-го и 1840 года показываетъ намъ, какъ тяжело ему было тогда; и нѣтъ сомнѣнія, что именно эти мелкія петербургскія впечатлѣнія впервые поколебали въ Бѣлинскомъ психологическія основы его вѣры въ разумную цѣлесообразность всего окружающаго. „Питеръ навелъ на меня апатію, уныніе и чертъ знаетъ что,—писалъ Бѣлинскій въ началѣ 1840 года другу своего дѣтства Д. Иванову:—„счастливъ, кто можетъ жить въ Москвѣ и особенно не жить въ Петербургѣ“... Темнымъ петербургскимъ впечатлѣніямъ Бѣлинскій хотѣлъ противопоставить вѣру въ объективную разумность всего, вѣру въ саморазвитіе Абсолютнаго Духа, вѣру въ безсмертіе души—вообще „религію“, которой можно было спасти свое міровоззрѣніе отъ ударовъ окружающей жизни.—„Въ Питерѣ только поймешь,—пишетъ Бѣлинскій Боткину 22 ноября 1839 г.,—что религія есть основа всего, и что безъ нея человѣкъ—ничто, ибо Питеръ имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ человѣкѣ все святое и заставить въ немъ выйти наружу все сокровенное. Только въ Питерѣ человѣкъ можетъ узнать себя—человѣкъ онъ, получеловѣкъ или скотина: если будетъ страдать въ

немъ—человѣкъ, если Питеръ полюбится ему—будетъ или богатъ или дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ"... И въ письмѣ отъ 3 февраля 1840 г. Бѣлинскій снова возвращается къ вопросу о безсмертіи, заявляя, что „объективный міръ страшенъ" (а вѣдь еще недавно онъ былъ для Бѣлинскаго объективно разуменъ и цѣлесообразенъ) и что „Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству"... Тяжело, видно, приходилось Бѣлинскому. Въ письмѣ отъ 1 марта 1840 года онъ снова убѣждаетъ себя и Боткина, что „Евангеліе—абсолютная истина, а безсмертіе индивидуальнаго духа есть основной его камень... Да, надо чаще читать евангеліе—только отъ него и можно ожидать полнаго утѣшенія"; а когда Боткинъ отвѣтилъ, что къ вопросу о личномъ безсмертіи онъ равнодушенъ, то Бѣлинскій снова пишетъ: „погоди, придетъ время, не то запоешь. Увидишь, что этотъ вопросъ—альфа и омега истины и что въ его рѣшеніи—наше искупленіе" (5 сент. 1840 г.). Къ этому времени Бѣлинскій узналъ о смерти Станкевича—и это еще больнѣе ударило по его колеблющейся вѣрѣ въ объективную разумность міра. „...Меня теперь всего поглотила—пишетъ Бѣлинскій Боткину 4 окт. 1840 г.—идея достоинства человѣческой личности и ея горькой участи—ужасное противорѣчіе! М. Бакунинъ пишетъ, что Станкевичъ вѣрилъ личному безсмертію, Штраусъ и Вердеръ вѣрятъ. Но мнѣ отъ этого не легче: все такъ же хочется вѣрить и все такъ же не вѣрится"...

Какъ видимъ въ душѣ Бѣлинскаго происходитъ какая то тяжелая борьба. Спасаясь отъ своихъ петербургскихъ настроеній и впечатлѣній, Бѣлинскій пытается схватиться уже не за философскую доктрину объ объективной цѣлесообразности сущаго, а за религіозную вѣру; это значитъ, что философская доктрина перестала или переставала быть для него религіозной вѣрой. «Дѣйствительность» показала свое лицо—и Бѣлинскій въ ужасѣ сталъ въ первый моментъ искать спасенія отъ открывавшейся передъ нимъ истины; истина же эта состояла въ томъ, что объективная цѣлесообразность сущаго, въ которую вѣрилъ московскій кружокъ друзей Бѣлинскаго, есть миѳъ, что для человѣка міръ является объективно безсмысленнымъ или, по крайней мѣрѣ, не осмысленнымъ. Вотъ борьба, происходившая въ душѣ Бѣлинскаго; и вскорѣ онъ сумѣлъ отчетливо сознать ее и попытался взглянуть прямо въ лицо суровой истины. Тяжело ему было. «Я не знаю свѣтлыхъ минутъ,—писалъ онъ Бот-

кину 3-февр. 1840 г.;—самое страданіе посѣщаетъ меня въ рѣдкія, очень рѣдкія минуты. Въ душѣ моей сухость, досада, злость, желчь, апатія, бѣшенство и проч. и проч. Вѣра въ жизнь, въ Духа, въ дѣйствительность—отложена на неопредѣленный срокъ, до лучшаго времени, а пока въ ней—безвѣріе и отчаяніе..... отчаяніе и ожесточеніе.... Петербургъ былъ для меня страшною скалою, о которую больно стукнулось мое прекраснодушіе. Это было необходимо и лишь бы послѣ стало лучше—я буду благословлять судьбу, загнавшую меня на эти гнусныя финскія болота. Но пока это невыносимо, выше всякой мѣры терпѣнія... Насъ губилъ китаизмъ... Мы весь Божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ... (а) китаизмъ хуже прекраснодушія.... Вообще, если бы я побывалъ у васъ, вамъ показалось бы, что я нюхнулъ петербургскаго душку и захватилъ его холодку, но вы ошиблись бы: я только поумнѣлъ, хотя отъ этого сталъ не счастливѣе, а несчастнѣе. Самая убивающая истина лучше радостной лжи; я глубоко сознаю, что неспособенъ быть счастливымъ черезъ ложь, какую бы ни было, и лучше хочу, чтобы сердце мое разорвалось въ куски отъ истины, нежели блаженствовало ложью» ... Малыя причины рождаютъ, какъ извѣстно, большія слѣдствія; такъ и здѣсь мелкая пошлость и подлость нѣкоторыхъ петербургскихъ литературныхъ круговъ была для Бѣлинскаго поводомъ пересмотрѣть уже поколебавшуюся въ душѣ былую вѣру въ «разумную дѣйствительность».—Въ этомъ отношеніи Петербургъ былъ для Бѣлинскаго дѣйствительно скалою, о которую разбилась его московская кружковая теорія. Въ Москвѣ Бѣлинскій жилъ на «необитаемомъ островѣ» кружковщины, а «въ Петербургѣ съ необитаемаго острова я—пишетъ Боткину Бѣлинскій—очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ—и Богу извѣстно, какъ много перенесъ я! Для тебя еще не совсѣмъ понятна моя вражда къ москводушію, но ты смотришь на одну сторону медали, а я вижу обѣ. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ» (13 іюня 1840 г.). И какъ ни тяжело было Бѣлинскому, но все же мало-по малу онъ примирялся съ Петербургомъ именно за то, что жизнь въ этомъ городѣ открыла ему, Бѣлинскому, глаза на жизнь вообще. Въ этомъ же письмѣ къ Боткину онъ заявляетъ: «Къ Питеру притерпѣлся.

Спасибо ему. Я уже не узнаю себя и вижу ясно, что надо въ себѣ бить: это его дѣло»... А три мѣсяца спустя (5-сент. 1840 г.) Бѣлинскій снова восклицаетъ: какъ немного времени и какъ много я измѣнился, А все Питеръ—спасибо ему! Безъ него я и теперь былъ бы восторженнымъ дуракомъ». А три года спустя, въ письмѣ отъ 1-окт. 1843 г. къ своей будущей женѣ, М. В. Орловой, Бѣлинскій уже противопоставляетъ «петербургскихъ жителей»—москвичамъ, татарамъ и калмыкамъ» и замѣчаетъ: «я слово человѣкъ употребляю какъ антитезъ москвичу»... Еще нѣсколько позже Бѣлинскій въ особой статьѣ развилъ свои мысли о Петербургѣ и Москвѣ, въ статьѣ этой мы найдемъ много отзвуковъ изъ приведенныхъ выше писемъ.

VIII.

Духовный нигилизмъ (1840—1841 гг.).

Вѣроятно, читателю ясно, что «Петербургъ» и «Москва» являлись во все это время для Бѣлинскаго символами душевныхъ переживаній, опредѣленныхъ философскихъ построеній. «Москва»—это романтизмъ, прекраснодушіе, блаженная вѣра въ Премудрую Благость, въ философію благодушнаго Сурскаго (вспомните юношескую пьесу Бѣлинскаго); «Петербургъ»—это суровая дѣйствительность, невѣріе въ объективную осмысленность міра, нахожденіе всюду „хвоста дьявола", философія Дмитрія Калинина. Въ 1840—41 г. снова столкнулись въ душѣ Бѣлинскаго эти два міропониманія—и ему уже не удалось отдѣлаться отъ мучительныхъ вопросовъ Калинина утѣшительною философіею Сурскаго; а вѣдь мѣсто Сурскаго занималъ теперь въ душѣ Бѣлинскаго не кто иной, какъ великій «діалектикъ» Гегель. Самопознаніе Абсолютнаго Духа; развитіе Общаго; Премудрая Благость, царящая надъ міромъ; разумная дѣйствительность сущаго; объективная осмысленность жизни:—все это не могло въ душѣ Бѣлинскаго выдержать тяжести одного маленькаго вопроса—вопроса о мукахъ и страданіяхъ реальной человѣческой личности. Зачѣмъ, за что страдаетъ человѣкъ? и не человѣкъ «вообще», а именно «вотъ этотъ», опредѣленный, реальный человѣкъ, чувствующая боль и муку индивидуальность? Гдѣ оправданіе этихъ страданій? Въ чемъ ихъ объективный смыслъ? Неужели же въ «раз-

витіи» Общаго? Но не слишкомъ ли дорого окупается тогда это развитіе? Не дорого ли платитъ человѣчество за входъ въ міровую гармонію? Эти и подобные имъ вопросы снова проснулись въ душѣ Бѣлинскаго, а вѣдь, казалось, какъ твердо были они придавлены идеалистической нѣмецкой философіей! Съ тѣхъ поръ какъ Бѣлинскій въ концѣ 1834 г. «увѣровалъ» въ шеллингіанство, а затѣмъ перешелъ черезъ Фихте къ Гегелю—съ этихъ поръ Бѣлинскій, какъ мы знаемъ, сталъ вѣрнымъ рыцаремъ Премудрой Благости, «разумной необходимости». И вдругъ—старые вопросы и сомнѣнія снова оживаютъ, снова возвышаютъ голосъ, требуютъ отвѣта у Премудрой Благости за каждую страдающую человѣческую личность! Это былъ явный «бунтъ»—и Бѣлинскій сперва испугался. Мы видѣли, какъ онъ пробовалъ найти спасеніе въ неразсуждающей вѣрѣ «въ безсмертіе индивидуальнаго духа»: это было отвѣтомъ на вопросъ о смыслѣ мукъ страдающей личности. Мы помнимъ, что уже Сурскій этимъ же утѣшалъ Дмитрія Калинина; но вспомнимъ также и негодующій отвѣтъ Дмитрія: «неужели вѣчное блаженство непремѣнно покупается цѣною ужаснѣйшихъ страданій? Дорого же оно приходитъ!» И теперь, въ 1840 году, Бѣлинскій уже всецѣло присоединился къ дерзкому негодованію своего бывшаго героя. Правда, онъ попытался бороться съ нимъ; онъ попытался отстоять «разумную дѣйствительность» сущаго въ области не только личной, но и общественной жизни. Въ «Отеч. Запискахъ» конца 1839 года и начала 1840 года онъ помѣстилъ рядъ блестящихъ статей, защищающихъ «разумную дѣйствительность» даже русской дѣйствительности того времени. Но яростная защита Бѣлинскимъ «разумной дѣйствительности» въ области соціальной и общественной была только отчаянной попыткой отстоять вообще объективную осмысленность міра. Ни то, ни другое не удалось однако Бѣлинскому, ему не удалось заглушить того скептическаго голоса, который заговорилъ въ немъ о мученіяхъ реальной человѣческой личности. И Бѣлинскій вскорѣ пересталъ бороться; болѣе того—онъ посмѣлъ взглянуть прямо въ лицо представшей предъ нимъ суровой истинѣ, и еще болѣе того—онъ сдѣлался пылкимъ ея провозвѣстникомъ.

Все это мы найдемъ почти исключительно въ письмахъ, а не въ статьяхъ Бѣлинскаго 1840-го и ближайшихъ слѣдующихъ годовъ. Правда, и въ статьяхъ мы находимъ яркую проповѣдь правъ личности, но мы не найдемъ

въ нихъ характернаго теперь для Бѣлинскаго невѣрія въ объективный смыслъ жизни, отрицанія разумной цѣлесообразности міра. Этого мало: въ статьяхъ своихъ Бѣлинскій продолжаетъ проповѣдь тѣхъ «святыхъ истинъ», въ которыя онъ больше не вѣритъ. Этотъ удивительный фактъ, на который до сихъ поръ такъ мало обращали вниманія, настоятельно требуетъ объясненія. А фактъ неопровержимъ: мы сейчасъ увидимъ, к а к ъ отзывался Бѣлинскій о жизни и мірѣ въ своихъ письмахъ 1830—1841 гг., и пусть читатели сравнятъ съ этимъ проповѣдь Бѣлинскаго изъ его статей той же эпохи. Всѣ письма Бѣлинскаго за это время—сплошной вопль отчаянія человѣка, теряющаго вѣру, вѣру въ міръ и жизнь; а въ статьяхъ своихъ онъ продолжаетъ восхваленіе «разумной дѣйствительности», принятіе жизни, оправданіе міра. Умираетъ послѣ долгихъ страданій черкешенка Бэла («Герой нашего времени»), — и Бѣлинскій признаетъ эти страданія «разумными» и объективно осмысленными: «диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ» (т. I, стр. 827). И полугодомъ позже Бѣлинскій снова повторяетъ, что «въ музыкѣ гармонія условливается диссонансомъ, въ духѣ — блаженство условливается страданіемъ». Убитъ удалой боецъ Кирибѣевичъ, погибъ «смертью лютою, позорною» купецъ Калашниковъ, а Бѣлинскій возглашаетъ осанну этимъ человѣческимъ страданіямъ: пусть погибли люди, но зато остался подвигъ, осталась великая могила, вдохновившая поэта... «И потому, да перемѣнится печаль ваша на радость, и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы бытія и міродержавныхъ судебъ»... Все это въ статьяхъ, а въ письмахъ... — мы сейчасъ увидимъ, что въ это же время говорилъ въ письмахъ къ Боткину Бѣлинскій о „диссонансахъ“ жизни, о страданіяхъ человѣческихъ, о частномъ и объ общемъ.

„Права личнаго человѣка такъ же священны, какъ и мірового гражданина,—провозглашаетъ Бѣлинскій еще въ концѣ 1839 г.: [1]) кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока, какъ на отпаденіе отъ общаго, тотъ или мальчикъ, или эгоистъ, или дуракъ,— а мнѣ тотъ, и другой, и третій равно несносны“. И въ то же самое

---

[1]) Всѣ нижеслѣдующія неоговоренныя цитаты — изъ писемъ Бѣлинскаго къ Боткину.

время, въ статьѣ «О Менцелѣ» Бѣлинскій выражаетъ именно этотъ столь «несносный» ему взглядъ. Не будемъ указывать дальше на эти бьющія въ глаза противорѣчія между статьями и письмами, а остановимся исключительно на послѣднихъ; въ нихъ все больше и больше проявляется полная потеря Бѣлинскимъ вѣры въ былую объективную осмысленность жизни. „Жизнь — ловушка, а мы — мыши; инымъ удается сорвать приманку и выйти изъ западни, но бо́льшая часть гибнетъ въ ней, а приманку развѣ понюхаетъ... Глупая комедія, чортъ возьми! Будемъ же пить и веселиться, если можемъ; нынѣшній день нашъ — вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва [1]). Живетъ одно общее, а мы — китайскія тѣни, волны океана; океанъ одинъ, а волнъ много было, много есть и много будетъ, и кому дѣло до той или другой?“ (9-го февр. 1840 г.). Здѣсь еще нѣтъ разрыва съ абсолютной нѣмецкой философіей; здѣсь просто — горькое признаніе факта, съ которымъ нѣтъ возможности бороться. И въ отвѣтъ на самоутѣшеніе, на попытки вѣры въ трансцендентное будущее, Бѣлинскій самъ же съ горечью отвѣчаетъ: „въ жизни... помучусь, поколочусь, какъ собака, а тамъ издохну, т. е. погружусь въ міровую субстанцію, и въ ней заживу на славу. Лестная перспектива впереди“ (16-го апр. 1840 г.). Однако, несмотря на все свое нарастающее безвѣріе и отчаяніе, Бѣлинскій все же чувствовалъ, что переживаемый имъ душевный процессъ приводитъ его къ чему-то новому, что это — процессъ не омертвѣнія, а перерожденія: „въ душѣ холодъ, апатія, лѣнь непобѣдимая... И не люблю, и не страдаю. Однако-жъ внутри что-то дѣлается само собою“. (ibid). Тяжелъ и мучителенъ былъ, однако, этотъ процессъ.

А тутъ еще пришло извѣстіе о смерти Станкевича — и было послѣдней каплей, переполнившей чашу. Куда дѣвалась провозглашаемая имъ въ статьяхъ вѣра въ значеніе вѣчной памяти о героѣ, вѣра въ разумно-осмысленную трагедію человѣческой жизни! Бѣлинскій больше не хочетъ вѣрить въ эти утѣшенія, довольно съ него! Онъ поднимаетъ теперь знамя возстанія противъ былой своей «преутѣшительной философіи», противъ абсолютныхъ философскихъ системъ, противъ Общаго; въ замѣчательномъ письмѣ отъ 12-го августа 1840 года Бѣлинскій горько

[1]) Подчеркнутыя слова, часто повторяющіяся Бѣлинскимъ, взяты имъ изъ «Крейслеріаны» Гофмана.

высмѣиваетъ былую вѣру въ грядущее блаженство на лонѣ міровой субстанціи. Счастливы были вѣровавшіе: они «плакали и взывали», но они же и надѣялись,— а теперь молча и гордо, твердымъ шагомъ идутъ въ ненасытимое жерло смерти и съ улыбкою отрываютъ отъ сердца лучшія его стремленія и чистѣйшія привязанности. Трагическое положеніе!—воскликнешь ты съ улыбкою торжества. Дитя, полно тебѣ играть въ понятія, какъ въ куклы! Твое трагическое — безсмыслица, злая насмѣшка судьбы надъ бѣднымъ человѣчествомъ"... И далѣе Бѣлинскій съ горькой ироніей говоритъ о томъ, что для осуществленія «трагическаго» избирается самою жизнью „герой, благороднѣйшій сосудъ духа, какъ самый жирный баранъ для закланія"; для осуществленія «нравственнаго закона» герою этому приходится либо принести свое сердце въ жертву «долгу» — а значитъ страдать, либо быть побѣжденному своей страстью — т. е. опять-таки страдать подъ гнетомъ «нравственнаго закона» [1]). „Стоитъ ли жить въ томъ и другомъ случаѣ? Я, Боткинъ, я не герой, но люблю героевъ, и въ иныя минуты мнѣ кажется, что я пожертвовалъ бы тысячью жизнями въ ознаменованіе моей безконечной любви и безконечнаго умиленія къ благородной жертвѣ долга, всегда предпочту ея безмолвное страданіе беззаконному, хотя и божественному блаженству; но законъ-то, осуждающій на страданіе повинующагося ему, также какъ и неповинующагося, законъ-то этотъ, о, Боткинъ! я и ненавижу... и презираю... Общее — это палачъ человѣческой индивидуальности. Оно опутало ее страшными узами: проклиная его, служишь ему невольно"... Впослѣдствіи Бѣлинскій измѣнилъ свой взглядъ на „трагическое", признавъ его субъективную осмысленность, но теперь онъ ясно видѣлъ всю объективную безсмысленность всякой „трагедіи" человѣческаго духа. „Я не понимаю, — продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ, — къ чему все это и зачѣмъ: вѣдь всѣ умремъ и сгніемъ — для чего же любить, вѣрить, надѣяться, страдать, стремиться, страшиться? Умираютъ люди, умираютъ народы, умретъ и планета наша, Шекспиръ и Гоголь будутъ ничто. Извѣстіе о смерти Станкевича только утвердило меня въ этомъ состояніи.

Смерть Станкевича показалась мнѣ тѣмъ болѣе есте-

---

[1]) Наглядный примѣръ перваго—Коріоланъ, второго—Макбетъ.

ственна и необходима, чѣмъ святѣе, выше, геніальнѣе его личность:

Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ.

Все вздоръ—калейдоскопическая игра китайскихъ тѣней. О чемъ же жалѣть"... Замѣтьте, смерть Станкевича Бѣлинскій готовъ оправдать „разумной дѣйствительностью", ибо смерть эта „естественна и необходима" — но необходима только въ нашемъ мірѣ объективной безсмысленности; а потому сама „разумная дѣйствительность", которою можно все оправдать, — сама она не имѣетъ оправданія. И когда Боткинъ, въ отвѣтъ на это письмо, попробовалъ отстоять „разумную дѣйствительность", то Бѣлинскій грустно отвѣтилъ: „другъ, это все слова и фразы, это тотъ дымъ, которымъ испарилась наша молодость. Ты переживаешь себя, заживо умираешь, а все по старой привычкѣ кричишь о разумности жизни"... И снова возвращаясь къ смерти Станкевича, Бѣлинскій восклицаетъ: „нѣтъ, я такъ не отстану отъ этого Молоха, котораго философія назвала Общимъ, я буду спрашивать у Него: куда дѣлъ ты его и что съ нимъ стало? Ты говоришь—страшна потеря любимаго человѣка! А почему страшна она? Потому что она — потеря, потому что уже нѣтъ и не будетъ больше потеряннаго. А должно ли въ жизни быть что-нибудь страшное?—заканчивается это письмо новымъ выпадомъ противъ разумной дѣйствительности: „Бѣдный Кольцовъ, какъ глубоко страдаетъ онъ. Его письмо потрясло мою душу. Все благородное страждетъ — одни скоты блаженствуютъ, но и тѣ, и другіе равно умрутъ: таковъ вѣчный законъ Разума. Ай да Разумъ!" (5-го сент. 1840 г.).

IX.

Духовное раздвоеніе (1841—1842 гг).

Такое настроеніе, такое міровоззрѣніе абсолютнаго нигилизма глубоко захватило Бѣлинскаго; всѣ его письма 1840—1841 гг. говорятъ все объ одномъ, объ одномъ и томъ же. „Мое теперешнее состояніе — пишетъ Бѣлинскій Ефремову 23-го августа 1840 г. — можно характеризовать

такъ: вѣры нѣтъ, знанія и не бывало, а сомнѣнія превратились въ убѣжденія"... Вѣра въ «разумную дѣйствительность» исчезла — Бѣлинскій увидѣлъ, что нѣтъ объективной осмысленности въ жизни; а вмѣстѣ съ этимъ рухнула и вѣра его въ разумность «россійской дѣйствительности». Здѣсь намъ только хотѣлось бы подчеркнуть, какъ тѣсно была связана у Бѣлинскаго перемѣна его общественныхъ и философскихъ взглядовъ. Интересно въ этомъ отношеніи письмо Бѣлинскаго къ А. Аксакову отъ 23 августа 1840 г.: „мнѣ все кажется,—пишетъ Бѣлинскій,—что жизнь слишкомъ ничтожна для того, чтобы стоило труда жить; а между тѣмъ и живешь, и страдаешь, и любишь, и стремишься, и желаешь. Станкевичъ умеръ—и что послѣ него осталось?—трупъ съ червяками. Однимъ словомъ, такъ или иначе, только результатъ одинъ и тотъ же:

> И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
> Такая пустая и глупая шутка.

Да и какая намъ жизнь-то еще! Въ чемъ она, гдѣ она? Мы люди внѣ общества, потому что Россія не есть общество! У насъ нѣтъ ни политической, ни религіозной, ни ученой, ни литературной жизни. Скука, апатія, томленіе въ безплодныхъ порывахъ—вотъ наша жизнь. Гадко, гнусно, ужасно! Нѣтъ больше силъ, нѣтъ терпѣнія". Не будемъ останавливаться на праздномъ вопросѣ, что было причиной и что слѣдствіемъ въ мучительномъ отрицаніи Бѣлинскаго – философія или общественность; мы знаемъ, что поводомъ, послѣднимъ толчкомъ были во всякомъ случаѣ петербургскія впечатлѣнія Бѣлинскаго. Мы полагаемъ, однако, что поводъ этотъ оказался бы совершенно недостаточнымъ, если бы въ душѣ Бѣлинскаго не начинался уже мучительный процессъ сомнѣнія и отрицанія былого „пріятія жизни". Какъ бы то ни было, но къ концу 1840 г. въ душѣ Бѣлинскаго погасла уже всякая вѣра въ разумность „дѣйствительности" и въ соціальномъ и въ философскомъ смыслѣ. Въ письмѣ къ Боткину отъ 26 дек. 1840 г. мы читаемъ: „жизнь страшно надула меня, безсовѣстно и предательски: назади—фантазіи, въ настоящемъ—медленная смерть, впереди—гніеніе и смрадъ. Гадко! Зачѣмъ не умеръ я хоть за полгода передъ этимъ, когда еще не могъ мечтать—о чемъ-же?—о дѣйствительности!". Но теперь уже никакихъ мечтаній, никакихъ иллюзій въ его душѣ не осталось, теперь онъ готовъ былъ вернуться къ горькому пессимизму своего былого героя, Дмитрія Кали-

нина, который десятью годами ранѣе провозгласилъ, что міръ отданъ Богомъ на откупъ дьяволу. „Я изъ числа людей—пишетъ Бѣлинскій Боткину 1 марта 1841 г., которые на всѣхъ вещахъ видятъ хвостъ дьявола,—и это, кажется мое послѣднее міросозерцаніе, съ которымъ я и умру". Въ послѣднемъ Бѣлинскій ошибался—ему суждено было пережить еще одну полосу новой вѣры; но пока онъ дѣйствительно видѣлъ въ жизни только одну черную сторону, видѣлъ на всемъ „хвостъ дьявола" и боялся только одного — быть обмороченнымъ жизнью (по позднѣйшему выраженію Ренана). Въ письмѣ къ Боткину отъ 13 марта 1841 г., говоря о былыхъ кружковыхъ терминахъ и теоріяхъ добровольнаго отреченія отъ жизни и смиренія передъ жизнью, Бѣлинскій заявляетъ: „у меня теперь нѣтъ ни Entsagung, ни Resignation,—и я не хочу ни того, ни другого, не видя въ нихъ нужды. То и другое есть отрицаніе себя для Общаго, а я ненавижу Общее, какъ надувателя и палача бѣдной человѣческой личности. Но я думаю, что человѣку надо быть себѣ на умѣ на счетъ жизни и больше всего опасаться придавать ей долю важности. Одинаковая причина иногда рождаетъ различныя слѣдствія: ежели, съ одной стороны, минуты нашего бѣднаго существованія такъ кратки и подвержены надувательству, что намъ надо быть осторожными въ сколько нибудь важныхъ случаяхъ, то, съ другой стороны, жизнь наша такъ коротка и дрянна, что если мы будемъ гадать—четъ или нечетъ, то она пронесется мимо носа, а мы останемся съ четомъ или нечетомъ".

Сдѣлаемъ послѣднюю обширную выписку изъ двухъ писемъ Бѣлинскаго къ Н. Бакунину въ 1841 г.; въ письмахъ этихъ какъ-бы подводится послѣдній итогъ всѣмъ переживаніямъ Бѣлинскаго этихъ двухъ лѣтъ его жизни, двухъ первыхъ лѣтъ жизни въ Петербургѣ. „Я—пишетъ Бѣлинскій—уже не та экстатическая „прекрасная душа", которая, обливаясь кровавыми слезами, избичеванная внутренними и внѣшними бѣдами, оскорбленная въ самыхъ законныхъ и святыхъ стремленіяхъ и желаніяхъ, клялась и увѣряла всѣхъ и каждаго, а вмѣстѣ и себя, что жизнь—блаженство, и что лучше жизни нѣтъ ничего на свѣтѣ. Опытъ сорвалъ покровъ съ жизни—и я увидѣлъ румяна на очаровательныхъ щекахъ этого призрака, увидѣлъ, что объ руку съ нимъ идетъ смерть и тлѣніе,—противорѣчіе. Она хороша для тѣхъ, для кого хороша, и только на то время, когда хороша. Для меня она никогда не была добра, и я безкорыстно курилъ ей ѳиміамъ,

какъ Донъ-Кихотъ своей Дульцинеѣ" (6 апр. 1841 г.). Во второмъ письмѣ (отъ 9 дек. 1841 г.) Бѣлинскій, между прочимъ, говоритъ, что для него ужасна мысль—„остаться у жизни въ дуракахъ, быть ея дюпомъ", но что, несмотря на это, онъ еще пробуетъ вѣрить въ жизнь, оправдать ее. „Сердце мое еще не отказалось отъ вѣры въ жизнь, ни отъ мечтаній, но сознаніе мое покоряетъ сердце: для моего же сознанія жизнь равна смерти, смерть—жизни, счастіе—несчастью и несчастіе—счастью, потому что все это призраки, создаваемые субъективною настроенностью нашего духа въ ту или другую минуту, а сами мы—исчезающія волны рѣки, тѣни преходящія. Я не вѣрю моимъ убѣжденіямъ и не способенъ измѣнить имъ; я смѣшнѣе Донъ-Кихота: тотъ, по крайней мѣрѣ, отъ души вѣрилъ, что онъ царь, что онъ сражается съ великанами, а не съ мельницами, и что его безобразная и толстая Дульцинея—красавица; а я знаю, что я не рыцарь, а сумасшедшій, и все-таки рыцарствую; что я сражаюсь съ мельницами—и все-таки сражаюсь; что Дульцинея моя (жизнь) безобразна и грустна—а все-таки люблю ее, на зло здравому смыслу и очевидности".

Въ послѣднихъ словахъ—ключъ къ разгадкѣ противорѣчія между письмами и статьями Бѣлинскаго 1840—1 гг. Причины этого противорѣчія лежали глубоко въ душѣ Бѣлинскаго, но онъ ихъ не высказалъ, таилъ ихъ про себя. Первая сокровенная причина заключалась въ опредѣленномъ пониманіи Бѣлинскимъ нравственнаго своего долга, какъ журналиста, своего писательскаго призванія: это призваніе, этотъ долгъ—„будить высокое въ сердцахъ читателей, учить добру, открывать глаза на истину". Но какъ быть, если для писателя „высокое" пало въ грязь, „добро" стало зломъ, а „истина" явилась въ образѣ скелета съ оскаленными зубами? А вѣдь такъ это было для Бѣлинскаго 1840—1841 гг. Неужели проповѣдывать эти новыя, страшныя истины? Бѣлинскій предпочелъ бы совсѣмъ бросить писать, если бы онъ даже и могъ провозглашать эти тяжелыя истины на страницахъ журнала. И дѣло тутъ вовсе не въ цензурныхъ затрудненіяхъ: могъ же Пушкинъ напечатать своего „Фауста" „Даръ напрасный" и др. подобныя стихотворенія, а Лермонтовъ—цѣлый рядъ еще болѣе опредѣленныхъ въ этомъ направленіи. Нѣтъ, Бѣлинскій нравственно не считалъ себя въ правѣ, если бы даже и могъ фактически, печатать въ статьяхъ то, что онъ писалъ для одного себя, что онъ повѣрялъ только ближайшимъ друзьямъ. Противорѣчіе между

своими подлинными чувствами и проповѣдью статей Бѣлинскій самъ сознавалъ и не скрывалъ его. Въ письмѣ къ Боткину отъ 9 февраля 1840 г., говоря о своемъ отчаяніи, о потерѣ вѣры въ жизнь, о пустотѣ своей души, Бѣлинскій прибавляетъ: „а дня черезъ два надо приниматься за статью о дѣтскихъ книжкахъ (наст. изд. № 21), гдѣ я буду говорить о любви, о благодати, о блаженствѣ жизни, какъ полнотѣ ея ощущенія, — словомъ обо всемъ, чего и тѣни, и призрака нѣтъ теперь въ пустой душѣ моей“... Но почему же надо говорить о томъ, чего нѣтъ въ душѣ, чему не вѣришь? А вотъ почему. Писатель долженъ „будить высокое“, а не соблазнять „малыхъ сихъ“ отрицаніемъ разумности міра и жизни; и если онъ самъ для себя дошелъ до такого взгляда, если онъ даже пишетъ объ этомъ своимъ ближайшимъ друзьямъ, то все же онъ не долженъ, онъ не смѣетъ обращаться съ проповѣдью этихъ взглядовъ къ жаждущимъ „поученія“ людямъ. Вѣдь писатель—„учитель“, онъ долженъ „будить высокое“ въ душахъ читателей; если даже—думаетъ онъ—горькія строки срываются съ моего пера, то

...этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...

Писатель не хочетъ—

Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ...
О, нѣтъ! Преступною мечтою
Не ослѣпляя жизнь мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

Такъ говорилъ Лермонтовъ — такъ думалъ Бѣлинскій.— И вотъ почему, горько издѣваясь въ письмахъ надъ всѣмъ „идеальнымъ“ и „высокимъ“, Бѣлинскій въ то же самое время считаетъ за „великое счастье“—своими статьями „пробудить полетъ къ высокому въ иной дремлющей душѣ“; вотъ почему, яростно возставая въ своихъ письмахъ противъ „Общаго“, отрицая объективную осмысленность жизни изъ-за ея „диссонансовъ“ въ статьяхъ того же времени Бѣлинскій продолжаетъ проповѣдь принятія «жизни», подчиненія Общему; въ письмахъ своихъ онъ «вопитъ», какъ раненый звѣрь, а въ статьяхъ онъ продолжаетъ учить и проповѣдывать принятіе міра. «Писатель подобенъ раненой тигрицѣ,

прибѣжавшей въ свое логовище къ дѣтенышамъ. У нея стрѣла въ спинѣ, а она должна кормить своимъ молокомъ безпомощныя существа, которымъ дѣла нѣтъ до ея роковой раны» говоритъ именно по поводу Бѣлинскаго Л. Шестовъ, впервые подчеркнувшій это противорѣчіе между письмами и статьями Бѣлинскаго (Л. Шестовъ, «Добро въ ученіи гр. Толстого и Фр. Нитше», предисловіе). Прошло три четверти вѣка со времени скрытыхъ мукъ «отрицанія» и явной проповѣди «утвержденія» жизни и Бога Бѣлинскимъ; теперь писатели уже не считаютъ своимъ долгомъ «учить» или «молчать»; мы видимъ, какъ въ современной литературѣ многіе изъ нихъ «вопятъ», точно раненые звѣри. Но это не мѣшаетъ намъ понять психологію Бѣлинскаго и, не раздѣляя ея, преклониться передъ его высокимъ (хотя и ошибочнымъ) пониманіемъ призванія и обязанности писателя [1]).

X.

Отъ «нигилизма» къ «соціальности» и «соціализму» (1842—1845 г.г.).

Была, однако, и другая причина, по которой Бѣлинскій не рѣшался высказывать въ своихъ статьяхъ то, что говорилъ въ своихъ письмахъ, о чемъ думалъ „наединѣ съ своей душой“. Дѣло въ томъ, что всю свою мучительную „рефлексію“ 1840—41 г.г. Бѣлинскій все время считалъ только переходомъ къ нѣкоторому еще неизвѣстному ему „высшему синтезу“; о томъ, что такое состояніе можетъ быть постояннымъ, что ему можетъ не быть исхода—Бѣлинскій боялся и думать: характернымъ доказательствомъ является отношеніе

---

[1]) Надо замѣтить, что иногда Бѣлинскій высказывалъ въ своихъ письмахъ на первый взглядъ иныя сужденія. Вотъ, напр., что онъ однажды писалъ Боткину: «разумъ и сознаніе—вотъ въ чемъ достоинство и блаженство человѣка; для меня видѣть человѣка въ позорномъ счастьѣ непосредственности—все равно, что дьяволу видѣть молящуюся невинность: безъ рефлексіи, безъ раскаянія разрушаю я, гдѣ и какъ только могу, непосредственность—и мнѣ мало нужды, если этотъ человѣкъ долженъ погибнуть въ чужой ему сферѣ рефлексіи, пусть погибнетъ» (1841 г.). Но вѣдь и здѣсь Бѣлинскій хотѣлъ разрушать «непосредственность и проводить человѣка черезъ «рефлексію» только для того, чтобы ввести его въ «достоинство и блаженство» разума и сознанія; а значитъ, задачей своей Бѣлинскій по-прежнему считаетъ «будить высокое».

Бѣлинскаго къ типу Печорина, въ которомъ Бѣлинскій хочетъ видѣть тоже воплощеніе „мучительной рефлексіи“, которую надо преодолѣть. И въ своихъ письмахъ этой эпохи онъ не разъ подчеркиваетъ эту вѣру въ преходящность своей „мучительной рефлексіи“, своего отрицанія объективной осмысленности міра и жизни. Мы уже сказали, что отчасти Бѣлинскій былъ въ этомъ правъ: дѣйствительно, скоро пришла новая вѣра, пришелъ „синтезъ“; но и послѣ него Бѣлинскій не избавился всецѣло отъ своей „мучительной рефлексіи“—кто разъ увидѣлъ наложенную на міръ „лапу дьявола“, тотъ никогда не вернется больше къ былой безпечальной и радостной вѣрѣ. Но все это осталось глубоко скрытымъ въ душѣ Бѣлинскаго подъ слоемъ новаго „синтеза“, новой вѣры; Бѣлинскій, повторяемъ, былъ правъ, надѣясь, что на смѣну отчаянію и непріятію міра придетъ снова вѣра въ міръ и жизнь. А потому и въ статьяхъ своихъ 1840—41 г.г. онъ продолжалъ учить и проповѣдывать, чему онъ теперь уже не вѣрилъ, но на что еще надѣялся вѣрить въ будущемъ. И, наконецъ, ключемъ ко всему этому указанному нами противорѣчію является уже приведенное выше признаніе Бѣлинскаго, что противорѣчіе это лежало въ самой глубинѣ его души; онъ видѣлъ всѣ ужасы, всѣ неоправданныя страданія жизни—и все же любилъ эту самую жизнь, онъ отвергалъ ее—и принималъ ее. „Знаю, что Дульцинея моя (жизнь) безобразна и гнусна, а все таки люблю ее—на зло здравому смыслу и очевидности“,—говоритъ Бѣлинскій Н. Бакунину и прибавляетъ: „но вы не поймете этого“... Но это необходимо понять—такъ какъ безъ этого непонятны всѣ душевныя переживанія Бѣлинскаго въ эти тяжелые для него 1840—41 годы. Бѣлинскій возненавидѣлъ безобразную и гнусную дѣйствительность—россійскую дѣйствительность въ частности и всю міровую дѣйствительность вообще, такъ какъ увидѣлъ въ ней только неоправданныя муки, только безсмысленныя страданія, только безжалостное подавленіе частнаго, индивидуальнаго общимъ; но въ то же время онъ страдальчески полюбилъ эту индивидуальность, эту обреченную на погибель человѣческую личность, полюбилъ ее обреченную, осужденную на многообразную жизнь. Такъ онъ отвергалъ—и принималъ, ненавидѣлъ—и любилъ. И любовь эта дѣйствительно стала ступенью къ его новой вѣрѣ: черезъ любовь къ отдѣльной индивидуальности, реальной человѣческой личности Бѣлинскій пришелъ къ соціальности, которая и стала его новой страстной вѣрой.

Выше мы уже коснулись того, какъ Бѣлинскій, поднявъ знамя возстанія противъ „Общаго“, провозгласилъ взамѣнъ этого права личности. Можно было думать, что личность и станетъ тѣмъ новымъ „синтезомъ“, который воскреситъ душу Бѣлинскаго, вырветъ его изъ путъ „мучительной рефлексіи“: пусть въ мірѣ нѣтъ для человѣка никакой объективной цѣнности, цѣлесообразности и осмысленности, но сама человѣческая личность является такой цѣнностью, а міръ и жизнь являются для нея субъективно осмысленными, субъективно цѣлесообразными. И Бѣлинскій былъ близокъ къ этому: именно на почвѣ провозглашенія правъ личности и произошелъ разрывъ Бѣлинскаго съ гегеліанствомъ, съ вѣрою въ „Общее“, въ Премудрую Благость. Прежде Бѣлинскій вѣрилъ въ „разумную дѣйствительность“ міра, въ цѣлесообразность человѣческихъ гекатомбъ для саморазвитія Абсолютнаго Духа, „Общаго“, а теперь онъ восклицаетъ: „о, пропадай это ненавистное общее, этотъ Молохъ, пожирающій жизнь“. И еще „проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью. Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества“. „Для меня—такъ человѣческая природа есть оправданіе всего. Событіе—вздоръ, чортъ съ нимъ.... Важна личность человѣка, надо дорожить ею выше всего“ (письма къ Боткину отъ 4-го и 25-го окт. 1840 г.). И при томъ—мы это уже подчеркивали—важна не личность вообще, не человѣкъ вообще, а „вотъ эта“ личность, „вотъ этотъ“ каждый реальный, чувствующій, страдающій человѣкъ. На этой почвѣ, разумѣется, былъ не избѣженъ разрывъ со всякими теоріями „разумной дѣйствительности“ міра, которыя всегда строятся на костяхъ реальныхъ страдающихъ людей; прежде всего это былъ, конечно, разрывъ съ Гегелемъ.

Въ знаменитомъ письмѣ къ Боткину отъ 1-го марта 1841 г. Бѣлинскій съ громадной силой и страстью высказываетъ эти свои новые взгляды—одновременно и „непріятія міра“, оправдываемаго абсолютной философіей, и признанія человѣческой личности „выше общества, выше человѣчества“.... Я давно уже подозрѣвалъ,—пишетъ Бѣлинскій“—что философія Гегеля только моментъ, хотя и великій, но что абсолютность ея результатовъ—...., что лучше умереть, чѣмъ помириться съ ними.... Глупцы врутъ, говоря, что Гегель превратилъ жизнь въ мертвыя схемы; но это правда, что онъ изъ явленій жизни сдѣлалъ тѣни, сцѣпившіяся костяными руками и

пляшущія на воздухѣ надъ кладбищемъ. Субъектъ у него не самъ себѣ цѣль, но средство для мгновеннаго выраженія общаго, а это Общее является у него въ отношеніи къ субъекту Молохомъ, ибо, пощеголявъ въ немъ (въ субъектѣ), бросаетъ его, какъ старые штаны.... Ты, я знаю, будешь надо мною смѣяться.... но смѣйся, какъ хочешь, а я свое; судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ міра и здравія китайскаго императора (т. е. гегелевской Allgemeinheit). Мнѣ говорятъ, развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься—падай, чортъ съ тобою—таковскій и былъ, сукинъ сынъ.... Благодарю покорно, Егоръ Федоровичъ [1])—кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если-бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія,—я и тамъ попросилъ-бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр., и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови.... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи".

Эти удивительныя слова Бѣлинскаго слишкомъ общеизвѣстны, они слишкомъ часто повторяются и треплются; и несмотря на это, до сихъ поръ не утратили они всей своей глубины, всего своего неизмѣримаго значенія. Вѣдь что, въ сущности, значитъ весь этотъ бурный протестъ Бѣлинскаго? въ чемъ его главный смыслъ?—въ рѣзкомъ отказѣ удовлетвориться когда бы то ни было какой-бы то ни было теоріей „оправданія міра", признанія „разумной дѣйствительности" міра и жизни; это mutatis mutandis тотъ самый „бунтъ", который былъ возобновленъ тридцать—сорокъ лѣтъ спустя Иваномъ Карамазовымъ. Бѣлинскій заявляетъ, что онъ останется гордо и навсегда непримиримымъ: не нужно ему „дыма фантазій" и утѣшеній въ абсолютномъ значеніи человѣческой муки; человѣческія муки не имѣютъ оправданія.

---

[1]) Т. е. Гегель (Георгъ-Вильгельмъ-Фридрихъ).

А если нѣтъ имъ оправданія, то нѣтъ оправданія Премудрой Благости"; „не міра я не принимаю, а Творца этого міра не принимаю и не могу согласиться принять", — такъ-бы могъ перевернуть Бѣлинскій слова Ивана Карамазова. Но развѣ можетъ человѣкъ жить безъ Бога? „Что человѣкъ безъ Бога?—писалъ Бѣлинскій 28 ноября 1842 г. Н. Бакунину, и писалъ (замѣтьте это) уже въ эпоху ясно выраженнаго своего „атеизма":—„что человѣкъ безъ Бога? трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ". И Бѣлинскій заключаетъ рядъ этихъ мыслей типично-фейербаховской фразой: «а что такое Богъ, если не понятіе человѣка о Богѣ»?

Когда Бѣлинскій вѣрилъ въ „абсолютную философію" его Богомъ была eine Allweise Güte, міровая объективная разумность; когда вѣра эта погибла—Бѣлинскій поставилъ выше всего („выше исторіи, выше общества, выше человѣчества") человѣческую личность, въ которой для него теперь было и воскресенье, и смерть, и страданье и блаженство. Если-бы Бѣлинскій остановился на этомъ, сдѣлалъ-бы своимъ Богомъ человѣческую личность—это значило-бы, что онъ принимаетъ міръ, прекрасно сознавая въ то же время отсутствіе въ немъ всякой объективной цѣлесообразности, наличность только субъективнаго смысла [1]). Это было бы тяжело, мучительно; Бѣлинскій жаждалъ «объективнаго» Бога—и нашелъ его въ Человѣчествѣ: отъ человѣческой личности онъ перешелъ къ «соціальности», а потомъ и къ соціализму. Въ 1842—1845 г. г. это было «понятіемъ Бѣлинскаго о Богѣ».

Къ „соціальности" Бѣлинскій подошелъ именно потому, что жаждалъ счастія «каждому изъ своихъ братьевъ по крови»... Черезъ полгода послѣ приведеннаго выше замѣчательнаго письма къ Боткину, Бѣлинскій сдѣлалъ этотъ шагъ въ не менѣе замѣчательномъ письмѣ отъ 8 сент. 1841 г. „Соціальность, соціальность—или смерть! — вотъ девизъ мой!— восклицаетъ Бѣлинскій:—что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними во Христѣ, но кто мнѣ

[1]) См. объ этомъ нашу книгу «О смыслѣ жизни».

чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозрѣваетъ его возможностей? Прочь же отъ меня блаженство,—если оно—достояніе мнѣ одному изъ тысячъ? Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братіями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ-мышкой чиновника, и довольнаго собою офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть не плачу, подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло и какъ будто не желая слышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ [1])... И это жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохмотьяхъ, съ идіотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабакѣ—и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла!... И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности!... Послѣ этого имѣетъ ли право человѣкъ забываться въ искусствѣ, въ знаніи! Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывающихъ въ качествѣ вѣрованія волю человѣка. Отрицаніе—мой Богъ». И мы дѣйствительно знаемъ, что отрицаніе овладѣло въ эти два года душою Бѣлинскаго.

Но тутъ же, въ этомъ же письмѣ Бѣлинскій, самъ того не сознавая, открываетъ намъ, что теперь его Богъ—не отрицаніе, что теперь въ его душѣ растетъ новый „синтезъ“, новая вѣра—вѣра въ „соціальность“, вѣра въ соціализмъ.

---

[1]) Въ одной рецензіи 1836 года („Молва“ № 11) Бѣлинскій—тогда еще полный вѣры въ разумность всего сущаго—писалъ: «...вотъ стоитъ нищій! подойдемъ къ нему, скажемъ ласковое слово, подадимъ копѣйку—онъ нашъ братъ во Христѣ, узнаемъ, почему онъ нищій, зачѣмъ онъ нищій»... И Бѣлинскій готовъ былъ найти оправданіе и разумность во всякомъ случаѣ—будь то нищій, падшій подъ бременемъ несчастья, или нищій отъ гордости и презрѣнія къ людямъ, или юродивый, или лицемѣръ и дармоѣдъ... Теперь, по прошествіи пяти лѣтъ,—совсѣмъ не то; теперь Бѣлинскій уже не задается вопросомъ, какъ дошелъ человѣкъ до послѣдняго паденія,—теперь онъ спрашиваетъ зачѣмъ существуетъ человѣческое горе, человѣческая мука. Это сопоставленіе—думается намъ—ярко освѣщаетъ всю глубину пропасти, образовавшейся въ душѣ Бѣлинскаго между былымъ утвержденіемъ и настоящимъ отрицаніемъ разумности міра и жизни.

Подчеркивая свое „отрицаніе“, Бѣлинскій восторгается вѣкомъ отрицанія—XVIII-мъ вѣкомъ, когда отрицаніе претворилось въ жизнь, когда «рубили на гильотинѣ головы аристократамъ, попамъ и другимъ врагамъ Бога, разума и человѣчности». И вдругъ, немедленно вслѣдъ за этими строками—восторженное, убѣжденное исповѣданіе новой свѣтлой вѣры въ соціальность, въ соціализмъ, въ грядущій золотой вѣкъ на землѣ!... „И настанетъ время — я горячо вѣрю этому — настанетъ время, когда никого не будутъ жечь, никому не будутъ рубить головы, когда преступникъ, какъ милости и спасенія, будетъ молить себѣ казни, и не будетъ ему казни, но жизнь останется ему въ казнь, какъ теперь смерть; когда не будетъ безсмысленныхъ формъ и обрядовъ, не будетъ договоровъ и условій на чувство, не будетъ долга и обязанностей, и воля будетъ уступать не волѣ, а одной любви; когда не будетъ мужей и женъ, а будутъ любовники и любовницы, и когда любовница придетъ къ любовнику и скажетъ: я люблю другого—любовникъ отвѣтитъ: я не могу быть счастливъ безъ тебя, я буду страдать всю жизнь, но ступай къ тому, кого ты любишь,—и не приметъ ея жертвы, если по великодушію она захочетъ остаться съ нимъ, но подобно Богу скажетъ ей: милости хочу, а не жертвы... Женщина не будетъ рабою общества и мужчины, но, подобно мужчинѣ, свободно будетъ предаваться своей склонности, не теряя добраго имени, этого чудовища—условнаго понятія. Не будетъ богатыхъ, не будетъ бѣдныхъ, ни царей и подданныхъ, но будутъ братья, будутъ люди и, по глаголу апостола Павла, Христотъ дастъ свою власть Отцу и Отецъ—Разумъ снова воцарится, но уже въ новомъ небѣ и надъ новою землею“... Тогда наступитъ золотой вѣкъ на землѣ, царство „соціализма“... тогда жизнь станетъ разумно-осмысленной, тогда міръ будетъ «разумно-дѣйствительнымъ», тогда воцарится Отецъ-Разумъ... И религіозно вѣря въ это грядущее счастье человѣчества, Бѣлинскій побѣждаетъ этой вѣрой свое мучительное отрицаніе; вѣра эта согрѣла его жизнь, дала ему новаго Бога.

„Итакъ, я теперь въ новой крайности,—это идея соціализма, которая стала для меня идеею идей, бытіемъ бытія, вопросомъ вопросовъ, альфою и омегою вѣры и знанія. Все изъ нея, для нея и къ ней. Она вопросъ и рѣшеніе вопроса. Она (для меня) поглотила и исторію, и религію, и философію“... Такъ восклицаетъ Бѣлинскій все въ томъ же письмѣ отъ 8 сент. 1841 г. Начинается восторженная, пылкая, неисто-

вая вѣра Бѣлинскаго въ будущее устроеніе человѣчества, въ грядущій золотой вѣкъ на землѣ. Пусть это будетъ еще черезъ много-много лѣтъ—пусть, но все же и теперь „мы счастливцы: очи наши узрѣли спасеніе наше и мы отпущены съ миромъ владыкою; мы дождались пророковъ нашихъ—и узнали ихъ, мы дождались знаменій—и поняли, и уразумѣли ихъ“... (изъ письма къ Панаеву отъ 5 дек. 1842 г.). И эта вѣра въ будущее даетъ Бѣлинскому силу жить въ настоящемъ.—«Мнѣ стало легче жить,—пишетъ Бѣлинскій Н. Бакунину 7 ноября 1842 г.:—...въ душѣ моей есть то, безъ чего я не могу жить, есть вѣра, дающая мнѣ отвѣты на всѣ вопросы. Но это уже не вѣра, и не знаніе, а религіозное знаніе и сознательная религія»... Грядущее счастье человѣчества на землѣ, вѣра въ него—согрѣли душу Бѣлинскаго; остается только узнать, какъ теперь относится Бѣлинскій къ человѣческимъ страданіямъ каждой данной минуты, къ мученіямъ «каждаго изъ моихъ братій по крови»... Вѣдь, мы слышали отъ Бѣлинскаго, что онъ съ верхней ступени лѣстницы развитія бросится внизъ головою, если не получитъ отъ своего Бога «отчета во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи»; мы слышали проклятія Бѣлинскаго „Общему“, этому „Молоху, пожирающему личности“. Теперь у Бѣлинскаго новая свѣтлая вѣра, сознательная религія и религіозное знаніе о блаженномъ будущемъ Человѣчества; какъ же относится эта вѣра въ будущее блаженство Человѣчества къ мученію личностей въ настоящемъ? Отвѣтъ на это даетъ намъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину отъ 28 іюня 1841 г., когда отъ провозглашенія правъ личности Бѣлинскій сталъ мало-по-малу переходить къ «соціальности», а затѣмъ и къ соціализму: „личность человѣческая—пишетъ Бѣлинскій—сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти съ ума. Я начинаю любить человѣчество по-маратовски: чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его я, кажется, огнемъ и мечомъ истребилъ-бы остальную“.

Итакъ, во имя блаженства человѣчества санкціонируются муки, страданія и гибель остальныхъ „братій по крови“, за каждаго изъ которыхъ Бѣлинскій такъ еще недавно требовалъ отчета у судьбы, и такимъ образомъ, «Человѣчество» становится тѣмъ самымъ «Общимъ», тѣмъ самымъ Молохомъ, для котораго личность—только средство, который является палачемъ индивидуальности и который строитъ развитіе на костяхъ страдавшихъ людей. У этого новаго Молоха Бѣлинскій уже не требуетъ отчета за страданія каждаго изъ своихъ

братій по крови; онъ все прощаетъ ему—за будущее счастье людей на землѣ, за грядущій золотой вѣкъ; „соціальность“ приведетъ насъ къ этому золотому вѣку,—а съ неизбѣжностью жертвъ нужно примириться. «...Съ нравственнымъ улучшеніемъ—пишетъ Бѣлинскій Боткину въ томъ же 1841-мъ году—должно возникнуть и физическое улучшеніе человѣка. И это дѣлается черезъ соціальность. И потому нѣтъ ничего выше и благороднѣе, какъ способствовать ея развитію и ходу. Но смѣшно и думать, что это можетъ сдѣлаться само собою, временемъ, безъ насильственныхъ переворотовъ, безъ крови. Да и что кровь тысячей въ сравненіи съ униженіемъ и страданіемъ милліоновъ. Къ тому же: fiat justitia—pereat mundus». Отъ Молоха философіи Бѣлинскій пришелъ такимъ образомъ къ соціальному Молоху; вѣра въ него стала опорной точкой жизни и дѣятельности Бѣлинскаго въ 1842—1845 г. г. Въ статьяхъ этихъ годовъ Бѣлинскій подробно останавливается на цѣломъ рядѣ частныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія своей новой вѣры: тутъ и вопросъ объ искусствѣ, тутъ и отношеніе Бѣлинскаго къ „гнусной рассейской дѣйствительности“, тутъ и проблема личной трагедіи. Читатель найдетъ въ примѣненіи къ русской жизни и русской литературѣ въ статьяхъ этихъ все то, о чемъ мы въ болѣе общей формѣ говорили словами Бѣлинскаго на предыдущихъ страницахъ.

Такъ совершился, такъ заключился въ душѣ Бѣлинскаго мучительный кризисъ 1840—1841 г.г. Обычно его называютъ кризисомъ гегеліанства, крушеніемъ гегеліанской системы въ пониманіи Бѣлинскаго; но мы видѣли, что вопросъ необходимо поставить гораздо шире: дѣло было не въ одномъ гегеліанствѣ, а во всякомъ абсолютномъ пониманіи міра. Съ болью и съ усиліемъ отказавшись отъ такого пониманія, воплощеннаго и въ гегеліанствѣ, Бѣлинскій сперва впалъ въ абсолютный нигилизмъ, въ отрицаніе, въ мучительную „рефлексію“, преодолѣть которую ему удалось съ трудомъ, съ мученіемъ — путемъ признанія вершиной міра человѣческой личности. А отъ этого признанія Бѣлинскій вскорѣ перешелъ къ „соціальности“ и соціализму—и это стало его новой вѣрой, его высшимъ «синтезомъ» — синтезомъ былого утвержденія разумности міра съ недавнимъ отрицаніемъ его. Эта вѣра оставалась непоколебленной до конца 1845 года.

XI.

Кружокъ Бѣлинскаго (1842—1845 г.г.).

Мучительная борьба происходила въ душѣ Бѣлинскаго; мы видѣли, что особенно обострилась борьба эта со времени его переѣзда въ Петербургъ,—а съ внѣшней стороны жизнь Бѣлинскаго протекала въ это время въ однообразномъ руслѣ, спокойномъ и размѣренномъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ эта тусклая петербургская жизнь угнетала Бѣлинскаго, несмотря на его новую свѣтлую вѣру, а можетъ быть именно вслѣдствіе контраста съ этой свѣтлой вѣрой.. Какъ бы то ни было, но Бѣлинскій освободился отъ былой нищеты, освободился отъ долговъ; «Отеч. Записки» давали ему сперва 3.500 р., а позднѣе около 5000—6000 руб. ассигн. въ годъ (около 1.500 р.). Въ Петербургѣ онъ жилъ одиноко, хотя и окруженный друзьями и почитателями; но среди этихъ новыхъ друзей не было человѣка, въ которомъ Бѣлинскій могъ бы видѣть равнаго себѣ. «Многихъ людей я отъ души люблю въ Петербургѣ,—писалъ Бѣлинскій Боткину 31 окт. 1840 г.,—многіе люди и меня любятъ тамъ больше, чѣмъ я того стою; но, мой Боткинъ, я одинъ, одинъ, одинъ! Никого возлѣ меня!..» Эти новые друзья Бѣлинскаго—И. И. Панаевъ, М. Я. Языковъ, Н. М. Тютчевъ, М. Т. Кульчицкій, И. И. Масловъ, И. И. Ханенко, А. С. Комаровъ, Зиновьевъ и др.,—были все очень милые люди, „добрые малые“; но въ обществѣ «добрыхъ малыхъ» Бѣлинскій, разумѣется, долженъ былъ чувствовать себя одинокимъ.

Къ этому-же кружку принадлежалъ и К. Д. Кавелинъ—въ юные годы ученикъ Бѣлинскаго, а теперь, въ 1842 году, магистрантъ, работавшій надъ своей диссертаціей, которую Бѣлинскій оцѣнилъ позднѣе; въ 1847 году Бѣлинскій вступилъ въ оживленную переписку съ Кавелинымъ, переѣхавшимъ въ 1843 году въ Москву; а теперь, въ 1842 году, Бѣлинскій только подтрунивалъ надъ «молодымъ глуздыремъ», какъ онъ называлъ Кавелина. Въ кружкѣ этомъ—разсказываетъ Кавелинъ—Бѣлинскаго не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались»: „это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ... не только освѣщалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для (передовыхъ) идей и стремленій... отдавался имъ страстно, наполнялъ ими свою жизнь. Прибавьте

къ этому гражданскую, политическую и всяческую безупречность, безпощадность къ самому себѣ при большомъ самолюбіи—и вы поймете, почему этотъ человѣкъ царилъ въ кружкѣ самодержавно [1]). Но это „самодержавіе“ было такое, отъ котораго Бѣлинскій радъ былъ бы отказаться. Когда онъ познакомился въ 1843 году съ И. С. Тургеневымъ, то съ видимымъ удовольствіемъ онъ писалъ про него своему другу Боткину: „это человѣкъ необыкновенно умный, да и вообще хорошій человѣкъ. Бесѣды и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всемъ соглашаются съ тобою, или, если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствами и инстинктомъ,—и отрадно встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры“. (31 марта 1843 г.). И самому Тургеневу Бѣлинскій вскорѣ (8 іюня 1843 г.) писалъ то-же самое: „если бы вы уѣхали изъ Питера, я не зналъ бы куда и дѣваться; съ вами я отводилъ душу—это не гипербола, а сущая правда»... Но Тургеневъ вскорѣ уѣхалъ за-границу, гдѣ они черезъ нѣсколько лѣтъ и встрѣтились съ Бѣлинскимъ; впрочемъ, къ тому времени, а особенно послѣ заграничной поѣздки Бѣлинскаго, между нимъ и Тургеневымъ произошло нѣкоторое охлажденіе. Другія знакомства завязались у Бѣлинскаго; онъ сблизился съ Некрасовымъ, съ Анненковымъ,—но и въ дружбѣ съ ними не было равенства между сторонами, Бѣлинскій былъ по-прежнему одинокъ. Только два человѣка могли „помѣряться главами“ съ Бѣлинскимъ въ эпоху первыхъ лѣтъ его жизни въ Петербургѣ; это были Герценъ и Катковъ.

Герценъ еще въ 1839 году возсталъ противъ практическаго приложенія Бѣлинскимъ теоріи „разумной дѣйствительности“ міра къ русской политической и общественной жизни. Отрицаніе Герценомъ «разумности» россійской дѣйствительности въ частности и разумности міра вообще—привели Бѣлинскаго въ негодованіе, въ ярость; въ рядѣ статей онъ обрушился на взгляды и убѣжденія Герцена; въ то-же время въ письмахъ къ Боткину конца 1839 и начала 1840 года Бѣлинскій рѣзко отзывался о Герценѣ и его кружкѣ.—Эти люди—восклицаетъ Бѣлинскій «глубоко оскорбляютъ духъ. о которомъ хлопочатъ и которому они не родня», а что

---

[1]) К. Д. Кавелинъ, «Воспоминанія о В. Г. Бѣлинскомъ», собр. соч., т. III, стр. 1086.

касается Герцена, то ему (иронически продолжаетъ Бѣлинскій) — „эхъ, заняться бы статистикою-то: славная наука". (30 дек. 1839 г.). Пусть Герценъ и его друзья занимаются агрономіей, статистикой, математикой, но пусть оставятъ въ покоѣ общія проблемы философіи... Такъ негодовалъ тогда Бѣлинскій. Но годомъ позднѣе, переживая свой мучительный душевный кризисъ и уже съ ужасомъ отвергнувъ свое былое примиреніе съ «гнусной рассейской дѣйствительностью», Бѣлинскій созналъ свою неправоту и оцѣнилъ Герцена, который къ тому времени тоже переѣхалъ въ Петербургъ; съ нимъ Бѣлинскій отдыхалъ душою отъ своего вынужденнаго „самодержавія" среди «добрыхъ малыхъ», петербургскихъ своихъ знакомыхъ и друзей. «Я начинаю замѣчать,—съ нѣкоторымъ удивленіемъ отмѣчаетъ Бѣлинскій—что общество Герцена доставляетъ мнѣ больше наслажденія, чѣмъ ихъ: съ тѣми я или говорю о вздорѣ, или тщетно стараюсь завести общій интересный разговоръ, или проповѣдую, не встрѣчая противорѣчія, и умолкаю не докончивши; а эта живая натура вызываетъ наружу всѣ мои убѣжденія, я съ нимъ спорю, и даже, когда онъ явно вретъ, вижу все-таки самостоятельный образъ мыслей».

„Вралъ" Герценъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, въ вопросахъ искусства; „объ искусствѣ я съ нимъ говорю слегка, потому что оно и доступно ему только слегка, но о жизни не наговорюсь съ нимъ". [1]). И чѣмъ дальше, тѣмъ больше сходился съ нимъ Бѣлинскій: «этотъ человѣкъ мнѣ все больше и больше нравится. Право, онъ лучше всѣхъ: какая воспріимчивая, движимая, полная интересовъ и благородная натура... Мнѣ съ нимъ легко и свободно. Что онъ ругалъ меня въ Москвѣ за мои абсолютныя статьи—это новое право съ его стороны на мое уваженіе и расположеніе къ нему». (11 дек. 1840 г.). Такъ завязывался узелъ новой крѣпкой дружбы Бѣлинскаго съ человѣкомъ, который, во многомъ уступая Бѣлинскому, во многомъ и превосходилъ его; а это взаимное превосходство въ разныхъ областяхъ — главное условіе равенства въ дружбѣ. Но недолго пришлось Бѣлинскому «отводить душу» съ Герценомъ: въ серединѣ 1841 г. Герцена постигла ссылка въ Новгородъ, откуда, годомъ

---

[1]) Бѣлинскій продолжалъ думать такъ и много лѣтъ спустя; въ письмѣ къ Герцену отъ 6 апр. 1846 г., признавая всю громадную умственную силу Герцена, Бѣлинскій говоритъ: «я глупѣе тебя на много разъ, (а) искусство, если не ошибаюсь, мнѣ сроднѣе, чѣмъ тебѣ».

позднѣе, ему разрѣшено было переѣхать въ Москву. Бѣлинскій снова остался одинъ.

Почти одновременно съ Герценомъ, въ срединѣ 1840 г., пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ старый московскій знакомый Бѣлинскаго, Катковъ, и вскорѣ, поздней осенью, того же года, уѣхалъ изъ Петербурга (за границу). Все это время въ 1840 г. Катковъ усердно сотрудничалъ въ «Отеч. Запискахъ», журналъ этотъ издавался тогда трудами трехъ человѣкъ—Краевскаго, Каткова и меня»,—говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину (4 окт. 1840 г.). Бѣлинскій былъ очень высокаго мнѣнія о литературныхъ дарованіяхъ молодого Каткова; «эхъ, если-бы мнѣ занять у Каткова его слогъ!»—восклицалъ Бѣлинскій, впрочемъ, прибавляя: „я бы лучше его воспользовался имъ“... Съ Катковымъ въ Петербургѣ Бѣлинскій сошелся быстро, хотя впослѣдствіи и призналъ, что дружба эта была только взвинченная, мнимая; однако, Бѣлинскій самъ указывалъ, кромѣ этого, и на тотъ фактъ, что Каткову онъ многимъ обязанъ, что Катковъ оказалъ на него кратковременное, но сильное вліяніе. Уже послѣ отъѣзда Каткова Бѣлинскій, вполнѣ разочаровавшись въ этомъ своемъ другѣ, все же писалъ про него Боткину, что «это натура сильная и голова крѣпко работающая. Онъ многое разбудилъ во мнѣ, и изъ этого многаго большая часть воскресла и самодѣятельно переработалась во мнѣ уже послѣ его отъѣзда... Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что пребываніе въ Питерѣ Каткова дало сильный толчекъ движенію моего сознанія. Личность его проскользнула по мнѣ, не оставивъ слѣда; но его взгляды на многое—право, мнѣ кажется, что они мнѣ больше дали, чѣмъ ему самому»... (18 янв. 1841 г.).

О какихъ взглядахъ говоритъ здѣсь Бѣлинскій? Это были «гегельянскіе» взгляды на вопросы о сущности искусства, о его раздѣленіи «на роды и виды», о чемъ Бѣлинскій въ это время написалъ рядъ статей; но здѣсь рѣчь идетъ не объ этихъ частныхъ вопросахъ, а о вліяніи Каткова на все міровоззрѣніе Бѣлинскаго. Мы видѣли, что еще съ конца 1839 года Бѣлинскій переживалъ мучительный кризисъ—продолжалъ признавать разумность дѣйствительности, въ то время какъ все его существо возмущалось отъ сознанія гнусности и «неразумности» окружающаго. Процессъ этотъ неудержимо развивался въ душѣ Бѣлинскаго и окончательно созрѣлъ ко времени пріѣзда въ Петербургъ Каткова. «Ты помнишь,—писалъ 11-дек. 1840 г. Бѣлинскій Боткину,—ты

помнишь мои первыя письма изъ Питера: ты писалъ ко мнѣ, что они производили на тебя тяжелое впечатлѣніе, ибо въ нихъ слышался скрежетъ зубовъ и вопли нестерпимаго страданія. Отъ чего я такъ ужасно страдалъ?—отъ дѣйствительности, которую называлъ разумною и за которую ратовалъ.... Странное противорѣчіе! Къ пріѣзду Каткова я былъ уже приготовленъ—и при первой стычкѣ съ нимъ отдался ему въ плѣнъ безъ противорѣчія. Смѣшно было: хотѣлъ спорить—и вдругъ вижу, что уже нѣтъ ни силъ, ни жару, а черезъ четверть часа вмѣстѣ съ нимъ началъ ратовать противъ всѣхъ, сбитыхъ съ толку мною-же»...

Въ своей извѣстной біографіи Бѣлинскаго А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ по поводу послѣдней фразы: «въ чемъ именно Бѣлинскій былъ приготовленъ къ его (Каткова) пріѣзду, и какой былъ предметъ ихъ стычки—не совсѣмъ ясно» (стр. 342). Мы полагаемъ, что послѣ нашего подробнаго анализа сущности душевнаго перелома Бѣлинскаго читателю должна быть вполнѣ ясна роль Каткова въ этомъ переломѣ и предметъ «стычки» его съ Бѣлинскимъ. Предметомъ этимъ была человѣческая личность и «не-разумность» окружающей эту личность дѣйствительности; Бѣлинскій хотѣлъ было отстоять права «Общаго», разумность окружающаго міра—и не могъ: онъ былъ уже «подготовленъ»; въ его душѣ уже созрѣло отрицаніе «абсолютныхъ теорій» нѣмецкой философіи. А Катковъ пріѣхалъ подъ впечатлѣніемъ критической и пессимистической брошюры Фрауенштета, вполнѣ подтверждавшей муки и сомнѣнія Бѣлинскаго; кромѣ того, Катковъ ставилъ на первый планъ „человѣческую личность“, въ чемъ опять-таки сошелся съ Бѣлинскимъ, о чемъ послѣдній и сообщаетъ Боткину. Изъ всего этого видно, какую роль сыгралъ Катковъ въ развитіи воззрѣній Бѣлинскаго: онъ былъ тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, который ускорилъ разрывъ Бѣлинскаго съ уже пережитой имъ точкой зрѣнія.

Катковъ былъ, несомнѣнно, очень умный человѣкъ; его вліяніе на Бѣлинскаго (въ указанныхъ выше размѣрахъ) тоже несомнѣнно и признавалось самимъ Бѣлинскимъ [1]). Но отъѣздъ Каткова за-границу (осенью 1840 года) прервалъ всякія отношенія между нимъ и Бѣлинскимъ, который къ

---

[1]) Въ письмахъ Бѣлинскаго этого времени мы, между прочимъ, не одинъ разъ находимъ ссылки на Каткова «Катковъ говоритъ»..., «Катковъ находитъ» и т. п.

тому же скоро понялъ неблестящія нравственныя качества этого своего мнимаго друга. Въ письмѣ къ Боткину отъ 15-января 1841 г. Бѣлинскій далъ исчерпывающую и чуть-ли не пророческую характеристику Каткова: „натура сильная и голова крѣпко работающая“ вмѣстѣ съ „бездной самолюбія и эгоизма“. „Самолюбіе поставитъ его въ такія положенія, что отъ случайности будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря по тому, куда онъ повернется“; самолюбіе, дѣйствительно, сдѣлало впослѣдствіи Каткова властнымъ реакціоннымъ публицистомъ шестидесятыхъ—восьмидесятыхъ годовъ. Бѣлинскій вскорѣ сталъ отзываться о Катковѣ все отрицательнѣе; когда Катковъ вернулся въ 1843 году изъ-заграницы и посѣтилъ Бѣлинскаго, то послѣдній увидѣлъ въ немъ только „пузырь, надутый самолюбіемъ и готовый ежеминутно лопнуть“ (такъ передаетъ слова Бѣлинскаго Кавелинъ), „Катковъ—писалъ 6-февр. 1843 г. Бѣлинскій Боткину—знатный субъектъ для психологическихъ наблюденій. Это Хлестаковъ въ нѣмецкомъ вкусѣ. Я теперь понялъ, отчего во время самаго разгара моей мнимой къ нему дружбы меня дико поражали его зеленые стеклянные глаза. Мы всѣ славно повели себя съ нимъ: онъ было вошелъ на ходуляхъ, но наша полная презрѣнія холодность заставила его сойти съ нихъ“.

XII.

Жизнь кружка.

Такъ остался Бѣлинскій „самодержавствовать“ въ кругу своихъ друзей и знакомыхъ, „добрыхъ малыхъ“, среди которыхъ онъ былъ „одинъ, одинъ, одинъ“. Это гнетущее одиночество дѣлало то, что даже въ разгаръ своей новой свѣтлой вѣры, въ разгаръ восторженной проповѣди о блаженномъ будущемъ человѣчества—Бѣлинскій продолжалъ ясно видѣть „хвостъ дьявола“ на всей своей личной жизни. И если иногда онъ пытался оправдать свои муки настоящаго свѣтлой вѣрой въ блаженство будущаго, говоря, что „судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить“,—то другой разъ его возмущала эта безчеловѣчная теорія. „Будешь видѣть на всемъ хвостъ дьявола,—восклицаетъ съ горечью Бѣлинскій,—когда видишь себя живого въ саванѣ и въ гробѣ, съ связан-

ными назадъ руками. Что мнѣ въ томъ, что я увѣренъ, что разумность восторжествуетъ, что въ будущемъ будетъ хорошо, если судьба велѣла мнѣ быть свидѣтелемъ торжества случайности, неразумія, животной силы. Что мнѣ въ томъ, что моимъ или твоимъ дѣтямъ будетъ хорошо, если мнѣ скверно, и если не моя вина въ томъ, что мнѣ скверно? Не прикажешь ли уйти въ себя? Нѣтъ, лучше умереть, чѣмъ быть живымъ трупомъ!" (14-марта 1840 г. 1-марта 1841 г.). И вотъ рядомъ съ радостной вѣрой въ грядущее блаженство человѣчества у Бѣлинскаго идетъ жгучее отчаяніе, горе о мукахъ личной своей жизни: „въ общемъ для меня есть еще надежды, и страсти, и жизнь; для себя—ничего. Скучно, холодно, пусто; на какое либо личное счастье — никакой надежды. Горе! горе! Жизнь разоблачена!" (20-апр. 1842 г.).

Оставалась одна литература, одна журнальная дѣятельность, но и въ ней Бѣлинскій чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. „Природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по-лисьи";—говорилъ Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ къ Боткину. Бѣлинскій чувствовалъ себя „трибуномъ", политическимъ дѣятелемъ, онъ чувствовалъ въ себѣ силу глаголомъ жечь сердца людей, проповѣдуя имъ свою новую вѣру въ соціализмъ, въ разумное устроеніе человѣчества, а обстоятельства принуждали его ограничиться областью исторіи русской литературы. Правда, и въ этой области онъ былъ трибуномъ, былъ апостоломъ новой вѣры, разума, добра и человѣчности— насколько это было возможно при „кнутобойной" цензурѣ того времени; горькія жалобы Бѣлинскаго на эту цензуру читатели еще встрѣтятъ въ нашихъ вступительныхъ замѣткахъ. Но и задавленный, задушенный николаевской цензурой, Бѣлинскій былъ и оставался въ литературѣ пророкомъ, будившимъ мысль, пробуждавшимъ сознаніе. — „Статьи Бѣлинскаго—разсказываетъ Герценъ - судорожно ожидались молодежью въ Москвѣ и Петербургѣ, съ 25-го числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены ли „Отеч. Записки"; тяжелый номеръ рвали изъ рукъ въ руки. „Есть Бѣлинскаго статья!" — „Есть" [1]) — и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочув

[1]) Надо замѣтить при этомъ, что ни одна статья Бѣлинскаго въ «Отеч. Запискахъ» не была съ его подписью; въ отдѣлѣ критики и Библіографіи всѣ статьи были безъименныя, отчего журнальные враги Бѣлинскаго и звали его «безъименнымъ критикомъ».

ствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, уваженій какъ не бывало". («Былое и Думы», гл. XXV). Бѣлинскій зналъ объ этомъ, онъ сознавалъ значеніе своей журнальной дѣятельности; но цензурное-кнутобойство, а позднѣе и подневольность журнальнаго труда, подчиненіе Краевскому, необходимость рецензировать всякій вздоръ,— «всѣ эти и другія причины огадили мнѣ русскую литературу и вранье о ней сдѣлали пыткою»,—говоритъ самъ Бѣлинскій (6 февр. 1843.). Такимъ образомъ и литературная дѣятельность не спасала его отъ того «хвоста дьявола», котораго Бѣлинскій видѣлъ на всѣхъ проявленіяхъ своей личной жизни.

И чтобы уйти отъ этого мучительнаго сознанія, чтобы уйти отъ невыносимаго одиночества, чтобы создать себѣ хоть иллюзію личной жизни съ ея страстью, счастьемъ, горемъ, радостью—Бѣлинскій обратился къ карточной игрѣ въ кругу «добрыхъ малыхъ», своихъ знакомыхъ и друзей. Въ концѣ 1842 года Бѣлинскій научился играть въ преферансъ, и сталъ дни и ночи отдавать этой «благородной игрѣ»... Видно, велико было отчаяніе, велика душевная пустота, если Бѣлинскій могъ, въ разгаръ своей радостной вѣры въ грядущее блаженство людей, предаваться этой благородной игрѣ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь, хоть какъ-нибудь заглушить свое сверлящее горе. Это сопоставленіе на первый взглядъ смѣшно: чуть-ли не «міровая скорбь», съ одной стороны, и «благородная игра въ преферансъ»— съ другой; но Бѣлинскому, сознававшему причины своей страсти къ картамъ, было не до смѣха. «Дую себѣ въ преферансъ,—пишетъ Бѣлинскій Боткину 6 февр. 1843 г.,— ставлю ремизы страшные, ибо я игру знаю плохо, и горячусь, какъ сумасшедшій,—на мѣлокъ я долженъ рублей около 300, а переплатилъ мѣсяца въ два (какъ началъ играть въ преферансъ), рублей полтораста — благородная, братецъ, игра въ преферансъ! Я готовъ играть утромъ, вечеромъ, ночью, днемъ, не ѣсть и играть, не спать и играть. Страсть моя къ преферансу ужасаетъ всѣхъ; но страсти нѣтъ: ты поймешь, что есть (курс. нашъ)... Надеждъ на жизнь никакихъ, ибо фантазія уже не тѣшитъ, а дѣйствительность глубоко понята»...

Кавелинъ въ своихъ воспоминаніяхъ подробно разсказываетъ объ этой карточной игрѣ Бѣлинскаго въ кругу своихъ друзей; онъ и не подозрѣвалъ, что преферансъ былъ для Бѣлинскаго своего рода гашишемъ, которымъ

тотъ опьянялъ себя, чтобы забыться отъ сверлящаго душу горя и найти въ игрѣ хоть иллюзію личной жизни. «Какъ только приходилъ Бѣлинскій послѣ обѣда — разсказываетъ Кавелинъ — тотчасъ же начиналась игра въ карты, копеечная, но которая занимала и волновала его до смѣшного... Повѣритъ ли читатель, что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оканчивалась рублемъ, двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ увлеченіемъ, и если ему везло, былъ доволенъ и веселъ. Разъ зацѣпившись и поставивъ ремизъ, онъ старался отыграться, съ азартомъ объявлялъ отчаянныя игры и ставилъ ремизъ за ремизомъ. Кульчицкому, какъ нарочно, въ это время валили отборнѣйшія карты. Поставя нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мрачнымъ... жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ, и, наконецъ, съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату. Мы продолжали игру, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Кульчицкій [1]) нарочно ремизился отчаянно, и мы шумно выражали свою радость, что наконецъ-то и «гадюка» (такъ въ шутку обзывали Кульчицкаго) попалась. Послѣ двухъ-трехъ такихъ умышленныхъ ремизовъ и криковъ, сосѣдняя дверь тихонько пріотворялась и Бѣлинскій выглядывалъ оттуда на игру съ сіяющимъ лицомъ. Еще два-три ремиза—и онъ выходилъ изъ темной комнаты, съ азартомъ садился за игру и она продолжалась вчетверомъ попрежнему. Такая наивность и ребячество меня всегда глубоко поражали въ замѣчательныхъ людяхъ и еще сильнѣе къ нимъ привязывали. Та же черта была и въ Герценѣ, съ которымъ Бѣлинскій имѣлъ всего болѣе родства по натурѣ. Они во многомъ напоминали другъ друга. Я дорожу этой чертой, какъ очень характеристической въ Бѣлинскомъ, и потому такъ подробно описываю случаи, повидимому, совершенно ничтожные“ (Кавелинъ, собр. соч., т. III, стр. 1089—1090).

Кавелинъ былъ правъ—черта эта очень характерна и цѣнна въ Бѣлинскомъ; но за то Кавелинъ и его друзья,—

---

[1]) Кульчицкій въ началѣ 1843 г. даже напечаталъ юмористическую брошюрку: «Нѣкоторыя великія и полезныя истины объ игрѣ въ преферансъ, заимствованныя у разныхъ древнихъ и новѣйшихъ писателей и приведенныя въ систему кандидатомъ философіи П. Ремизовымъ»; брошюрка эта была подаркомъ друзей Бѣлинскому.

повторяемъ,—и не подозрѣвали что стоитъ за страстью Бѣлинскаго къ карточной игрѣ; этого Бѣлинскій имъ не разсказывалъ. И только въ письмахъ къ Боткину Бѣлинскій изливалъ свою душу, скорбѣлъ, мучался и по-прежнему „вопилъ“ отъ нравственной боли, задыхаясь въ окружавшей его „рассейской дѣйствительности“. Грядущее счастье человѣчества—это хорошо и утѣшительно, слѣдуетъ работать во имя его; но не можетъ эта мысль уврачевать боль Бѣлинскаго въ настоящемъ. Новая свѣтлая вѣра не уничтожила ѣдкаго отчаянія Бѣлинскаго; вѣря въ радостное будущее людей—себѣ самому онъ иногда готовъ пожелать только смерти. Онъ завидуетъ Боткину, въ то время увлеченному своей трагикомической сердечной исторіей (такъ красочно описанной впослѣдствіи Герценомъ въ очеркѣ „Базиль и Армансъ“ изъ „Былого и Думъ“), ибо переживаніе самаго остраго, мучительнаго чувства есть все же жизнь, а не прозябаніе. „Питать какое бы то ни было чувство, какой бы то ни было интересъ—пишетъ Бѣлинскій Боткину—все же лучше, чѣмъ въ тоскѣ, апатіи, съ холоднымъ отчаяніемъ убивать время на преферансъ, ставить ремизы, проигрывать послѣднія деньжонки, бѣситься, дойти до мальчишескаго малодушія, сдѣлаться притчею во языцѣхъ... Есть же такіе несчастные люди,—продолжаетъ Бѣлинскій,—надъ которыми отъ рожденія тяготѣетъ проклятіе и которымъ нѣтъ удачи ни въ дѣлѣ, ни въ пустякахъ, и нѣтъ надежды на какое-либо счастье въ жизни. Усталъ я, брате, и мысль о смерти какъ-то чаще приходитъ на умъ и какъ-то меньше прежняго леденитъ сердце, „гдѣ такъ безплатно, такъ напрасно съ враждой боролася любовь“, а умъ съ глупостью... Ждать уже нечего, и въ душѣ распространяется холодъ, сырость и смрадъ могилы. Я держался глупостью—подпора упала—и я падаю съ нею...» (31 марта 1843 г.). Какою это „глупостью“ держался Бѣлинскій? „Глупость“ эта, очевидно, та самая былая вѣра въ жизнь, вѣра въ міръ, которою когда-то жилъ Бѣлинскій.—Вѣра эта упала — и не можетъ замѣнить ее новая вѣра Бѣлинскаго въ будущую разумную жизнь, въ будущій золотой вѣкъ на землѣ, потому что Бѣлинскій самъ жаждетъ жизни, любитъ эту нелѣпую, мучительную человѣческую жизнь. И если въ минуты усталости и апатіи онъ иногда думаетъ о смерти, то въ другія минуты онъ дорожитъ своею жизнью, какъ бы тяжела она ни была.

А между тѣмъ тяжелая журнальная работа и еще болѣе тяжелый мучительный душевный кризисъ уже окончательно

подорвали жизненныя силы Бѣлинскаго; чахотка прогрессировала медленно, но вѣрно. Еще въ концѣ 1839 года Бѣлинскій писалъ Боткину, что „грудь физически здорова,—противъ обыкновенія,—я даже не кашляю"; значитъ уже довольно давно въ Москвѣ началась въ немъ эта болѣзнь. Къ началу 1843 года болѣзнь приняла уже серьезныя формы; Бѣлинскій началъ лечиться гидропатіей, „прѣю въ паровой ваннѣ, а потомъ леденѣю въ холодной, а тамъ костенѣю подъ дождемъ и душею", — еще больше ускоряя этимъ теченіе своей болѣзни. „Я боленъ и крѣпко боленъ"— сознаетъ самъ Бѣлинскій. „Журналъ губитъ меня. Здоровье мое съ каждымъ днемъ ремизится, и въ душу вкрадывается грустное предчувствіе, что я скоро останусь безъ шести въ сюрахъ, т. е. отправлюсь туда, куда страхъ какъ не хочется итти. Жизнь ничего мнѣ не дала, но люблю жизнь; смерть сулитъ мнѣ вѣчный покой, но не люблю смерть..." (17 апр. 1843 г.).

Московскіе друзья Бѣлинскаго были встревожены этою его болѣзнью; они видѣли, что Бѣлинскому необходимъ отдыхъ въ дружескомъ кругу—безъ преферанса, безъ журнальныхъ корректуръ, безъ журнальной спѣшки; да и самъ Бѣлинскій зналъ это. „Я боленъ и крѣпко боленъ; душа моя угнетена трудомъ, заботою и тоскою—мнѣ нуженъ отдыхъ, свобода, бездѣйствіе".... (11 мая 1843 г.). Ему удавалось иногда на короткое время вырываться изъ своего журнальнаго плѣна въ Москву, къ своимъ друзьямъ: въ декабрѣ 1841 и январѣ 1842 года онъ провелъ недѣли двѣ—три въ Москвѣ, а на обратномъ пути въ Петербургъ заѣхалъ въ Прямухино, имѣніе Бакуниныхъ. Михаилъ Бакунинъ въ это время былъ уже заграницей, но въ Прямухинѣ былъ его младшій братъ, Н. А. Бакунинъ (къ которому письма Бѣлинскаго мы нѣсколько разъ цитировали выше), и сестра, Александра Александровна Бакунина,—когда-то—въ 1836 году—отвергнувшая былую любовь Бѣлинскаго. Теперь знакомство возобновилось, прежнее чувство вновь вспыхнуло въ Бѣлинскомъ— и ему страстно хотѣлось еще и еще побывать въ Прямухинѣ и Москвѣ, отдохнуть въ кругу близкихъ людей, дать созрѣть воскресшему чувству. Уже мѣсяца черезъ два послѣ своей поѣздки Бѣлинскій писалъ Боткину: „лѣтомъ я опять въ Москвѣ, во что-бы то ни стало, и при томъ не меньше, какъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ. Зимняя поѣздка меня переродила— я поздоровѣлъ и помолодѣлъ".... (14 марта 1842 г.). Но лѣто 1842 года Боткинъ самъ провелъ на дачѣ около Петербурга, въ Павловскѣ—быть можетъ, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ.

Слѣдующею зимою 1842—3 г. Бѣлинскій снова собирался поѣхать въ Москву и Прямухино, но ему не удалось осуществить эту поѣздку отчасти изъ-за журнальныхъ занятій, а отчасти изъ-за денежныхъ обстоятельствъ [1]). Эта неудача привела Бѣлинскаго въ „страшное сухое отчаяніе“ и стоила ему „нравственной горячки“ (письма къ Боткину отъ 6 февр. и къ А. А Бакуниной отъ 8 марта 1843 г.); тогда московскіе друзья его, Боткинъ и Герценъ, прислали ему денегъ, чтобы дать ему возможность пріѣхать провести лѣто въ Москвѣ [2]). Бѣлинскій съ восторгомъ мечталъ объ этой своей поѣздкѣ: „если зимняя поѣздка въ Москву, продолжавшаяся съ проѣздомъ взадъ и впередъ какихъ-нибудь три недѣли, оживила меня и физически и нравственно, то какъ же долженъ я поправиться, проведя лѣто вдали отъ чухонскихъ болотъ, безъ труда и заботы?.... О, да я воскресъ-бы!“ (17 апр. 1843 г.). Онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ первыхъ числахъ іюня 1843 г., побывалъ въ Прямухинѣ у Бакуниныхъ (собираясь заѣхать къ нимъ на обратномъ пути въ Петербургъ) и провелъ все лѣто въ Москвѣ у Боткина, побывавъ и въ подмосковной усадьбѣ Герцена. Герценъ записалъ 30 іюня 1843 года въ свой дневникъ: „Бѣлинскій не перемѣнился ни на волосъ; вѣчно въ экстремѣ; но глубоко вникающій и симпатичный, рѣзкій до цинизма въ словахъ, но вѣрный въ смѣлости и не трусъ, конечно, въ консеквентности. Я люблю его рѣчь, и недовольный видъ, и даже ругательства“....

---

[1]) Бѣлинскій никогда не умѣлъ «откладывать» денегъ и самъ признавалъ въ себѣ наклонности къ «мотовству». Характерно слѣдующее шутливое признаніе его Боткину въ цитированномъ выше письмѣ отъ 14 мар. 1842 г.: сообщая, что съ начала года имъ уже забрано въ редакціи „Отеч. Зап.“ 3.500 р. ассиг., Бѣлинскій прибавляетъ: «увы, страшно подумать—3.500 р.»! Гдѣ же они?—спросишь ты:—

....все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ—ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда?- Кто ихъ спроситъ!..»

[2]) Хотя Краевскій въ это время былъ долженъ Бѣлинскому за статьи 1727 рублей ассигн.

XIII.

Личная жизнь; женитьба.

Только къ сентябрю мѣсяцу (30 августа 1843 года) вернулся Бѣлинскій въ Петербургъ, не заѣхавъ на обратномъ пути въ Прямухино и холодно увѣдомивъ А. А. Бакунину, что его намѣреніе снова посѣтить Прямухино—„не можетъ сбыться“.... Дѣло въ томъ, въ эти лѣтніе мѣсяцы 1843 года Бѣлинскій пережилъ въ Москвѣ вторую „весну своихъ дней и чувствъ“—и уѣхалъ изъ Москвы уже „женихомъ“ Маріи-Васильевны Орловой.

Уже давно стремился Бѣлинскій заполнить любовью одиночество и тоску своей личной жизни. Еще въ 1836 году въ Прямухинѣ онъ полюбилъ глубоко и мучительно (иначе онъ не умѣлъ чувствовать) А. А. Бакунину, но встрѣтилъ съ ея стороны только пренебреженіе, взглядъ „сверху внизъ“.... съ отчаяніемъ въ душѣ, потерявъ надежды на взаимность, Бѣлинскій, по его выраженію, „упалъ совершенно и лежалъ въ грязи.... Во мнѣ умеръ человѣкъ и остался самецъ“.... И въ рѣзкихъ выраженіяхъ бичуетъ Бѣлинскій свою „чувственность“, слѣдствіемъ которой отчасти была необходимость поѣздки на Кавказъ лѣтомъ 1837 года. Но годомъ позднѣе, лѣтомъ 1838 года, когда семья Бакуниныхъ пріѣхала въ Москву—любовь къ А. А. Бакуниной вспыхнула съ новой силой, и еще больше разгорѣлась послѣ приглашенія посѣтить Прямухино, гдѣ Бѣлинскій и гостилъ въ іюлѣ этого года. Однако, и на этотъ разъ А. А. Бакунина, подъ вліяніемъ своего брата М. Бакунина, бывшаго въ то время съ Бѣлинскимъ въ очередной „кружковой“ ссорѣ, отнеслась къ Бѣлинскому почти что враждебно,—и онъ уѣхалъ съ тяжелымъ сердцемъ, отказавшись отъ всякой надежды.

Черезъ годъ Бѣлинскій уѣхалъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ, такъ какъ и раньше въ Москвѣ, были у него мелкія увлеченія—въ родѣ той „исторіи съ гризеткою“, какая упоминается и въ перепискѣ Бѣлинскаго и въ воспоминаніяхъ о немъ [1]); впрочемъ, слова „мелкія увлеченія“ трудно примѣ-

[1]) Бѣлинскій увлекся страстью къ одной молоденькой мастерицѣ, взялся было за ея умственное развитіе, съ помощью чтенія избранныхъ поэтическихъ произведеній; но она скоро разбила созданный имъ идеалъ. Вообще ему часто приходилось ослѣпляться и разочаровываться въ этомъ отношеніи.... (Изъ воспоминаній о Бѣлинскомъ его родственницы, г-жи Щ.,

нимы къ „неистовому Виссаріону“ (какъ его всегда называли друзья): онъ и въ мимолетныя увлеченія вносилъ всю неистовость, всю страстность своей натуры. Такъ, напримѣръ, осенью 1840 года, съ нимъ случилась „маленькая исторія: простая дѣвушка, не красавица, а только что недурная, не граціозная, но и не безъ граціи—будь въ ней побольше идеальныхъ элементовъ, побольше стремленія къ очарованіямъ внутренней жизни, побольше пониманія поэзіи,—и я жилъ бы теперь весело и видѣлъ-бы хорошіе сны....“ Такъ пишетъ Бѣлинскій Боткину 10 дек. 1840 г. Казалось-бы—простая исторія, одна изъ самыхъ обычныхъ, обыденныхъ; но Бѣлинскій и въ нее внесъ всю „неистовость“ своей натуры, и ее перестрадалъ мучительно. Вотъ что писалъ онъ Боткину двумя мѣсяцами раньше (4 окт. 1840 г.) еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго: „недавно со мною, съ мѣсяцъ назадъ случилась новая исторія, которая до основанія потрясла всю мою натуру, возвратила мнѣ слезы и безконечное, томительное, страстное порываніе—и кончилась н и ч ѣ м ъ, какъ и прежде. Долго-ли это продолжится!.... Всякому своя доля, но, право, сквернѣй моей ничего нельзя вообразить. Натура страстная, любящая—танталова жажда, вѣчно остающаяся безъ удовлетворенія....“

Неудивительно, поэтому, что получивъ отъ Боткина (еще въ началѣ 1840 г.) письмо, въ которомъ говорилось, что „нѣкая достойная дѣвица, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей“, любитъ читать статьи Бѣлинскаго и заочно интересуется авторомъ—Бѣлинскій, по собственному признанію, „безумствовалъ“: „голова моя.... ходила кругомъ три дня.“ Въ концѣ этого же года Бѣлинскій снова получилъ сообщеніе отъ Боткина, что „извѣстная, (Бѣлинскому) дама“—это была только заочно извѣстная Бѣлинскому Софія Кроненбергъ—„жадно“ читаетъ статьи Бѣлинскаго и дѣлаетъ изъ нихъ выписки; Бѣлинскій узналъ это съ удовольствіемъ, хотя и безъ особаго энтузіазма. „Энтузіазма уже нѣтъ во мнѣ. А все Питеръ, спасибо ему; безъ него я теперь былъ бы восторженнымъ дуракомъ и не зналъ-бы, что все—д ы м ъ....“ (5 сент. 1840 года).

Обстоятельства, однако, скоро показали, что въ любви Бѣлинскій попрежнему остался, говоря его словами,—

въ газетѣ «Русскій» 1868 г., № 15; Пыпинъ, стр. 142). Объ этой «исторіи съ гризеткой» вспоминаетъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину отъ 16 декаб. 1839 года.

„восторженнымъ дуракомъ“: стоило въ концѣ 1841 года получить снова приглашеніе въ Прямухино, чтобы голова у него пошла кругомъ отъ воскресшихъ надеждъ. „Я все тотъ же, что былъ—восклицаетъ Бѣлинскій въ отвѣтномъ письмѣ къ Бакунинымъ,—все та-же прекрасная душа, безумная и любящая; сердце мое еще не отказалось отъ вѣры въ жизнь, ни отъ мечтаній...“ (9 дек. 1841 г.). Черезъ мѣсяцъ послѣ этого Бѣлинскій, какъ мы уже знаемъ, былъ проѣздомъ въ Прямухинѣ, снова видѣлся съ А. А. Бакуниной; послѣдняя въ 1840-1г. пережила тяжелый неудачный „романъ“ съ другомъ Бѣлинскаго, Боткинымъ, а теперь, повидимому, готова была отвѣтить взаимностью на старую любовь Бѣлинскаго. Однако, не съ нею показалъ себя Бѣлинскій прежнею „прекрасною душою“ („восторженнымъ дуракомъ“). Правда, онъ попрежнему, „когда говорилъ съ нею—пьянѣлъ безъ вина, изъ глазъ сыпались искры“, однако, тутъ же онъ прибавляетъ: „но нѣтъ ея—и все кончено. Да, не надуешь: полюби-ка сама сперва, да дай это знать,—такъ, пожалуй, сойду съ ума и сдѣлаюсь такимъ дуракомъ, какого другого и не найти; но безъ этого—слуга покорный... А изъ сего, о, Боткинъ, слѣдуетъ ясно, что пора... ай! ай! святители,—ничего, ничего, молчаніе.“ (17 марта 1842 г.). Ясно, что пора жениться,—подразумѣваетъ Бѣлинскій; но дѣло въ томъ, что, говоря о женитьбѣ, онъ имѣетъ въ виду (это ясно изъ контекста) не А. А. Бакунину, а М. В. Орлову, съ которой былъ знакомъ еще съ 1835 года и съ которой, очевидно, видѣлся въ Москвѣ во время зимней поѣздки 1841—2 г., когда онъ былъ и въ Прямухинѣ. И хотя еще весною 1843 года онъ стремился въ Прямухино и испытывалъ «сухое отчаяніе» оттого, что не попалъ, но въ то же время его влекло все болѣе и болѣе къ М. В. Орловой, которой онъ и сдѣлалъ предложеніе во время своего пребыванія въ Москвѣ лѣтомъ 1843 года. Оттого онъ и не заѣхалъ на обратномъ пути въ Петербургъ въ Прямухино, къ ожидавшей его А. А. Бакуниной [1]).

Въ любви своей къ М. В. Орловой Бѣлинскій попрежнему показалъ себя восторженной «прекрасной душой»; онъ безумствовалъ, какъ юноша, несмотря на опытъ годовъ, на холодъ сознанія. Онъ сознавалъ, что женится, спасаясь отъ одиночества, отъ преферанса, отъ пустоты личной жизни, отъ гне-

---

[1]) Подробное изложеніе отношеній Бѣлинскаго къ А. А. Бакуниной—въ статьѣ П. Милюкова «Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ».

тущей тяжести ея. «Жить становится все тяжелѣе, и тяжелѣе,— писалъ Бѣлинскій къ Боткину 9 дек. 1842 г. (т. е. именно въ разгаръ своей свѣтлой вѣры въ соціализмъ, подчеркиваемъ это еще разъ и еще разъ):—не скажу, чтобы я боялся умереть съ тоски, а не шутя боюсь или сойти съ ума, или шататься, ничего не дѣлая, подобно тѣни, по знакомымъ. Стѣны моей квартиры мнѣ ненавистны; возвращаясь въ нихъ, иду съ отчаяніемъ въ душѣ, словно узникъ въ тюрьму, изъ которой ему позволено было выйти погулять. Это ты отъ меня уже слышалъ; но сколько бы я ни повторялъ тебѣ этого, никогда не буду въ силахъ выразить всей дѣйствительности этого страшнаго могильнаго ощущенія»...

Семейная жизнь была для Бѣлинскаго единственной надеждой, единственнымъ спасеніемъ отъ этого холода одиночества; и онъ спокойно и обдуманно дѣлалъ этотъ шагъ, останавливая свой выборъ на одной изъ двухъ обратившихъ его вниманіе женщинъ, подготовляя почву. Онъ переписываетъ Лермонтовскаго «Демона» въ «завѣтную тетрадку въ сафьяновомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ» и посылаетъ ее, черезъ Боткина, М. В. Орловой: «будь что будетъ—пишетъ онъ Боткину,—а надо завязать узелъ, и пусть судьба развязываетъ его, какъ хочетъ—хуже не будетъ»... И тутъ же онъ хладнокровно прибавляетъ, говоря о М. В. Орловой, что „*субъектъ* шевелитъ мнѣ душу, и будь у него тысячъ десять на первую обзаведенцію—я лѣтомъ же бы женился, право. Но выходи она за другого—если онъ порядочный человѣкъ,— первый благословлю ее на радость и на счастье“.. (31 марта 1842 г.). Какъ видимъ, все это— спокойное взвѣшиваніе, холодный разсчетъ на почвѣ любви, симпатіи. Но все это—только въ теоріи. Лишь только дѣло дошло до примѣненія теоріи къ жизни, какъ всѣ холодные разсчеты исчезли, и Бѣлинскій снова кипитъ, неистовствуетъ, снова является „восторженной душой“. Стоитъ только прочесть его письма къ «невѣстѣ», отъ сентября-октября 1843 года, чтобы воочію увидѣть передъ собою прежняго „неистоваго Виссаріона“.

А между тѣмъ жизнь больно ударила его, задолго до свадьбы выяснивъ ему нерадостную картину его будущей семейной жизни. М. В. Орловой было въ то время уже 32 года; она была классной дамой въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ. Повидимому, она выдѣлялась изъ общей среды, изъ обычнаго „институтскаго“ типа дамъ и дѣвицъ—иначе Бѣлинскій не могъ бы обратить на нее вниманія, увидѣть въ

ней и умъ и сердце; но все же, хотя она и читала „жадно“ статьи Бѣлинскаго, вліяніе окружающей среды было сильнѣе вліянія этихъ статей. Бѣлинскій просилъ ее возможно скорѣе пріѣхать обвѣнчаться съ нимъ въ Петербургѣ, а она настаивала на томъ, чтобы онъ пріѣхалъ (въ октябрѣ 1843 года) въ Москву: прежде всего «принято», что „женихъ пріѣзжаетъ къ „невѣстѣ“ («какіе гнусные термины,»—восклицаетъ Бѣлинскій), а не наоборотъ; затѣмъ необходимо сдѣлать визитъ m-me Sharpiot, начальницѣ института; необходимо, чтобы при вѣнчаніи было человѣкъ 30—40 родныхъ и знакомыхъ; необходимо присутствіе на парадномъ обѣдѣ у дядюшки невѣсты; необходимо сдѣлать послѣ-свадебные визиты, чтобы не подпасть „анаѳемѣ“ родственниковъ; необходимо, чтобы всѣ обрядовыя и бытовыя условія свадьбы были исполнены „женихомъ“ („подлое слово, чтобы чортъ приснился тому, кто его выдумалъ!“—снова восклицаетъ Бѣлинскій).

Бѣлинскій пришелъ въ ужасъ отъ писемъ своей „невѣсты“, въ которыхъ излагались подобныя мнѣнія: «письмо Ваше, Marie,—отвѣтилъ онъ ей,—заставило меня перегорѣть въ жгучемъ жупельномъ огнѣ такихъ адскихъ мукъ, для выраженія какихъ у меня нѣтъ словъ. Мнѣ хотѣлось броситься не на полъ, а на землю, чтобы грызть ее. Мой докторъ говорилъ на сторонѣ, что если бы я не послалъ къ нему..., я или бы умеръ къ утру отъ удара въ голову, или сошелъ бы съума»... (12 окт. 1843 г.). Невѣста вздумала его утѣшить тѣмъ, что она вполнѣ раздѣляетъ его мысли о любви, о бракѣ, о семьѣ, высказанныя Бѣлинскимъ ad hoc въ сентябрьскомъ номерѣ «Отеч. Записокъ»; но Бѣлинскій грустно отвѣтилъ: «что касается до моей статьи, то взгляды мои въ ней вы раздѣляете только т е о р е т и ч е с к и; ваше письмо доказываетъ, что на практикѣ мы розно понимаемъ вещи»... И Бѣлинскій яростно обрушивается на всѣ доводы своей «невѣсты», высказывая всю свою ненависть къ такъ называемому «быту» (что крайне характерно для «перваго русскаго интеллигента», какъ иногда называютъ Бѣлинскаго): «покориться обычаямъ шутовскимъ и подлымъ, профанирующимъ святость отношеній, въ какія мы готовы вступить съ вами, обычаямъ, которые я презираю и ненавижу по принципу и по натурѣ моей! У дядюшки обѣдъ! Будь прокляты всѣ обѣды, всѣ дядюшки, всѣ тетушки и всѣ чиновники съ ихъ гнусными обычаями!» (1-окт. 1843 года). Бѣлинскаго приводило въ отчаяніе, что любимая имъ женщина репещетъ передъ тѣмъ, что будетъ говорить княгиня Марья

Алексѣвна; «меня убиваетъ мысль, что вы, кого я считалъ лучшей изъ женщинъ, что вы, въ рукахъ которой теперь и счастье и бѣдствіе всей моей жизни, что вы, которую я люблю, вы—раба московскихъ кумушекъ, салопницъ и тетушекъ. Вотъ чѣмъ Богъ-то наказалъ меня за грѣхи, а не тѣмъ, что вамъ 32 года и что вы больны. И тяжка наказующая меня Десница!» (12 окт. 1843 г.).

«Какое разочарованіе, Боже великій, какое разочарованіе!»—восклицаетъ Бѣлинскій въ другомъ письмѣ того же времени къ М. В. Орловой. Отъ семейной жизни съ нею Бѣлинскій «никогда не ожидалъ восторговъ» («да и Богъ съ ними, съ этими восторгами»,—прибавляетъ онъ), но онъ ждалъ мирнаго, яснаго, спокойнаго существованія, охоты къ труду и любви къ своему углу. «Союзъ съ вами сулилъ мнѣ тихое и спокойное счастье. Но, увы!—мы еще не соединены, а я уже глубоко несчастенъ и страдаю такимъ страданіемъ, котораго и возможности прежде не подозрѣвалъ. Я получилъ ударъ съ такой стороны, съ которой никогда не ожидалъ его»... Получивъ изложенное выше письмо отъ своей «невѣсты», Бѣлинскій, по его словамъ, «съ облаковъ упалъ на землю и больно ушибся. Самолюбіе мое было страшно поражено, и мнѣ какъ бы невольно лѣзли въ голову все эти стихи Пушкина:

Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья—
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ....

Но любовь къ вамъ побѣдила все... «(13-окт. 1843 года). Несмотря на всѣ эти удары, Бѣлинскій продолжалъ любить свою «Marie» по прежнему, «неистово и страстно»....

Но и ударъ произвелъ свое дѣйствіе: Бѣлинскій уже начисто отказался отъ всѣхъ иллюзій, всѣхъ «высокопарныхъ мечтаній» о своей будущей семейной жизни; яснѣе, чѣмъ когда бы то ни было, созналъ онъ, что женитьба для него—не свѣтлое счастье молодой любви, (какой была когда-то его любовь къ А. А. Бакуниной), а только средство противъ одиночества, противъ тоски и пустоты личной жизни. И если бы его свадьба даже и разстроилась—онъ не умеръ бы съ горя: «этого не бойтесь,—писалъ онъ М. В. Орловой;—но меня можетъ постигнуть иная смерть: мною овладѣетъ апатія, уныніе, лѣность, преферансъ, я опущусь до послѣдней степени» (4 окт. 1843 г.). Бракъ по любви, но въ то же время

бракъ, какъ спасеніе отъ одиночества, и въ этомъ смыслѣ—бракъ по разсчету: такъ вступалъ Бѣлинскій въ свою семейную жизнь... И хотя «невѣста» въ концѣ концовъ рѣшилась пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ и состоялась свадьба 12 ноября 1843 г.,—однако, вся эта исторія была для Бѣлинскаго нерадостнымъ предуказаніемъ будущаго. Иллюзій быть не могло.

И онъ хорошо дѣлалъ, что не обольщалъ себя иллюзіями, много страданій принесла ему семейная жизнь. Послѣ трехъ лѣтъ этой жизни онъ говорилъ (въ письмѣ къ Боткину, въ мартѣ 1846 г.), что за эти три года онъ «пережилъ да передумалъ—и уже не головою, какъ прежде,—право, лѣтъ за тридцать....», и въ это же самое время, въ статьѣ о Кольцовѣ онъ съ горечью замѣчалъ: «всѣмъ извѣстно, какова вообще наша семейственная жизнь»... Но это были только рѣдкія вспышки, когда Бѣлинскій говорилъ о семейной жизни вообще и о своей семейной жизни въ частности; вообще же онъ замкнулся въ себѣ и ничего никому не говорилъ о своей семейной жизни. Были и свѣтлыя минуты въ этой жизни: много радости принесло Бѣлинскому рожденіе дочери Ольги (13 іюня 1845 г.): изъ писемъ Бѣлинскаго 1846—7 г.г. видно, какъ онъ любилъ этого ребенка. Любилъ онъ и жену—по крайней мѣрѣ, заботился и безпокоился о ней въ разлукѣ. Быть можетъ даже, въ разлукѣ онъ любилъ ее больше, чѣмъ дома [1]). Къ тому же дома у него поселилась и сестра жены Агриппина Васильевна Орлова, доставлявшая ему, заодно съ женой, не мало тяжелыхъ минутъ своимъ характеромъ. Кавелинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ называетъ этихъ двухъ сестеръ „женщинами очень посредственными, чтобы не сказать больше“...

Переписка Бѣлинскаго съ женой въ 1846—47 г.г. бросаетъ свѣтъ на эту сторону семейной его жизни: Мы узнаемъ изъ этой переписки, какъ жена жаловалась, что Бѣлинскій съ ней «дурно обращается», что онъ уѣхалъ лечиться (за два года до смерти) „безъ причины“, а значитъ, не любитъ жену и ребенка; какъ сестра ея, Агриппина, заявляла въ письмахъ, что она „плюетъ“ на Бѣлинскаго; какъ обѣ онѣ мучали Бѣлинскаго своей мелочной раздражительностью, и такъ далѣе,

[1]) Странные мы съ тобой, братецъ, ты мой, люди: живемъ вмѣстѣ—не уживаемся, а врознь—скучаемъ... Поэтому я думаю, что для поддержанія супружескаго благосостоянія необходимы частыя разлуки»... (изъ письма Бѣлинскаго къ женѣ отъ 7 мая 1846 г.). Въ этой шуткѣ для Бѣлинскаго было много серьезнаго.

и такъ далѣе. „Видно, вамъ не суждено понимать меня,— грустно отвѣчалъ на все это Бѣлинскій:—ни житье вмѣстѣ, ни отдаленіе разлуки, ничто не научило васъ понимать мой характеръ"... (30 іюля 1846 г.). Полвѣка спустя Агриппина Васильевна Орлова, въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, хотѣла представить семейную жизнь его какимъ то домашнимъ раемъ, а жену его—понимающей и цѣнящей своего мужа женщиной; она передаетъ также, что когда Бѣлинскій въ предсмертномъ бреду жаловался, что читатели и слушатели не понимаютъ его, то жена утѣшала его словами: теперь тебя не понимаютъ, но зато послѣ поймутъ... Все это слишкомъ явно придумано и обращаетъ въ мелодраму душевную трагедію Бѣлинскаго, котораго не понимали самые близкіе ему люди, котораго не понималъ самый близкій ему человѣкъ—жена.

Такъ смирились «высокопарныя мечтанья» юности Бѣлинскаго, такъ были погребены иллюзіи и надежды его молодости. Отъ одиночества онъ искалъ спасенія въ семейной жизни; быть можетъ, онъ былъ бы радъ потомъ найти спасеніе отъ семейной жизни—въ быломъ одиночествѣ.

XIV.

Журнальная дѣятельность. «Отечественныя Записки» (1840—1845 гг.).

А тяжелая, подневольная журнальная работа шла своимъ чередомъ. Надъ цѣлымъ рядомъ статей этой эпохи (1841—1845 гг.) Бѣлинскій работалъ съ увлеченіемъ; статьи эти читатель найдетъ во второмъ томѣ настоящаго изданія. Оцѣнка крупныхъ фактовъ текущей русской литературы; рѣшеніе вопросовъ объ искусствѣ и жизни; война съ «братьями-разбойниками» русской журналистики, Булгаринымъ и Гречемъ, а также и Сенковскимъ; усиливающаяся борьба со славянофильствомъ; глубокое изученіе исторіи русской литературы, приведшее Бѣлинскаго къ знаменитымъ статьямъ о Пушкинѣ; проповѣдь—въ рамкахъ николаевской цензуры—новой вѣры въ «соціальность» и общественность: вотъ чѣмъ жилъ Бѣлинскій этой эпохи.

И въ первое время своего сотрудничества въ «Отеч. Запискахъ» Бѣлинскій былъ совершенно удовлетворенъ своей журнальной дѣятельностью; въ концѣ 1840 года онъ писалъ

Боткину, что въ Россіи теперь есть только двѣ возможности дѣйствовать—каѳедра и журналъ, лишь бы только аудиторія и въ томъ и другомъ случаѣ была достаточно велика. «О, если бы «Отеч. Записокъ» нынѣшній годъ зашло тысячи за три (подписчиковъ),—восклицаетъ онъ:—тогда было бы за что забыть даже (и Москву), и женщину, и свою краткую безотрадную жизнь, и поратовать, и костьми лечь, если нужно будетъ. О, если бы при этомъ можно было печатать хоть то, что печаталось назадъ тому десять лѣтъ въ Москвѣ! Тогда бы я умеръ на дести бумаги, и если бы чернила всѣ вышли, отворилъ бы жилу и писалъ бы кровью»...

Часть этихъ скромныхъ мечтаній вскорѣ исполнилась: благодаря Бѣлинскому «Отеч. Записки» вскорѣ получили гораздо болѣе трехъ тысячъ подписчиковъ, вліяніе его росло, онъ имѣлъ многочисленную и внимательную аудиторію, которая, по приведеннымъ нами выше словамъ Герцена, судорожно ждала статей Бѣлинскаго и съ лихорадочнымъ сочувствіемъ читала ихъ. Бѣлинскій зналъ про это, хотя и не сознавалъ всей величины своего вліянія; впослѣдствіи, въ 1846 году, уже разорвавъ съ «Отеч. Записками» и узнавъ, какое это впечатлѣніе произвело на широкіе круги читающей публики, Бѣлинскій писалъ Герцену: «...я просто изумленъ тѣмъ, какъ имя мое извѣстно и въ какомъ оно почетѣ у россійской публики: этого мнѣ и во снѣ не снилось»... Годомъ позднѣе Бѣлинскій, во время своей заграничной поѣздки, встрѣтился въ Кельнѣ съ какимъ-то неизвѣстнымъ русскимъ путешественникомъ, который, говоря о русской литературѣ, между прочимъ, сказалъ: «а вотъ у насъ драгоцѣнный человѣкъ!» — «Кто?» — «Бѣлинскій!» — послѣ чего Бѣлинскій сконфузился и «постыдно обратился въ бѣгство». Однако, и раньше, еще въ 1841 году, Бѣлинскій безъ ложной скромности готовъ былъ признать себя фактомъ русской жизни, какъ называлъ его Боткинъ; но тутъ же Бѣлинскій называетъ себя «уродливымъ фактомъ», изломаннымъ русской дѣйствительностью. «Мнѣ кажется—восклицаетъ Бѣлинскій,—дай мнѣ свободу дѣйствовать для общества хоть на десять лѣтъ и потомъ, пожалуй, хоть повѣсь, и я, можетъ быть, въ три года возвратилъ бы мою потерянную молодость»...

Итакъ, аудиторія у Бѣлинскаго была, было и большое вліяніе, но не было свободы дѣйствовать — и это приводило Бѣлинскаго въ отчаяніе. Какъ «кнутобойничала» цензура и какъ отзывалось это на Бѣлинскомъ — мы не одинъ разъ

подчеркиваемъ въ нашихъ вступительныхъ замѣткахъ, приводя отдѣльные примѣры. „Чортъ возьми всѣ наши статьи, да и всѣхъ насъ съ ними! — съ отчаяніемъ восклицалъ Бѣлинскій послѣ одного изъ геройствъ—этой „варварской и татарской цензуры“. Но не одна цензура затемняла литературную дѣятельность Бѣлинскаго; не меньшую отрицательную роль по отношенію къ великому критику сыгралъ и Краевскій, издатель „Отечественныхъ Записокъ“. Этотъ умный литературный предприниматель сумѣлъ, какъ мы видѣли, понять ту пользу, какую могъ принести Бѣлинскій его журналу; онъ вполнѣ подчинился Бѣлинскому въ вопросѣ о направленіи журнала. Когда въ Бѣлинскомъ произошелъ душевный переломъ 1840—41 гг., когда онъ отъ преклоненія передъ разумной дѣйствительностью вообще и передъ россійской дѣйствительностью въ частности перешелъ къ рѣзкому осужденію этой дѣйствительности и сталъ въ своихъ статьяхъ врагомъ восхвалявшейся имъ въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ» художественности и проповѣдникомъ осаждавшейся имъ раньше соціальности—то Краевскій былъ очень сконфуженъ, но постарался скрыть свое смущеніе и будто-бы по доброй волѣ принять новое направленіе журнала, котораго онъ былъ единственнымъ хозяиномъ и распорядителемъ. «Въ этомъ журналѣ хозяинъ я, а другого нипочему не надобно, и я, братъ, въ тебѣ не нуждаюсь»,—мы приводили уже эти слова по адресу Бѣлинскаго, сказанныя Краевскимъ въ 1838 году; мы видѣли, что уже годомъ позднѣе положеніе измѣнилось и что Краевскій видѣлъ въ Бѣлинскомъ свое единственное спасеніе. Бѣлинскій сталъ единственнымъ идейнымъ хозяиномъ «Отеч. Записокъ», въ то время какъ фактическимъ хозяиномъ оставался Краевскій.— «Отечественныя Записки»,—вспоминалъ впослѣдствіи Бѣлинскій, — начались плохо, безъ всякаго направленія; я спасъ ихъ, давъ имъ направленіе, нелѣпое и дикое, но направленіе. Съ третьяго (1841) года начали онѣ поправляться денежно; на четвертый (1842) Краевскій былъ въ барышахъ»... (письмо къ Боткину отъ 5-го ноября 1847 г.). Эти барыши еще болѣе укрѣпляли Краевскаго въ рѣшеніи воздерживаться отъ вмѣшательства въ направленіе журнала; идейнымъ хозяиномъ «Отеч. Записокъ» онъ не могъ не признавать Бѣлинскаго, но тѣмъ болѣе ревниво оберегалъ онъ свои права фактическаго хозяина «директора»,—если не направленія журнала, то, по крайней мѣрѣ, его составленія. Какъ редакторъ журнала, онъ маралъ и «выправлялъ» стиль

и слогъ въ статьяхъ Бѣлинскаго; этого мало—онъ считалъ себя въ правѣ требовать отъ Бѣлинскаго обязательныхъ ежемѣсячныхъ рецензій на цѣлую кучу всякихъ макулатурныхъ книжонокъ. И Бѣлинскій почему-то подчинялся этому требованію, ежемѣсячно убивая не мало времени на рецензіи всякаго литературнаго хлама.

Стоитъ хоть бѣгло просмотрѣть библіографическія статейки Бѣлинскаго въ «Отеч. Запискахъ» 1841—1845 гг.: чего только тутъ нѣтъ! «Леонора или мщеніе итальянки, драматическое представленіе Павла Ильина»; «Гуакъ, или непреоборимая вѣрность»; „Физіологія влюбленнаго»; «Послѣдній Хеакъ», поэма В. Зотова; «Супружеская истина въ нравственномъ и физическомъ отношеніи»; «Книга судьбы, или Чародѣй гостиныхъ»; «Средство выдавать дочерей замужъ»; „Жила-была одна собака», водевиль; «Союзъ любопытства съ пользою, или способъ къ устройству порывовъ страстей – вновь изобрѣтенное гаданіе въ семидольныя карты», «Азбука русская новѣйшая, или Букварь для обученія малолѣтнихъ дѣтей чтенію"; „Новыя Дѣтскія Поздравленія, въ стихахъ, съ Праздниками"; „Маленькій Фокусникъ", поучительные и занимательные домашніе фокусы для дѣтей»,—и такъ далѣе, и такъ далѣе... Въ рецензіи на одну изъ этихъ книжонокъ Бѣлинскій еще въ 1842 году желчно говорилъ, что иногда и живые могутъ позавидовать мертвымъ, «которые—счастливцы!—не прочтутъ (этого издѣлія) и не пожалѣютъ о насъ, его прочитавшихъ... Изъ этого слѣдуетъ, что смерть не совсѣмъ зло и что въ ней есть своя хорошая сторона... По крайней мѣрѣ, жизнь — величайшее зло для тѣхъ, кто, подобно намъ, не только долженъ читать, между прочимъ, все выходящее на заднемъ дворѣ россійской словесности, но еще и писать о прочитанномъ».

Лучшей иллюстраціей къ этимъ словамъ Бѣлинскаго является извѣстный разсказъ Панаева о томъ какъ онъ, придя однажды къ Бѣлинскому, засталъ его ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и съ усиліемъ махающимъ правою рукою: «рука отекла отъ писанія,—объяснилъ ему Бѣлинскій. Я часовъ восемь сряду писалъ, не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье свое до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ быть, это отчасти и правда, но взгляните, Бога ради, сколько книгъ мнѣ присылаютъ... и какія еще книги—посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадальныя книжонки. И я долженъ непременно хоть по нѣскольку словъ написать объ каждой изъ этихъ книжонокъ»... Наконецъ,

самъ Бѣлинскій, рѣшившись порвать съ Краевскимъ, такъ писалъ Герцену о своемъ положеніи въ „Отеч. Записках“: „онъ (Краевскій) даетъ мнѣ разбирать нѣмецкіе, французскіе, латинскіе буквари, грамматики; недавно я писалъ объ итальянской грамматикѣ. Все это не потому только, чтобы ему жаль было платить другимъ за такія рецензіи, кромѣ платы мнѣ, но и потому, чтобы заставить меня забыть, что я закваска, соль, духъ и жизнь его пухлаго, водяного журнала (въ которомъ все хорошее—мое, потому что безъ меня ни ты, ни Боткинъ, ни Тургеневъ, ни многіе другіе ему ничегобы не давали), и заставить меня увѣриться, что я просто чернорабочій, который беретъ не столько качествомъ, сколько количествомъ работы. Святители! о чемъ не пишу я ему, какихъ книгъ не разбираю! И по части архитектуры (да еще какой—византійской!), и по части медицины... Онъ сдѣлалъ изъ меня враля, шарлатана, свою собаку, осла, на которомъ онъ въѣзжаетъ въ Іерусалимъ своихъ успѣховъ“... (14 янв. 1846 г.).

Во всемъ это несомнѣнно есть доля преувеличенія, но еще больше горькой правды; во всякомъ случаѣ Бѣлинскій хорошо понялъ, что «Отеч. Записки» губятъ его—выматываютъ силы, заставляютъ исписываться, не даютъ „ни отдыха, ни срока“. Еще въ періодъ своего увлеченія журналомъ Краевскаго, въ 1840 году, Бѣлинскій (въ полу-шутливомъ письмѣ къ Боткину) выражалъ опасеніе, что постоянная работа «боюсь, скоро и мою дѣйствительно отмѣнно плодородную (какъ свинья, которая приноситъ въ годъ ста по три поросятъ) натуру обезплодитъ»... А Бѣлинскому дѣйствительно приходилось въ иной годъ писать для «Отеч. Записокъ» свыше сотни статей, замѣтокъ и рецензій; да при томъ и писать приходилось на-спѣхъ, не имѣя возможности обработать, статью—и это тоже мучало Бѣлинскаго. «Дай мнѣ написать въ годъ три статьи, дай каждую обработать, передѣлать,—писалъ 22 янв. 1841 г. Бѣлинскій Боткину:—ручаюсь, что будетъ стоитъ прочтенія... Хорошо какому-нибудь Ретшеру издать въ годъ брошюрку, много двѣ. А тутъ напишешь пять полулистовъ, да и шлешь въ типографію, а прочіе дуешь, какъ Богъ велитъ; а тутъ еще Краевскій стоитъ съ палкою да погоняетъ»... И мѣсяцемъ позднѣе, снова разсказывая о томъ, что «второй листъ (статей) пишется, когда перваго уже правиться корректура», Бѣлинскій съ горечью прибавляетъ: «разсуди самъ, Боткинъ, какого чорта на это станетъ?»

И чѣмъ дальше, тѣмъ больше всѣ эти цензурныя и издательскія условія угнетали Бѣлинскаго: «все это и другія причины огадили мнѣ русскую литературу и вранье о ней сдѣлали пыткой»,—пишетъ онъ. И еще: «работа журнальная мнѣ опостылѣла до болѣзненности и я со страхомъ и ужасомъ начинаю сознавать, что меня не надолго хватитъ» (письмо къ Боткину отъ 6 февр. 1843 года). А Краевскій требовалъ опредѣленнаго количества «критики и библіографіи для каждаго номера своего журнала: «глядь, ужъ и 15-е число на дворѣ,—Краевскій рычитъ, у меня въ головѣ ни полъ-мысли, не знаю, какъ начну, что скажу; беру перо и пошла писать». «Отработался и два—три дня у меня болитъ рука—видъ бумаги и пера наводитъ на меня тоску и апатію»... (ibid.). «Журнальная срочная работа—писалъ позднѣе Бѣлинскій Герцену—высасываетъ изъ меня жизненныя силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно я двѣ недѣли въ мѣсяцъ работаю со страшнымъ, лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли, я, словно съ похмѣлья послѣ двухнедѣльной оргіи, праздно шатаюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности. Здоровье видимо разрушается»... (2 янв. 1846 г.). И чѣмъ дальше, тѣмъ больше наростало сознаніе, что надо такъ или иначе разорвать связывающія цѣпи, спасти здоровье, спасти способность работать... «Я—Прометей въ каррикатурѣ—горько шутитъ Бѣлинскій:—Отечественныя Записки—моя скала, Краевскій—мой коршунъ. Мозгъ мой сохнетъ, способности тупѣютъ»... (6 февр. 1843 г.).

И Бѣлинскій сдѣлалъ попытку лѣтомъ 1843 г. разорвать свои отношенія съ Краевскимъ и «Отеч. Записками». Мы знаемъ, что лѣто этого года Бѣлинскій провелъ въ Москвѣ; онъ выѣхалъ изъ Петербурга 2-го іюня, а уже 8 іюня написалъ изъ Москвы Краевскому письмо, въ которомъ сообщалъ, что отказывается отъ отдѣла «критики» въ «Отеч. Запискахъ». Поводомъ послужило, повидимому, то, что Краевскій отказался выплатить Бѣлинскому должную ему за статьи сумму (1727 р. ассиг.), предпочитая сперва расплатиться съ другими своими долгами. «Критики я не могъ писать,—читаемъ мы въ письмѣ Бѣлинскаго къ Краевскому отъ 16 іюня 1843 г.,—потому хочу, въ надеждѣ денегъ, составить исторію Робинзона Крузо, передѣлать въ книгу статью мою о дѣтскихъ книгахъ и т. п. Бога ради, поймите

проще и правдивѣе мое рѣшеніе: ваше несостояніе заплатить мнѣ извѣстную сумму слѣдуемыхъ мнѣ по 1-е апрѣля денегъ и цензурный гнетъ дѣлаютъ для меня критики ярмомъ невыносимымъ, а необходимость заняться другимъ для денегъ лишаетъ меня и времени заниматься ими...

Какъ разъ въ это время Бѣлинскій получилъ заманчивое предложеніе отъ одного богатаго человѣка, Коссиковскаго, поѣхать къ нимъ на два года за-границу, при чемъ, кромѣ безплатной поѣздки, Коссиковскій предлагалъ за это Бѣлинскому 6000 р. асс. [1]) «Предложеніе было соблазнительное, и часа два я былъ въ лихорадкѣ отъ него»,—говоритъ Бѣлинскій. Но тутъ то и выяснилось, какъ дорога была Бѣлинскому журнальная дѣятельность, проклинавшаяся имъ; тутъ самъ онъ увидѣлъ, что для него такое русская литература... «Этотъ случай—пишетъ онъ Краевскому (8 іюля)—посланъ мнѣ судьбою въ насмѣшку надо мною—видитъ око, да зубъ нейметъ; хороша клубничка, да жена сторожитъ. А жена эта—старая, кривая, рябая, злая, глупая старуха, словомъ рассейская литература, чортъ бы ее съѣлъ, да и подавился бы ею. Другой на моемъ мѣстѣ, чтобы только отъ нея убѣжать, бросился бы хоть въ киргизскія степи, а я, Донъ-Кихотъ нравственный, отказываюсь отъ поѣздки въ Италію, Францію, Германію, Голландію, на Рейнъ и пр., отказываюсь отъ чудесъ природы, искусства, цивилизаціи, отъ здоровья и, можетъ быть, еще чего-нибудъ большаго. Такова ужъ моя натура».

Краевскій испугался: замѣнить Бѣлинскаго ему было некѣмъ, безъ Бѣлинскаго журналъ его погибъ бы. А потому, еще не зная о предложеніи Коссиковскаго, онъ отдалъ Бѣлинскому свой долгъ, хотя и съ выраженіемъ крайняго своего неудовольствія. Деньги пришли къ Бѣлинскому какъ нельзя болѣе кстати и на неудовольствіе Краевскаго онъ не обратилъ вниманія, хотя тонъ письма Краевскаго его и «кольнулъ»; «а что вы бранитесь въ письмѣ, это—ваше благородіе, ангелъ вы мой,—ужъ такой обычай у васъ—собачья натура, которая, коли не лаетъ, такъ рычитъ»,—отвѣчалъ Бѣлинскій и, рѣшившись остаться въ «Отеч. Запискахъ», оригинально утѣшалъ Краевскаго: «я душу васъ часто несвоевременными просьбами насчетъ денежной клубнички—

[1]) О Коссиковскомъ см. въ «Дневникѣ» Никитенко. Впослѣдствіи у этого великодушнаго Коссиковскаго произошли какія-то денежныя недоразумѣнія съ Бѣлинскимъ, который вспомнилъ о Коссиковскомъ съ негодованіемъ и съ «сердечнымъ и всяческимъ щемленіемъ».

это правда, но зато я въ вѣрѣ твердъ и хожу въ «Отеч. Записки» с..ть и въ будни и въ праздники»... Еще больше испугался Краевскій, узнавъ о предложеніи Бѣлинскому заграничной поѣздки; онъ немедленно написалъ Бѣлинскому „доброе и искреннее“ письмо, отговаривая его отъ этой поѣздки. Но Бѣлинскій въ это время уже сдѣлалъ предложеніе М. В. Орловой, а потому и отвѣтилъ Краевскому, что не только не поѣдетъ за-границу, но даже, «если бы Европа сама пріѣхала ко мнѣ въ гости, я бы не принялъ ее теперь» (22-го іюля 1843 г.).

Теперь не могло уже быть и рѣчи о разрывѣ съ «Отеч. Записками»—и Краевскому въ этомъ отношеніи женитьба Бѣлинскаго была какъ нельзя болѣе на руку; онъ повысилъ гонораръ Бѣлинскому до 6.000 р. асс. въ годъ [1]) и былъ увѣренъ, что, связанный семьей, Бѣлинскій уже не уйдетъ изъ его журнала. «Видно, насъ самъ чортъ связалъ веревочкой, какъ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, и намъ, видно, не развязаться»,—писалъ Краевскому Бѣлинскій, рѣшившись остаться въ «Отеч. Запискахъ». И вернувшись въ Петербургъ, Бѣлинскій продолжалъ дѣятельно работать въ журналѣ Краевскаго, съ отвращеніемъ рецензируя азбуки, сонники, гадательныя книжки—и въ то-же время отдыхая душой на такихъ статьяхъ, какъ широко задуманныя имъ статьи о Пушкинѣ. «...Трудъ мнѣ не опротивѣлъ,—писалъ впослѣдствіи (въ 1846 году) Бѣлинскій Герцену: я больной писалъ большую статью о «Жизни и сочиненіяхъ Кольцова» и работалъ съ наслажденіемъ; въ другое время я въ три недѣли чуть не изготовилъ къ печати цѣлой книги, и эта работа была мнѣ сладка, сдѣлала меня веселымъ, довольнымъ и бодрымъ духомъ»... Но журнальная подневольная работа, работа изъ-подъ палки—попрежнему осталась невыносимой для Бѣлинскаго.

Здѣсь кстати будетъ внести нѣкоторую поправку въ жалобы Бѣлинскаго на эту подневольную работу. Казалось-бы, тутъ передъ нами явное противорѣчіе: Бѣлинскій разсказываетъ, съ какимъ трудомъ и отвращеніемъ берется онъ за перо, чтобы къ сроку написать для журнала статью, а мы, читая эту самую статью, поражаемся легкостью и блескомъ формы этой статьи, ея прочувствованностью, глубиной ея

[1]) Послѣдній фактъ нуждается еще въ подтвержденіи: есть версія, что Краевскій, наоборотъ, отказался повысить гонораръ Бѣлинскому до 6.000 р. въ годъ и что это послужило новой причиной охлажденія между ними (см. „Истор. Вѣстн.“ 1876 г., № 2).

содержанія. Но противорѣчія тутъ нѣтъ. Бѣлинскій съ отвращеніемъ брался, понукаемый Краевскимъ, за подневольную работу; но стоило ему только приступить къ работѣ, какъ онъ преображался, онъ овладѣвалъ темой, онъ «весь уходилъ въ нее, — справедливо говоритъ Пыпинъ, — работалъ быстро, съ увлеченіемъ, забывая все окружающее; это былъ импровизаторъ, преображавшійся въ минуту вдохновенія,— хотя бы оно вызывалось привычкой и необходимостью» (Op., cit., стр. 430).

Самъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину отъ конца февраля 1847 г., отвѣчая на упрекъ, что статья его о «Перепискѣ» Гоголя написана «безъ довольной обдуманности и нѣсколько сплеча», дѣлаетъ крайне характерное и цѣнное признаніе: «какъ ты меня мало знаешь!—восклицаетъ онъ:—всѣ лучшія мои статьи нисколько не обдуманы. Это импровизаціи; садясь за нихъ, я не зналъ, что я буду писать. Если первая строка хватитъ издалека—статья болтлива, о дѣлѣ мало сказано; если первая строка ближе къ дѣлу—статья хороша. И чѣмъ больше я ее запущу, чѣмъ меньше мнѣ времени писать ее, тѣмъ она энергичнѣе и горячѣе. Вотъ какъ я пишу...» Конечно, признаніе это надо понимать cum grano salis: у Бѣлинскаго есть великолѣпныя, „обдуманныя“ статьи, да и, напримѣръ, знаменитыя его статьи о Пушкинѣ, растянувшіяся на четыре года, не могли быть только „импровизаціей“; но это не устраняетъ признанія Бѣлинскаго, касающагося не столько внутренней сущности, сколько способа писанія его статей. Мы видѣли, что самъ Бѣлинскій называлъ свою ежемѣсячную срочную работу—«двухнедѣльной оргіей», «лихорадочнымъ напряженіемъ»; напряженіе это было губительно для его здоровья, но именно оно придавало статьямъ Бѣлинскаго ту энергію, бурность, горячность, которыми статьи эти до сихъ поръ увлекаютъ читателей...

Но Бѣлинскому хотѣлось большаго, ему хотѣлось досуга и возможности обработать тѣ блестящія импровизаціи, которыя выливались изъ подъ его пера. Въ письмѣ къ Кавелину отъ 7-го дек. 1847 года онъ говоритъ: „я вамъ прочту иную живую и горячую, но сплеча написанную статью мою—она вамъ понравится, можетъ быть, приведетъ васъ въ восторгъ. Но дайте мнѣ время обработать эту импровизацію—вы не узнаете ея: живость и теплота въ ней останутся, а силы ума и таланта прибавится...» И далѣе новое интересное признаніе: „знаете-ли, какія лучшія мои статьи? Вы ихъ не знаете—это тѣ, которыя не только не печатаны, а никогда не были

и написаны, и которыя я слагалъ въ головѣ моей во время поѣздокъ, гуляній, словомъ, въ нерабочее мое время, когда ничто извнѣ не понуждало меня приняться за работу. Боже мой! сколько яркихъ неожиданныхъ мыслей, сколько страницъ живыхъ, страстныхъ, огненныхъ! И многое, что особенно хорошо въ моихъ печатныхъ статьяхъ, большею частью удержанные въ памяти, ослабленные урывки изъ этихъ на свободѣ слагавшихся въ праздной головѣ статей. Я знаю, что моя сила не въ талантѣ, а въ страсти, въ субъективномъ характерѣ моей натуры, въ томъ, что моя статья и я—всегда нѣчто нераздѣльное».

И именно въ этой нераздѣльности кроется отвѣтъ на то, какъ могъ Бѣлинскій совмѣщать въ своей душѣ и страстную любовь и ненависть къ литературѣ, къ своей журнальной дѣятельности. Какъ ни тяжело приходилось ему отъ подневольной журнальной работы, какъ бы ни проклиналъ онъ въ письмахъ свой рабскій трудъ, но всегда въ душѣ своей сознавалъ онъ ту великую общественную миссію, которая была возложена на его плечи; всегда онъ могъ бы повторить слова, сказанныя имъ еще въ 1840 году: «умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку „Отечественныхъ Записокъ“. Я литераторъ—говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ съ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ россейской моя жизнь и моя кровь».

XV.

Журнальная дѣятельность. «Современникъ» (1846 — 1848 гг.).

Только два года спустя послѣ своей женитьбы Бѣлинскій твердо рѣшилъ уйти изъ журнала Краевскаго. Краевскій продолжалъ свою политику фактическаго хозяина журнала, заваливалъ Бѣлинскаго всяческой литературной макулатурой для рецензій (чтобы Бѣлинскій, первый критикъ его журнала, «незазнавался») и подъ шумокъ говорилъ своимъ пріятелямъ: «Бѣлинскій выписался и мнѣ пора его прогнать». Это онъ говорилъ въ 1845 году, когда Бѣлинскій писалъ такія статьи, какъ «Тарантасъ», или девятую и десятую изъ своихъ статей о Пушкинѣ. Существуетъ версія, будто Краевскій былъ недоволенъ этими «пушкинскими статьями» Бѣлинскаго, которыя яко-бы никого не интересовали и оставались въ жур-

налѣ неразрѣзанными [1]); но этотъ вздорный слухъ, противорѣчащій всѣмъ другимъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ (напримѣръ, дважды приведенному выше свидѣтельству Герцена), явно придуманъ ad hoc и post hoc, чтобы показать, что Бѣлинскій не самъ ушелъ, а Краевскій «прогналъ» выписавшагося и неинтереснаго критика.

Въ дѣйствительности дѣло произошло иначе. Бѣлинскій, заручившись временной денежной поддержкой Герцена, 6 февраля 1846 года заявилъ Краевскому, что, «спасая здоровье и жизнь, бросаетъ работу журнальную» и перестаетъ сотрудничать въ «Отеч. Запискахъ» съ 1 апрѣля этого года,—чѣмъ Краевскій «явно былъ смущенъ». Какъ Краевскій вскорѣ нашелъ видную критическую силу въ лицѣ Валеріана Майкова, и какъ этотъ В. Майковъ вскорѣ началъ полемизировать съ Бѣлинскимъ—объ этомъ мы говорить здѣсь не будемъ; достаточно сказать, что Бѣлинскій въ началѣ 1846 года навсегда распростился съ «Отеч. Записками» и Краевскимъ, начавшимъ еще усиленнѣе распускать слухи о томъ, что Бѣлинскій «исписался». Вздорность этихъ слуховъ вскорѣ доказали новыя статьи Бѣлинскаго, вышедшія въ началѣ 1846 года отдѣльными книгами; впослѣдствіи статьи 1847 и 1848 года показали, что и умиравшій Бѣлинскій, уже черезъ силу диктовавшій ихъ, остался душою и талантомъ, все тѣмъ же прежнимъ энергичнымъ и бодрымъ «неистовымъ Виссаріономъ».—

Бросивъ журнальную дѣятельность, Бѣлинскій имѣлъ въ виду получить на первое время средства къ жизни изданіемъ громаднаго альманаха «Левіаѳанъ», въ который московскіе и петербургскіе друзья тотчасъ же предложили и прислали ему цѣлый рядъ статей.—Однако изданіе этого альманаха Бѣлинскій рѣшилъ отложить на осень 1846 года («выпущу въ октябрѣ»), такъ какъ московскіе друзья его—главнымъ образомъ Герценъ,—обезпокоенные состояніемъ здоровья Бѣлинскаго, пожелали дать ему возможность отдохнуть лѣтомъ этого года отъ всякой работы. А болѣзнь Бѣлинскаго сильно обострилась—и самъ онъ сознавалъ свое положеніе, хотя и думалъ, что есть еще надежда оттянуть надвигавшуюся смерть. «Ахъ, братцы, плохо мое здоровье—бѣда!—писалъ Бѣлинскій Герцену 14 янв. 1846 года;— не могу поворотиться на стулѣ, чтобы не задохнуться отъ истощенія. Полгода,

---

[1]) Слухъ этотъ пущенъ, вѣроятно, самимъ Краевскимъ; см. статью А. Старчевскаго въ „Истор. Вѣстникѣ“ 1876 г., № 2.

даже четыре мѣсяца за границею—и, быть можетъ, я лѣтъ на пятокъ или болѣе опять пошелъ-бы какъ ни въ чемъ не бывало»... Поѣздку за-границу друзья не могли ему устроить, но устроили ему поѣздку по Россіи съ мая по октябрь 1846 года: знаменитый актеръ М. С. Щепкинъ, старый московскій знакомый Бѣлинскаго, ѣхалъ на лѣтнія гастроли въ Калугу, Харьковъ, Николаевъ, Херсонъ, Одессу, Крымъ—и бралъ Бѣлинскаго подъ свою опеку. Денежныя дѣла Бѣлинскаго устроилъ Герценъ—и Бѣлинскій пустился въ полугодовое путешествіе. Врядъ ли поѣздка эта могла принести пользу Бѣлинскому; отъ журнальной работы онъ отдохнулъ и даже соскучился по ней, но сама поѣздка его измотала: лѣто было дождливое и до Харькова путешественники дрожали отъ сырости и тонули въ грязи, а въ Харьковѣ и другихъ южныхъ городахъ задыхались отъ пыли. Во всякомъ случаѣ Бѣлинскій вернулся еще болѣе больнымъ, чѣмъ уѣхалъ.

Пока Бѣлинскій путешествовалъ, петербургскіе его друзья (Панаевъ, Некрасовъ) совершенно неожиданно задумали пріобрѣсти журналъ «Современникъ», основанный еще Пушкинымъ, а теперь влачившій жалкое существованіе подъ редакціей Плетнева. Такимъ образомъ, когда Бѣлинскій вернулся—онъ получилъ возможность стать во главѣ с в о е г о журнала и не искать себѣ заработка невѣрнымъ путемъ изданія альманаха. Еще разрывая съ «Отеч. Записками», Бѣлинскій предвидѣлъ возможность созданія новаго журнала: «я надѣюсь, что буду издавать журналъ... Я увѣренъ, что не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ я буду полнымъ редакторомъ журнала»,—писалъ Бѣлинскій Герцену еще до своего путешествія (6 апр. 1846 г.), когда о пріобрѣтеніи «Современника» не было еще и рѣчи. Надежды Бѣлинскаго оправдались раньше, чѣмъ онъ думалъ: не черезъ два года, а черезъ полгода получилъ онъ возможность снова работать въ журналѣ; не осуществилась только надежда—стать полноправнымъ редакторомъ журнала. Издателями «стали Панаевъ и Некрасовъ, оффиціальнымъ редакторомъ они пригласили А. Никитенко, а Бѣлинскій снова остался сотрудникомъ на жалованьѣ...

Какъ это случилось—теперь уже достаточно выяснено; главную и въ нѣкоторомъ случаѣ не совсѣмъ красивую роль во всемъ этомъ сыгралъ Некрасовъ. Этотъ великій поэтъ былъ большой «дипломатъ и политикъ»; онъ понялъ, что оффиціальное редакторство Бѣлинскаго можетъ оказатьс

весьма неудобнымъ для журнала: во-первыхъ, Бѣлинскій явно былъ на порогѣ смерти, а смерть оффиціальнаго редактора могла быть для николаевскихъ жандармовъ предлогомъ вмѣшательства въ дѣла журнала (такъ было съ тѣмъ же «Современникомъ» послѣ смерти Пушкина); во-вторыхъ, на редакторство Бѣлинскаго косо взглянули бы эти самые жандармы, знаменитое Третье Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, у которой Бѣлинскій и безъ того былъ на примѣтѣ. Гораздо безопаснѣе было пригласить редакторомъ «либеральнаго» профессора А. Никитенко, который въ то-же время былъ и цензоромъ, и безцвѣтный «либерализмъ» котораго былъ вполнѣ терпимъ даже въ николаевское время.

Причины эти были, быть можетъ, и уважительныя, но онѣ тяжело отразились на Бѣлинскомъ тѣмъ болѣе, что въ это же время (въ концѣ 1846 и началѣ 1847 года) на его голову свалился рядъ ударовъ—усиленіе своей болѣзни, рожденіе, болѣзнь и смерть сына и т. д. «Мнѣ эта исторія (съ Некрасовымъ) обошлась дорого»,—признавался годомъ позднѣе Бѣлинскій въ письмѣ къ Кавелину (7 дек. 1847 года); а вскорѣ послѣ этой исторіи Бѣлинскій такъ писалъ Тургеневу: «при объясненіи со мною, онъ (Некрасовъ) былъ нехорошъ: кашлялъ, заикался, говорилъ, что на то, что я желаю, [1]) онъ, кажется, для моей же пользы, согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ-же объяснитъ, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать. [2]) Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ—и сказалъ мои условія [3]). Онъ повеселѣлъ.» (19 февр. 1847 г.). А между тѣмъ Бѣлинскій былъ единственной надеждой «Современника», Бѣлинскій далъ возможность этому журналу сразу обратить на себя общее вниманіе—хотя бы однимъ тѣмъ, что онъ передалъ въ этотъ журналъ всѣ выдающіяся вещи, собранныя имъ для «Левіаѳана»; нечего уже и говорить о томъ, насколько привлекло читателей къ этому журналу одно имя Бѣлинскаго. И вотъ онъ принужденъ былъ снова только «сотрудничать» въ журналѣ своихъ друзей.

Правда, здѣсь его положеніе было болѣе свободно, чѣмъ

---

[1]) Очевидно, редакторство Бѣлинскаго въ «Современникѣ».

[2]) Эти причины указаны нами выше.

[3]) Условія эти, вѣроятно, касались гонорара: Бѣлинскій получалъ въ «Современникѣ» 8.000 руб. асс. за первый (1847) годъ и 12.000 р. асс. за второй (1848) годъ. Быть можетъ, также эти условія касались невмѣшательства Некрасова въ критическій отдѣлъ «Современника» (см. ниже).

въ журналѣ Краевскаго; правда, и здѣсь онъ былъ единственнымъ идейнымъ хозяиномъ журнала—но все же и здѣсь фактическіе хозяева, издатель Некрасовъ и редакторъ Никитенко, проявляли надъ нимъ свою власть. Никитенко маралъ и «исправлялъ» статьи Бѣлинскаго, не меньше, чѣмъ раньше дѣлалъ это Краевскій, а Некрасовъ наложилъ свою руку уже на самую первую статью Бѣлинскаго въ «Современникѣ» («Взглядъ на русскую литературу 1846 года»), требуя, чтобы Бѣлинскій измѣнилъ въ ней свое мнѣніе о повѣсти Григоровича, которая очень нравилась Бѣлинскому, но не нравилась Некрасову. И, повидимому, Бѣлинскому пришлось подчиниться, такъ какъ отзывъ его о «Деревнѣ» Григоровича, которая ему такъ нравилась, является слишкомъ сдержаннымъ, а отчасти и противорѣчивымъ [1]). И если устраненіе Бѣлинскаго отъ редакторства могло еще быть оправдано разными тонкими дипломатическими соображеніями, то этотъ послѣдній поступокъ Некрасова, несмотря на всю свою незначительность, навсегда останется темнымъ пятномъ на его памяти. Повидимому, Бѣлинскій вскорѣ потребовалъ отъ Некрасова, чтобы тотъ не вмѣшивался въ отдѣлъ критики; во всякомъ случаѣ онъ съ горечью говорилъ обо всѣхъ этихъ неудовольствіяхъ своимъ московскимъ друзьямъ (письма къ Боткину отъ 29-янв. и 6 февр. 1847 г.). Впрочемъ, говорилъ онъ объ этомъ не часто; слишкомъ тяжело ему было разочароваться въ былыхъ надеждахъ и, освободившись отъ ига Краевскаго, попасть подъ власть Некрасова и Никитенко.

И однако Бѣлинскій, забывая обиды, горячо принялся за новый журналъ, идейнымъ руководителемъ котораго былъ все-таки онъ. Цѣлый годъ онъ велъ жестокую войну со своими московскими друзьями, которые были возмущены устраненіемъ Бѣлинскаго отъ редакторства и поступками Некрасова, а потому не желали оказывать исключительную поддержку «Современнику». [2]) Бѣлинскій возмущался, негодовалъ, выходилъ изъ себя, упрекая своихъ московскихъ друзей (главнымъ образомъ, Боткина, Грановскаго и Кавелина) за ихъ поддержку Краевскаго и «Отеч. Записокъ»,—но впослѣдствіи призналъ отчасти основательность ихъ доводовъ. «Итакъ, дѣло вотъ въ чемъ,—писалъ Бѣлинскій (7 дек. 1847 г.) Кавелину:—вы остаетесь при томъ дурномъ мнѣніи о Некрасовѣ, при той недовѣрчивости къ нему, о которой

---

[1]) О «Деревнѣ» см. въ воспоминаніяхъ Тургенева о Бѣлинскомъ.
[2]) См. Воспоминанія Кавелина, собр. соч., т. III. стр. 1092—1093.

вы писали мнѣ великимъ постомъ нынѣшняго года. Я, съ моей стороны, вполнѣ сознавая несправедливость и неделикатность поступка со мною Некрасова, тѣмъ не менѣе не вижу въ немъ дурного человѣка». Но тутъ же Бѣлинскій признается, что исторія съ Некрасовымъ обошлась ему дорого и что онъ старался поскорѣе ликвидировать ее: «я признаюсь, у меня не доставало духа взглянуть на дѣло прямо. Да и то сказать, боленъ, близокъ къ смерти, безъ средствъ, я долженъ былъ, волею или неволею, ухватиться за Современникъ, какъ за надежду и спасеніе».

Такъ или иначе, но Бѣлинскій поставилъ крестъ надъ всей этой непріятной исторіей; онъ сталъ энергично ратовать за „Современникъ“, добывать для него статьи, искать новыхъ сотрудниковъ. Самъ онъ собирался дать этому журналу цѣлый рядъ критическихъ статей; въ концѣ 1847 г. онъ писалъ Боткину: „въ первой книжкѣ („Современника“ за 1848 г.) будетъ моя большая статья—обзоръ русской литературы въ 1847 г. Мнѣ хочется разобрать «Кто виноватъ»? и „Обыкновенную исторію“. Эти двѣ вещи даютъ возможность поговорить обо многомъ такомъ, что интересно и полезно для русской публики, потому что близко къ ней. Во второмъ номерѣ—о Лермонтовѣ, благо кстати вышло новое его изданіе. Затѣмъ о Ломоносовѣ, Державинѣ и другихъ изданныхъ теперь писателяхъ русскихъ, а тамъ о Гоголѣ. Такимъ образомъ „Современникъ“ сдѣлается по преимуществу критическимъ журналомъ, лишь бы только здоровье мое позволило».

Но здоровье не позволяло. Не успѣлъ Бѣлинскій вернуться къ ноябрю 1846 г. изъ своего путешествія по Россіи, не успѣлъ дать въ „Современникъ“ нѣсколько статей, какъ доктора уже въ январѣ 1847 года стали посылать его на воды за границу, въ Силезію. И Бѣлинскій хотѣлъ вѣрить, что за границею можно закрѣпить готовый развязаться и расползтись узелъ жизни. Но средствъ на поѣздку не было, а снова обращаться къ помощи друзей Бѣлинскій не хотѣлъ: «скажу тебѣ откровенно,— писалъ онъ Боткину 29 янв. 1847 г.:—эта жизнь на подаяніяхъ становится мнѣ невыносимою». Однако, сами друзья Бѣлинскаго—главнымъ образомъ Боткинъ—позаботились достать нужную для поѣздки Бѣлинскаго сумму, такъ что Бѣлинскій могъ осуществить эту заграничную поѣздку.

Выѣхалъ онъ изъ Петербурга 5 мая, а вернулся 24 сентября 1847 года; путешествовалъ онъ съ Анненковымъ и

Тургеневымъ. Сперва его повезли на воды въ Зальцбруннъ, гдѣ Бѣлинскій пробылъ съ 22 мая по 3 іюля; здоровье его становилось все хуже и хуже. Но въ этомъ хиломъ тѣлѣ была душа гладіатора—это давно уже сказано о Бѣлинскомъ [1]): больной, умирающій, онъ нашелъ въ себѣ силы написать изъ Зальцбрунна письмо къ Гоголю, горящее негодованіемъ, проникнутое одушевленіемъ и силою. Зальцбруннъ не помогъ; рѣшено было ѣхать въ Парижъ, къ одному доктору, славившемуся своими излеченіями чахотки. Въ Парижѣ Бѣлинскій очутился въ обществѣ близкихъ своихъ друзей—семьи Герценовъ, М. Бакунина и пр. Друзья видѣли, что передъ ними—умирающій человѣкъ, дни котораго сочтены; но докторъ взялся «вылѣчить» его. Одно время Бѣлинскій дѣйствительно сталъ чувствовать себя нѣсколько лучше: «я еще не выздоровѣлъ, но крѣпко и видимо выздоравливаю»—писалъ онъ женѣ (22 августа 1847 г.). Докторъ, послѣ трехъ недѣль лѣченія, заявилъ Бѣлинскому, qu' il le regarde comme guéri, что онъ считаетъ его уже вылѣченнымъ.

Бѣлинскій вернулся въ Петербургъ—и не прошло нѣсколькихъ дней, какъ болѣзнь его снова обострилась: по его выраженію, онъ «безпрестанно умиралъ». Въ этомъ состояніи онъ снова принялся за журнальную работу и, умирающій, писалъ и диктовалъ такія статьи, какъ «Отвѣтъ Москвитянину» и «Взглядъ на русскую литературу 1847 г.». Сколько энергіи, сколько ума и чувства, сколько силы въ этихъ статьяхъ умирающаго человѣка—въ этомъ каждый можетъ убѣдиться самъ; мы только должны прибавить, что въ эти послѣдніе два года жизни умирающаго Бѣлинскаго въ душѣ его происходилъ новый мучительный процессъ переоцѣнки старыхъ цѣнностей, разрывъ со старой вѣрой, ростъ новыхъ взглядовъ. «Вѣчная движимость»—эти слова самаго Бѣлинскаго характеризуютъ сущность натуры великаго искателя.

XVI.

Потеря вѣры въ утопическій соціализмъ (1846—1848 гг.)

Эта новая переоцѣнка основъ міровоззрѣнія началась, повидимому, еще во время путешествія Бѣлинскаго по Россіи лѣтомъ 1846 года. Съ начала весны и до конца этого года

[1]) Герценъ, «Былое и Думы», гл. XXV.

Бѣлинскій не писалъ статей, такъ какъ путешествовалъ и не имѣлъ въ своемъ распоряженіи журнала: письма же этого времени адресованы имъ главнымъ образомъ женѣ, съ которой бы онъ не сталъ говорить о происходящемъ съ нимъ новомъ переломѣ. А что переломъ совершился именно въ это время—это какъ нельзя яснѣе показываетъ намъ первая же статья Бѣлинскаго въ первомъ номерѣ „Современника“ за 1847 годъ; и переломъ этотъ коснулся не частностей, а главнаго стержня всего міровоззрѣнія Бѣлинскаго. Правда, въ новомъ журналѣ Бѣлинскій измѣнилъ и нѣкоторыя частности своихъ критическихъ взглядовъ, измѣнилъ тонъ отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ и нѣкоторымъ вопросамъ, для того, чтобы сразу разорвать съ традиціей журнала Краевскаго; мы подробно говоримъ объ этихъ частностяхъ во вступительныхъ замѣткахъ къ статьямъ №№ 59, 62, 65, а потому не будемъ останавливаться на нихъ здѣсь. Гораздо важнѣе оцѣнить сущность того глубокаго внутренняго переворота, который опредѣляется словами—потеря Бѣлинскимъ вѣры въ соціализмъ.

Мы внимательно слѣдили за душевнымъ переломомъ Бѣлинскаго въ 1840—1841 г.г., когда онъ отъ признанія «разумной дѣйствительности» міра и жизни пришелъ къ отчаянію, къ невѣрію въ жизнь, къ признанію безсмысленности ея; мы видѣли, въ чемъ Бѣлинскій нашелъ тогда спасеніе—онъ нашелъ его въ новой вѣрѣ, въ признаніи «разумной дѣйствительности» не міра и жизни вообще, а только будущей земной жизни человѣчества. Для Бѣлинскаго начался періодъ «соціальности», вѣры въ соціализмъ—и продолжался съ 1841 по 1845 годъ; во второй половинѣ 1845 года Бѣлинскій, по словамъ познакомившагося съ нимъ тогда Достоевскаго, былъ еще ярымъ приверженцемъ утопическаго соціализма и съ жаромъ проповѣдывалъ его своему новому знакомому. А годомъ позднѣе Бѣлинскій пишетъ статью, въ которой уже ясно выражается потеря вѣры въ соціализмъ; еще годомъ позднѣе, въ письмахъ къ друзьямъ онъ уже крайне рѣзко отзывается о соціалистахъ, называя ихъ «новыми мусульманами, у которыхъ Руссо—Алла, а Робеспьеръ—пророкъ его», считая ихъ «только шумливой, а въ сущности безсильной и ничтожной партіей», именуя ихъ выродками изъ фантазіи Руссо, а также «соціальными и добродѣтельными ослами»... Въ вышеуказанной статьѣ конца 1846 года Бѣлинскій опредѣленно отказывается отъ «мечтаній» утопическаго соціализма: онъ говоритъ, что Европу теперь зани-

маютъ «новые великіе вопросы, интересоваться которыми и слѣдить за которыми необходимо всѣмъ; но въ то же время «для насъ было бы вовсе безплодно принимать эти вопросы, какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ... У себя, въ себѣ, вокругъ себя—вотъ, гдѣ должны мы искать и вопросовъ и ихъ рѣшенія»...

Врядъ ли мы ошибемся, если предположимъ, что одной изъ главныхъ причинъ этого разочарованія въ общепримѣнимости и всеспасительности принциповъ утопическаго соціализма и коммунизма—могло быть продолжительное путешествіе Бѣлинскаго по всей Россіи лѣтомъ 1846 года. Хорошо было Бѣлинскому вѣрить въ близкое осуществленіе коммунизма и жертвовать на это осуществленіе фиктивные милліоны (см. воспоминанія Гончарова), сидя въ своемъ кабинетѣ на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, въ домѣ Лопатина, кв. № 43 (тамъ жилъ Бѣлинскій въ 1845 г.); но стоило уйти на полгода отъ своего книжнаго и кружкового уединенія, стоило проколесить по Россіи тысячъ пять верстъ, чтобы убѣдиться, какъ безконечно далеки отъ николаевской Россіи идеалы утопическаго соціализма. Славянофиламъ (а послѣ нихъ—родоначальнику народничества, Герцену) казалось, что русская поземельная община есть уже отчасти осуществленіе идеаловъ коммунизма; но Бѣлинскій скептически относился къ этой вѣрѣ и видѣлъ въ ней отраженіе вліяній утопическаго соціализма: «лучшіе изъ славянофиловъ—писалъ онъ къ Анненкову 15 февраля 1848 г.—смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ мой вѣрующій другъ [1]); они высосали эти понятія изъ соціалистовъ»... Бѣлинскій видѣлъ, что въ русской дѣйствительности того времени на очереди стояло вовсе не осуществленіе коммунистическихъ идеаловъ, а уничтоженіе крѣпостного права; въ проблемахъ и рѣшеніяхъ европейскаго соціализма «нашего только то, что примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ... У себя, въ себѣ, вокругъ себя—вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ и ихъ рѣшенія»,—приведемъ мы еще разъ слова Бѣлинскаго. Потерявъ вѣру въ утопическій соціализмъ,

---

[1]) «Вѣрующимъ другомъ» Бѣлинскій сталъ называть Бакунина послѣ своей встрѣчи съ нимъ въ Парижѣ лѣтомъ 1847 г. (см. въ письмѣ къ Анненкову отъ 19 сентября нов. ст. 1847 г.), Бакунинъ «вѣрилъ» въ народъ, въ его скорое самоосвобожденіе, въ близкое торжество соціалистическихъ идеаловъ.

Бѣлинскій тѣмъ сильнѣе ухватился за неотложныя проблемы русской дѣйствительности.

Но дѣйствительность эта не радовала; и въ то же время безъ вѣры Бѣлинскій жить не могъ. Тяжело отозвалась на немъ эта потеря вѣры въ самоосвобожденіе народа, въ ближайшее счастье человѣчества; въ письмахъ 1846—1847 г. мы снова встрѣчаемъ глубоко пессимистическія ноты былого невѣрія въ жизнь. Жить не стоитъ. Не изъ-за чего хлопотать. «Жизнь наполнена ужаснаго юмора». «Тажело и грустно! Чортъ возьми, иной разъ, право, дѣлается легко и весело отъ мысли, что жизнь—фантасмагорія, что, какъ мы ни волнуемся, а придетъ же время, когда и кости наши обратятся въ пыль»... (письмо къ Кавелину отъ 7 дек. 1847 г.). Но и этотъ ударъ и эту потерю вѣры вынесъ и выдержалъ Бѣлинскій, о немъ можно было бы повторить то, что самъ онъ въ началѣ 1846 года сказалъ въ одной изъ своихъ статей: «какъ ни жестокъ былъ ударъ, поразившій его въ самое сердце, но онъ вынесъ его, не закрылъ глазъ своихъ на природу и жизнь, не оглохъ къ ихъ обаятельнымъ призывамъ, не ушелъ внутрь себя, не забился въ какія-нибудь сладковато-мистическія утѣшенія, какъ это дѣлаютъ послѣ несчастья нравственно-слабыя натуры. Нѣтъ, онъ взялъ свое горе съ собою, бодро и мощно понесъ его по пути жизни, какъ дорогую, хотя и тяжкую ношу, не отказываясь въ то же время отъ жизни и ея радостей»... Бѣлинскій понесъ съ собою тяжелую ношу сознанія, что грядущее счастье человѣчества—только мечта, которою онъ обманывалъ себя и которая такъ же мало оправдываетъ горе и муки настоящаго, какъ и всякая «сладковато-мистическая» вѣра въ будущее земное и небесное блаженство. И подобно тому, какъ въ 1840—1841 г.г., отказавшись отъ вѣры въ абсолютную «разумную дѣйствительность» міра и жизни, Бѣлинскій пришелъ къ признанію правъ единичной личности, такъ и теперь, въ 1846 году, отказавшись отъ мысли оправдывать міръ и жизнь грядущимъ разумнымъ устроеніемъ человѣчества, Бѣлинскій снова вернулся къ признанію самодовлѣющаго значенія за человѣческой личностью. Уже въ первой своей статьѣ въ «Современникѣ» Бѣлинскій возвращается къ вопросу о личности и подробно говоритъ о томъ, о чемъ не говорилъ уже лѣтъ пять, съ тѣхъ поръ, какъ «личность» была для него заслонена «человѣчествомъ». Въ цѣломъ рядѣ писемъ 1847—1848 г.г. Бѣлинскій снова и снова разрабатываетъ вопросъ о личности и съ этической и съ соціальной точки зрѣнія.

«Человѣкъ—самъ себѣ цѣль»: такъ говорилъ Бѣлинскій въ письмѣ къ М. Бакунину еще десятью годами ранѣе (21 ноября 1837 г.). Мысль эту онъ особенно часто повторялъ и подчеркивалъ въ своихъ статьяхъ 1841 года; теперь онъ снова возвращается къ ней.—Человѣкъ—самоцѣль: это признаніе можетъ стать новой вѣрой, новымъ Богомъ Бѣлинскаго, ибо, по его же извѣстнымъ намъ словамъ, человѣкъ безъ Бога—трупъ холодный, жизнь человѣка—въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ... И этимъ Богомъ снова становилась теперь для Бѣлинскаго реальная человѣческая личность, страдающій и блаженствующій человѣкъ, человѣкъ—самоцѣль. Гдѣ оправданіе этихъ человѣческихъ страданій?—объективнаго оправданія имъ нѣтъ, но субъективное оправданіе лежитъ въ самой жизни: такъ теперь сталъ думать Бѣлинскій. Объективная цѣлесообразность, разумность міра и жизни, совершенство его sub specie aeternitas—все это, когда то признававшееся Бѣлинскимъ, теперь ненавистно ему; «совершенство есть идея абстрактнаго трансцендентализма,—пишетъ онъ Боткину 17 февраля 1847 г., и потому оно—подлѣйшая вещь въ мірѣ.—Человѣкъ смертенъ, подверженъ болѣзни, голоду, долженъ отстаивать съ бою жизнь свою—это его несовершенство, но имъ то и великъ онъ, имъ то и мила и дорога ему жизнь его».

Такова этическая сторона вопроса о личности въ пониманіи Бѣлинскаго; но не меньше вниманія удѣляетъ онъ и соціальной сторонѣ этого вопроса. Бѣлинскій беретъ не изолированную личность, а личность связанную съ настоящимъ, прошлымъ и будущимъ; немедленно вслѣдъ за только что приведенными фразами изъ письма 17 февраля 1847 г., онъ говоритъ объ «историческомъ прогрессѣ, живой связи, проходящей живымъ нервомъ по живому организму исторіи человѣчества»... И второе не противорѣчитъ первому—индивидуализмъ и общественность не только не противорѣчатъ, но даже и обуславливаютъ другъ друга; мы видимъ это и изъ статей Бѣлинскаго въ «Современникѣ» 1847—1848 г.г., и изъ его писемъ этой эпохи. Въ концѣ 1847 года Бѣлинскій совершилъ еще одинъ, послѣдній этапъ на пути своей «вѣчной движимости»; этимъ послѣднимъ шагомъ былъ окончательный отказъ отъ былой «вѣры въ народъ» и признаніе исключительной роли личности въ будущемъ освобожденіи народа.

Насъ не долженъ удивлять этотъ быстрый, но неизбѣж-

ный поворотъ во взглядахъ Бѣлинскаго: вѣдь мы знаемъ, что развитіе его взглядовъ всегда совершалось, по его же словамъ, „зигзагами“, мы знаемъ, что Бѣлинскій всегда былъ „человѣкомъ экстремы“, по выраженію Герцена. „Мнѣ не суждено попадать въ центръ истины, откуда въ равномъ разстояніи видны всѣ крайнія точки ея круга: нѣтъ, я какъ то всегда очутюсь на самомъ краю“. „Ты знаешь мою натуру: она вѣчно въ крайностяхъ и никогда не попадаетъ въ центръ идеи. Я съ трудомъ и болью разстаюсь со старою идеею, отрицаю ее до-нельзя, а въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита“,—такъ говорилъ о себѣ въ письмахъ самъ Бѣлинскій (къ Боткину, отъ 28 іюня и 8 сент. 1841 г.). Интересно отмѣтить, что въ статьяхъ своихъ Бѣлинскій крайне рѣзко отзывался о людяхъ, способныхъ стоять только на „крайнихъ“ точкахъ зрѣнія: „крайность есть нелѣпость, плодъ ограниченности ума и мелкости духа“, „только посредственность и ограниченность способны фанатически предаться какой-нибудь односторонности и упрямо закрывать глаза на весь остальной Божій міръ, противорѣчащій исключительности ихъ тѣснаго убѣжденія“... И это Бѣлинскій убѣжденно высказывалъ тогда, когда самъ того не сознавая, съ головою сидѣлъ въ односторонности ошибочно истолкованнаго гегеліанства [1])... Уже отсюда видно, что Бѣлинскій былъ не правъ: односторонность и крайность совмѣстимы съ широтою ума, съ глубиною духа, съ яркимъ талантомъ, съ горячимъ убѣжденіемъ; и тѣмъ цѣннѣе тогда та доля истины, которая заключена въ этой крайности...

Уйти отъ „крайностей“ Бѣлинскій не могъ, и въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни подошелъ къ новой „односторонности“ въ своемъ взглядѣ на общество и его ближайшія задачи. Разочаровавшись въ соціализмѣ, Бѣлинскій перешелъ къ обсужденію реальныхъ задачъ современной ему русской дѣйствительности—главнымъ образомъ крѣпостного права; онъ тщательно слѣдилъ за проблесками движенія въ этомъ направленіи и правительства и общества: онъ отмѣчаетъ попытки правительства (напримѣръ, указъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ), собираетъ слухи объ отношеніи къ этому вопросу Николая I, восхищается направленной противъ крѣпостного права статьею Заблоцкаго-

[1]) Впрочемъ, и позднѣе не разъ Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ осуждалъ «фанатическое увлеченіе крайностями, эту болѣзнь одностороннихъ умовъ».

Десятовскаго (въ №№ 5—6 „Отеч. Записокъ“ 1847 г.) и заявляетъ въ письмѣ конца 1847 года къ Анненкову, что «видно по всему, что патріархально-сонный бытъ весь изжитъ, и надо взять иную дорогу»... Эта новая вѣра оживляла Бѣлинскаго—вѣра не въ далекое грядущее блаженство и разумное устроеніе всего человѣчества, а въ ближайшее освобожденіе отъ рабства русскаго народа. Но какъ свершится это освобожденіе. Бѣлинскій долгое время думалъ и надѣялся, что народъ самъ освободитъ себя; это убѣжденіе было въ немъ сильно еще лѣтомъ 1847 года, во время его заграничной поѣздки. Въ Парижѣ Бѣлинскій встрѣтился съ М. Бакунинымъ, вѣра котораго въ народныя силы доходила до фанатизма; но именно эта фанатическая вѣра и поколебала убѣжденіе Бѣлинскаго. «Странный я человѣкъ!—восклицаетъ полугодомъ позднѣе Бѣлинскій:—когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піэтистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли,—тутъ я и назадъ»... И онъ прибавляетъ: «мой вѣрующій другъ (т. е. Бакунинъ) и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности»... (письмо къ Анненкову отъ 15 февр. 1848 г.). Къ этому въ другомъ мѣстѣ онъ прибавлялъ, что всегда и все дѣлалось черезъ средній слой общества—б у р ж у а з і ю.

XVII.

Послѣдняя вѣра и разочарованіе. Смерть (1848 г.).

Буржуазія—вотъ на кого возложилъ свои реальныя надежды Бѣлинскій въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни; это было окончательнымъ проявленіемъ его разрыва съ утопическимъ соціализмомъ. Прежде, вѣря въ соціализмъ, вѣря въ силы самого народа, Бѣлинскій былъ ярымъ врагомъ буржуазіи и вполнѣ соглашался со своимъ «вѣрующимъ другомъ», М. Бакунинымъ, который доказывалъ, что «избави—де Богъ Россію отъ буржуазіи»... Теперь, съ осени 1847 года, Бѣлинскій по-немногу склоняется къ противоположной точкѣ зрѣнія. Въ это самое время въ «Современникѣ» были напечатаны «Письма изъ Avenue Marigny» Герцена, писавшіяся

отчасти во время пребыванія Бѣлинскаго въ Парижѣ; въ письмахъ этихъ Герценъ обрушивается на французскую буржуазію, разъѣдающую собою соціальное тѣло Франціи, и вообще высказываетъ рядъ положеній о буржуазіи, которыя потомъ легли во главу угла всего его міровоззрѣнія. Эти мнѣнія Герцена о буржуазіи привели въ негодованіе московскихъ друзей Бѣлинскаго—Боткина, Корша, Грановскаго, и Боткинъ въ письмѣ къ Бѣлинскому назвалъ взглядъ Герцена неоспоримо ошибочнымъ и нестоющимъ возраженій.—Бѣлинскій возсталъ противъ такой оцѣнки взгляда Герцена, и въ большомъ письмѣ къ Боткину отъ начала декабря 1847 года высказываетъ свой взглядъ на французскую буржуазію. Бѣлинскій вполнѣ присоединяется къ тому, что «bourgeoisie»—сифилитическая рана на тѣлѣ Франціи» но весь odium этого онъ хочетъ возложить только на крупныхъ капиталистовъ «не на буржуазію вообще, а на большихъ капиталистовъ надо нападать, какъ на чуму и холеру современной Франціи», средняя же буржуазія является всегда великой въ борьбѣ и приносящей во время борьбы пользу всему народу [1]). «Я не принадлежу—заключаетъ Бѣлинскій—къ числу тѣхъ людей, которые утверждаютъ за аксіому, что буржуази—зло, что ее надо уничтожить, что только безъ нея все пойдетъ хорошо. Такъ думаетъ нашъ нѣмецъ Мишель [2]); я съ этимъ соглашусь только тогда, когда на опытѣ увижу государство, благоденствующее безъ средняго класса. Пока буржуази есть и пока она сильна—я знаю, что она должна быть и не можетъ не быть. Я знаю, что промышленность—источникъ великихъ золъ, но знаю, что она-же—источникъ и великихъ благъ для общества».

А если такъ, то и для Россіи можно было только пожелать скорѣйшаго появленія и укрѣпленія буржуазіи. Бакунинъ доказывалъ Бѣлинскому, что «избави Богъ Россію отъ буржуазіи», а Бѣлинскій заявляетъ теперь (въ письмѣ къ Анненкову отъ 15 февр. 1848 г.), что «внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію». Вотъ почему въ послѣдней своей статьѣ, писавшейся одно-

---

[1]) Эти же мысли Бѣлинскій высказалъ по поводу «писемъ изъ Avenue Marigny» въ своей послѣдней статьѣ.

[2]) Бакунинъ. Въ этомъ же письмѣ Бѣлинскій называетъ М. Бакунина «нѣмцемъ, который родился мистикомъ, идеалистомъ, романтикомъ и умретъ имъ, ибо отказаться отъ философіи еще не значитъ перемѣнить свою натуру».

временно съ этимъ письмомъ, Бѣлинскій съ такимъ сочувствіемъ отзывается о героѣ Гончарова, дворянинѣ и важномъ чиновникѣ Адуевѣ-старшемъ, который является въ то-же время владѣльцемъ фабрики—а значитъ и представителемъ «буржуазіи». Всѣ эти взгляды крайне характерны для Бѣлинскаго послѣднихъ мѣсяцевъ жизни; и нельзя отказать этимъ взглядамъ въ глубокой проницательности: дѣйствительно, «внутренній процессъ гражданскаго развитія Россіи» шелъ путемъ ослабленія русскаго помѣщичьяго дворянства и роста городской буржуазіи. Но Бѣлинскій самъ зналъ, что это процессъ длительный, измѣряющійся не годами, а десятилѣтіями; а потому всю свою надежду на ближайшее будущее, на уничтоженіе крѣпостного права онъ возложилъ на отдѣльныя л и ч н о с т и.

Народъ самъ себя освободить не можетъ—это такъ же невозможно предположить, какъ и то, что „живущіе въ русскихъ лѣсахъ волки соединятся въ благоустроенное государство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституціонную и, наконецъ, перейдутъ въ республику“—писалъ Бѣлинскій все въ томъ же письмѣ къ Анненкову. Нуженъ новый Петръ Великій, который сдвинетъ Россію съ „патріархально-соннаго“ пути ея въ николаевское царствованіе. «Для меня Петръ—моя философія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи»,—писалъ въ концѣ 1847 года Бѣлинскій Кавелину; это значило, что, по мысли Бѣлинскаго, великую реформу освобожденія могъ произвести только властный человѣкъ, стоящій во главѣ правительства. „Для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій“,—говоритъ Бѣлинскій въ другомъ письмѣ того же времени. Но Петра I не было—и Бѣлинскій готовъ былъ возложить свои надежды на Николая I... Въ письмѣ отъ декабря 1847 года къ Анненкову Бѣлинскій съ видимымъ сочувствіемъ передаетъ рядъ слуховъ о тѣхъ или иныхъ поступкахъ и шагахъ Николая I, направленныхъ къ ослабленію крѣпостного права. И за какія только мелочи не хватался Бѣлинскій, чтобы поддержать въ себѣ эту вѣру. Менщиковъ—противникъ освобожденія крестьянъ, Киселевъ—сторонникъ (разсказываетъ Бѣлинскій) „недавно Государь Императоръ былъ въ Александровскомъ театрѣ съ Киселевымъ и оттуда взялъ его съ собою къ себѣ пить чай: фактъ, прямо относящійся къ освобожденію крестьянъ“...

Въ связи съ этой надеждой на правительство у Бѣлинскаго растетъ вражда ко всякому рѣзкому проявленію обще-

ственнаго недовольства. Стоитъ прочесть, что пишетъ онъ на эту тему въ этомъ же письмѣ! — передъ нами прежній «неистовый Виссаріонъ», ушедшій отъ одной крайности для того, чтобы попасть въ другую. Въ это время былъ осужденъ и отданъ въ солдаты великій украинскій поэтъ Шевченко, за рѣзкія стихотворенія, оставшіяся неизвѣстными Бѣлинскому [1]); но все же Бѣлинскій крайне враждебно отнесся къ этимъ „пасквилямъ", по его выраженію. Въ Шевченкѣ онъ видѣлъ не мученика свободы, а „осла, дурака и пошлеца, а сверхъ того горькаго пьяницу, любителя горѣлки по патріотизму хохлацкому"... Нужно прибавить, что Бѣлинскій вообще всегда отрицательно относился къ литературамъ небольшихъ славянскихъ народностей; малороссійскій языкъ онъ презрительно именовалъ „нарѣчіемъ"— и это было еще до начала борьбы Бѣлинскаго со славянофильствомъ. Во время же этой борьбы Бѣлинскій доходилъ до такихъ крайностей, какъ напр., утвержденіе, что черногорцевъ надо вырѣзать всѣхъ до послѣдняго [2]).

Тому, кто знаетъ и любитъ „неистоваго Виссаріона", тому дороги всѣ эти крайности Бѣлинскаго, потому что за ними видна вѣчно-мятущаяся душа и потому что всегда за этой „крайностью" лежитъ какая-нибудь дорогая для Бѣлинскаго мысль. Такъ и теперь,—Бѣлинскій весь поглощенъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ, хочетъ вѣрить, что правительство намѣрено дѣйствовать въ этомъ направленіи, а потому съ обычной своей неистовостью, яростью и ненавистью относится ко всѣмъ преградамъ на пути. Такой преградой онъ—авторъ безсмертнаго письма къ Гоголю!—считалъ теперь рѣзкое проявленіе общественнаго недовольства, и отсюда его ненависть къ Шевченкѣ. „Я питаю личную вражду къ такого рода либераламъ, — продолжаетъ негодовать въ своемъ письмѣ къ Анненкову Бѣлинскій:—это враги всякаго успѣха. Своими дерзкими глупостями они раздражаютъ правительство, дѣлаютъ его подозрительнымъ, готовымъ видѣть бунтъ тамъ, гдѣ нѣтъ ровно ничего, и вызываютъ мѣры крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія [3])... Вотъ что

---

[1]) Главное изъ нихъ «Сонъ» въ настоящее время полностью напечатано въ „Кобзарѣ", изд. 1907 г. (СПБ), стр. 166–182.

[2]) См. воспоминанія Кавелина, собр. соч., т. III, стр. 1090.

[3]) Быть можетъ, этимъ желаніемъ «гусей не раздразнить» объясняются нѣкоторыя мѣста въ статьяхъ Бѣлинскаго, слишкомъ расходящіяся съ его взглядами. Возможно, однако, что это вставки Краевскаго.

дѣлаютъ эти скоты, безмозглые либералишки. Охъ, эти мнѣ хохлы... Либеральничаютъ во имя галушекъ и варениковъ съ свинымъ саломъ. И вотъ теперь писать ничего нельзя: все марaютъ. А съ другой стороны, какъ и жаловаться на правительство?" И Бѣлинскій начинаетъ прославлять цензоровъ— тотъ самый Бѣлинскій, который мѣсяцемъ раньше горько жаловался въ письмахъ на варварское искаженіе и „ошельмованіе" своихъ статей!

Все это очень и очень характерно. Бѣлинскій, очевидно, быстро приближался къ новой «крайности», къ новой вѣрѣ, которая могла бы дать ему удовлетвореніе. Отъ былого утопическаго соціализма—къ признанію большой и прогрессивной роли буржуазіи, отъ былой вѣры въ народъ—къ крайнему проявленію теоріи роли личности въ исторіи, отъ былой надежды на самоосвобожденіе народа—къ надеждѣ на либеральныя реформы правительства: вотъ путь, свершенный Бѣлинскимъ съ 1846 по 1848 г. Это было все большимъ и большимъ приближеніемъ къ политическому, соціальному, и всяческому иному реализму; въ области филосовской мысли мы видѣли тоже переходъ Бѣлинскаго отъ былыхъ „романтическихъ" упованій на объективную разумность міра вообще и на разумное устроеніе Человѣчества въ будущемъ—къ признанію только субъективной осмысленности міра и жизни для каждой реальной личности. Смерть не дала Бѣлинскому времени подвергнуть испытанію фактами этотъ его соціальный и политическій реализмъ; но мы теперь можемъ оцѣнить его, можемъ посмотрѣть, какъ оправдалась бы новая вѣра Бѣлинскаго.

Бѣлинскій медленно умиралъ въ то время, когда во Франціи разразилась февральская революція, перекинувшаяся вскорѣ и на другія страны. Къ революціи этой Бѣлинскій могъ отнестись только восторженно: вѣдь она была дѣломъ рукъ той самой средней буржуазіи, въ которой Бѣлинскій видѣлъ нервъ соціальнаго и политическаго прогресса. Но Бѣлинскому не суждено было дожить до іюня мѣсяца этого же 1848 года, когда торжествующая буржуазія стала разстрѣливать тотъ самый народъ, который далъ ей побѣду. Теоретически Бѣлинскій зналъ, что это можетъ случиться, что это уже случалось во Франціи; въ цитированномъ выше письмѣ къ Боткину отъ декабря 1847 года Бѣлинскій говорилъ, что средняя буржуазія „удивительно смышленно и ловко дѣйствовала во Франціи и, правду сказать, не разъ эксплоатировала народомъ: подожжетъ его, а потомъ и

вышлетъ Лафайета и Бальи разстрѣливать пушками его-же, т. е. народъ-же... Это—почти пророчество того, что случилось въ іюнѣ 1848 г.; и если Бѣлинскій теоретически предвидѣлъ возможность іюньской бойни, то врядъ ли простилъ бы онъ ее, если бы самъ дожилъ до этого событія. „Вечеромъ 26 іюня,—писалъ тогда Герценъ,—послѣ побѣды (буржуазіи), мы слушали правильные залпы съ небольшими разстановками и съ барабаннымъ боемъ... Вѣдь это растрѣливаютъ! сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу и молчалъ; за такія минуты ненавидятъ десять лѣтъ, мстятъ всю жизнь". Такъ чувствовалъ, такъ думалъ умѣвшій владѣть собою Герценъ; что сказалъ и почувствовалъ-бы „неистовый Виссаріонъ"? И что стало бы съ его упованіемъ на буржуазію. И чѣмъ замѣнилъ бы онъ свою вѣру въ «la République universelle et sociale?»

Не меньшій ударъ ждалъ его и съ другой стороны—со стороны россійской дѣйствительности. Бѣлинскій ждалъ отъ Николая I освобожденія крестьянъ и вообще начала «либеральной» политики,—а между тѣмъ наступали кошмарные пятидесятые годы (1848—1855).—«Вопросъ о крестьянахъ лопнулъ»—такъ вскорѣ послѣ февральской революціи отозвался Киселевъ въ разговорѣ съ Милютинымъ; это стало извѣстнымъ Грановскому, а, стало быть, не могло остаться неизвѣстнымъ Бѣлинскому. Надежда на освобожденіе крестьянъ отодвигалась, повидимому, въ неопредѣленную даль; врядъ ли бы кто повѣрилъ въ 1848 и слѣдующихъ годахъ, если бы сказали, что паденіе крѣпостного права осуществится черезъ десять-пятнадцать лѣтъ. Наступила пора необузданнаго реакціоннаго террора. Испуганное февральской революціей николаевское правительство приняло рядъ мѣръ, иногда самыхъ нелѣпыхъ; такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ начали усиленно вооружать Петропавловскую крѣпость... Умиравшій Бѣлинскій подтрунивалъ и говорилъ: «это изъ боязни, чтобы я ее не взялъ»... Но не до шутокъ ему было въ дѣйствительности, когда наступила эпоха цензурнаго и всяческаго террора. Издатели «Отеч. Записокъ» и «Современника» въ началѣ апрѣля 1848 года были приглашены къ начальству и имъ было сдѣлано тамъ строгое внушеніе съ требованіемъ «измѣнить въ основаніи направленіе журналовъ». Самъ Бѣлинскій получилъ въ мартѣ 1848 г. отъ важнаго чиновника III Отдѣленія, М. М. Попова (это былъ когда-то школьный учитель Бѣлинскаго—см. въ началѣ настоящей

статьи), письмо съ приглашеніемъ явиться въ III Отдѣленіе [1]). Бѣлинскій былъ сильно взволнованъ этимъ «приглашеніемъ», не предвѣщавшимъ ничего добраго, но не могъ подчиниться ему, такъ какъ уже съ трудомъ ходилъ по комнатѣ [2]).

Такъ передъ смертью видѣлъ Бѣлинскій, какъ гибнутъ его надежды на реформы свыше; до разочарованія въ «буржуазіи», изъ-за іюньскихъ дней 1848 года онъ не дожилъ,—онъ умеръ нѣсколькими недѣлями раньше. Возможностью выздоровленія онъ себя не обольщалъ—онъ зналъ, что умираетъ, и на утѣшенія друзей отвѣчалъ: «полноте говорить вздоръ»... А надъ головой его между тѣмъ собирались тучи: правительство начало узнавать о знаменитомъ письмѣ Бѣлинскаго къ Гоголю, которое уже расходилось по рукамъ въ спискахъ. Трудно представить, что сдѣлали-бы за это письмо съ Бѣлинскимъ, если за одно чтеніе этого письма приговаривали, въ 1849 году, къ смертной казни. Управляющій III-мъ Отдѣленіемъ Дубельтъ «яростно сожалѣлъ» о смерти Бѣлинскаго, прибавляя: «мы бы его сгноили въ крѣпости»...

Смерть избавила Бѣлинскаго отъ этого испытанія. Онъ умеръ 26 мая 1848 года, не доживъ нѣсколькихъ дней до полныхъ 37 лѣтъ. Онъ умеръ сравнительно молодымъ—и все-таки понятіе «молодости» не приложимо къ Бѣлинскому послѣднихъ лѣтъ жизни: слишкомъ много онъ пережилъ, слишкомъ много передумалъ, слишкомъ много перечувствовалъ, во многое страстно вѣрилъ, во многомъ горько разочаровался. Недаромъ прожилъ онъ свою недолгую жизнь—и заслужилъ этой мятущейся жизнью ненарушаемый «вѣчный покой»; намъ осталась—«вѣчная память» о немъ.

XVIII.

Заключеніе.

«Благо тому, кто, отличенный Зевеса любовью, неугасимо носитъ въ сердцѣ своемъ прометеевъ огонь юности, всегда живо сочувствуя свободной идеѣ и никогда не покоряясь оцепѣняющему времени или мертвящему

---

[1]) О причинахъ этого приглашенія см. статью Н. Щеголева «Эпизодъ изъ жизни В. Г. Бѣлинскаго» («Былое», 1906 г., № 10).

[2]) См. статью Щеголева «Эпизодъ изъ жизни В. Г. Бѣлинскаго («Былое», 1906 г. № 10)—письмо Бѣлинскаго къ Попову отъ 27 марта 1848 г., повидимому послѣднее письмо, написанное Бѣлинскимъ.

факту,—благо ему: ибо эта божественная способность нравственной движимости есть столько же рѣдкій, сколько и драгоцѣнный даръ неба, и немногимъ избраннымъ ниспосылается онъ!" Ни къ кому другому эти слова Бѣлинскаго (т. II, стр. 547) не примѣнимы съ такимъ правомъ, какъ къ самому Бѣлинскому; «вѣчная движимость»—была свойствомъ его души, алчущей и жаждущей истины и справедливости. Всю жизнь страстно билось его великое сердце въ поискахъ за справедливостью; всю жизнь томилась его великая душа въ стремленіи къ истинѣ. Если бы онъ былъ только великій литературный критикъ и историкъ литературы—его дѣятельность была бы почтенна, заслуживала бы глубокаго вниманія позднѣйшихъ литературныхъ критиковъ и историковъ литературы; но Бѣлинскій сверхъ этого былъ еще и великимъ религіознымъ искателемъ—а потому жизнь и дѣятельность его имѣетъ до сихъ поръ не только историческій, но и глубокій современный интересъ, который живъ будетъ вѣчно. Съ ранней юности стали передъ нимъ тѣ вѣчные вопросы, на которые нѣтъ отвѣта и на которые каждый человѣкъ долженъ дать свой отвѣтъ. Мы видѣли, какую бурю произвело столкновеніе этихъ вопросовъ въ душѣ юноши Бѣлинскаго: въ своей юношеской драмѣ «Дмитрій Калининъ» онъ вплотную подошелъ къ тому, что навсегда стало содержаніемъ всей его жизни, всей его литературной дѣятельности. Міромъ правитъ-ли Богъ, или отдалъ Онъ міръ свой на откупъ Дьяволу. Этотъ вопросъ отравилъ сердце юноши, а тому, кто отравленъ, кто задался этимъ вопросомъ—нѣтъ больше спокойствія въ жизни, пока не найдетъ онъ успокаивающей вѣры или не сдѣлаетъ своею вѣрою невѣріе въ міръ и жизнь. Все это испыталъ Бѣлинскій. Страстно, мучительно, со всѣмъ напряженіемъ мысли и чувства, всю свою жизнь искалъ онъ Бога, находилъ и терялъ, любилъ и проклиналъ, вѣрилъ и отчаивался. Нѣтъ лучшаго эпиграфа ко всей жизни Бѣлинскаго, какъ библейская фраза, которую самъ онъ примѣнялъ къ себѣ: ревность по Господѣ, снѣдающая человѣка. «Читали ли вы когда Ветхій Завѣтъ?—писалъ онъ, какъ мы знаемъ, Н. Бакунину въ 1842 году, уже во время своего церковнаго атеизма:—знаете-ли вы, что такое ревность по Господѣ, снѣдающая человѣка? Что человѣкъ безъ Бога?—трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ и блаженствуетъ. А что такое Богъ, если не понятіе человѣка о Богѣ?»

Всю жизнь снѣдала Бѣлинскаго ревность по Господѣ, всю жизнь Бѣлинскій умиралъ и воскресалъ, страдалъ и блаженствовалъ въ своемъ Богѣ. Сперва это была вѣра въ Премудрую благость, правящую міромъ, вѣра въ Абсолютный Духъ, въ абсолютную разумную дѣйствительность всего сущаго. Цѣлое десятилѣтіе, всѣ тридцатые годы, жилъ Бѣлинскій этою вѣрою; но на порогѣ сороковыхъ годовъ пришелъ мучительный кризисъ: вѣра эта пошатнулась, заколебалась и рухнула. Наступилъ двухлѣтній періодъ мятущихся исканій, мучительнаго невѣрія въ жизнь и въ ея силы; мы видѣли, какую тяжелую душевную трагедію пережилъ въ это время Бѣлинскій. Наконецъ пришла мало-по-малу новая вѣра въ новаго Бога—вѣра въ человѣчество, вѣра въ разумность будущаго его устроенія на землѣ, вѣра въ «соціализмъ». Года четыре, лѣтъ пять жилъ Бѣлинскій этой новой вѣрой, объясняя ею всю жизнь въ ея цѣломъ, счастьемъ будущихъ поколѣній оправдывая несчастье живущихъ и раньше жившихъ. Но и этой вѣрѣ пришелъ конецъ; въ 1846 году въ душѣ Бѣлинскаго произошелъ новый кризисъ, новый переломъ; человѣчество перестало быть его Богомъ. Все свое вниманіе обратилъ теперь Бѣлинскій на Человѣка, на реальную человѣческую личность. Бѣлинскій пересталъ искать абсолютныхъ отвѣтовъ на вопросы жизни, пересталъ искать объективнаго оправданія жизни въ Богѣ или Человѣчествѣ; пусть себѣ правитъ міромъ кто хочетъ, Богъ или Дьяволъ, или никто; но не можетъ этотъ Правящій лишить жизнь человѣка ея великаго внутренняго содержанія. «Совершенство—слышали мы слова Бѣлинскаго (1847 г.)—есть идея абстрактнаго трансцендентализма, и потому оно—подлѣйшая вещь въ мірѣ. Человѣкъ смертенъ, подверженъ болѣзни, голоду, долженъ отстаивать съ бою жизнь свою—это его несовершенство, но имъ то и великъ онъ, имъ-то и мила и дорога ему жизнь его»... Смерть не дала Бѣлинскому времени твердо придти къ этимъ новымъ взглядамъ и развить ихъ; это выпало на долю Герцена, который началъ съ того, чѣмъ кончилъ Бѣлинскій. Герценъ—это непосредственное продолженіе Бѣлинскаго въ исторіи русской общественной мысли.

Таковы были душевныя муки и духовныя скитанія Бѣлинскаго въ теченіе всей его недолгой жизни. Кто не знаетъ и не понимаетъ ихъ—тотъ не знаетъ и не понимаетъ всего Бѣлинскаго, не чувствуетъ души его произведеній, не сознаетъ смысла его дѣятельности. Великую историко-литературную

работу взялъ на себя и совершилъ Бѣлинскій въ своей журнальной дѣятельности—и мы тщательно слѣдимъ за этой работой во вступительныхъ замѣткахъ къ его статьямъ; но сущность этой работы только тогда становится ясной, если понять внутреннюю жизнь Бѣлинскаго его затаенныя переживанія, его страстныя исканія. Громадная умственная сила, соединенная съ громадной силой страсти—позволила Бѣлинскому на протяженіи десятка лѣтъ пережить и переработать въ душѣ своей тѣ міровоззрѣнія, развитіе которыхъ выпало на долю послѣдующихъ поколѣній русской интеллигенціи. Никогда не устарѣютъ, никогда не будутъ забыты, никогда не потеряютъ цѣны критическія сужденія и историко-литературные взгляды Бѣлинскаго; но съ еще большимъ правомъ это можно повторить о тѣхъ глубокихъ переживаніяхъ его, которыя объясняютъ намъ всю литературную дѣятельность великаго критика. Онъ былъ не только критикомъ, не только литераторомъ; Бѣлинскій былъ всю свою жизнь великимъ неустаннымъ искателемъ невѣдомаго Бога—въ Немъ онъ и умиралъ, и воскресалъ, и блаженствовалъ, и страдалъ. Искания эти не умрутъ никогда—и вѣчно живъ будетъ Бѣлинскій

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00022048605